

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ VII.

М О С К В А ,

Въ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1786.

*Путешествіе Васко де - Гамы въ Ост-
Индію. (Продолженіе.)*

3.

*Путешествіе изъ Мелнды въ Калекутъ:
Первое свиданіе съ Калекутскимъ
владѣльцомъ.*

Надежда достигнуть важной цѣли сего путешествія тогда не была уже подвержена сомнѣнію. Большая и самая трудная часть путешествія была благополучно совершена. Оставалось еще плыть нѣсколько по такимъ водамъ, по коихъ Арабскіе и Индійскіе корабли давно уже и часто проходили; и такъ Португальцамъ можно было надѣяться, что они и сей опасокъ пути щасливо совершатъ.

22 Апрѣля флотъ отправился отъ Мелнды съ намѣреніемъ не держаться болѣе Африканскаго берега. Цѣлю сего путешествія, какъ уже извѣстно, на-
Часть VIII. Но 38. А 2 знае

значенъ былъ Индійской торговой городъ Калекушъ, лежащій на Восточномъ берегѣ перваго Оспі - Индійскаго полуострова.

28 Апрѣля путешественники наши въ первой разѣ увидѣли сѣверную полярную звѣзду, кою давно уже на своемъ пути не видали. Изъ сего примѣтили они, что они опять перешли уже за экваторъ и находились на сѣверной половинѣ земнаго шара.

Сіе послѣднее путешествіе было имъ весьма удачно. Въ дватцать три дни переплыли они чрезъ большой заливъ, находящійся между Африкою и Индійскимъ полуостровомъ, коюраго поперешникъ полагается до 700 миль. Во все сіе время не прешерпѣвали они бурь и непріятной погоды. 17 Мая увидѣли миль за 8 высокой берегъ. Лопсманъ повелъ по шомъ корабли къ юго - востоку и примѣшилъ, что они уже недалеко отъ Индійскаго берега. 20 Мая увидѣлъ онъ высокіе холмы, находящіеся за Калекушомъ, побѣжалъ въ великой радости къ Адмиралу и требовалъ себѣ награжденія, за то, что онъ довелъ корабли до той земли, кою Португальцы неперпѣливо видѣть желали. Де - Гама съ удовольствіемъ исполнилъ его прозьбу; также при-
ка-

казалъ онѣ приготоовить пирѣ для всѣхъ корабельныхъ служителей. При всеобщемъ радостномъ крикѣ, корабли спали на якорь за двѣ мили расстояніемъ отъ Калекуша.

И такъ тогда благополучно исполнено было то, чего чрезъ многіе годы столь ревностно желали, что столь часто было тщетно предпринимаемо, и надѣчемъ прежде многіе язвительно насмѣхались, какъ надъ безумнымъ предпріятіемъ. Сіе произшествіе имѣло весьма важныя слѣдствія для всея Европы. Оно увеличило силу и богатство Португалліи; доставило ей знашныя владѣнія въ Индіи и преимущество предъ Магомешанами, которые тогда особливо въ сей части свѣта такъ усилились, что весьма опасны были всѣмъ другимъ націямъ, и можешъ бытъ мало по малу покорили бы себѣ и всю Европу, естлибѣ Португальцы не опшвели къ себѣ самой важиѣйшій источникъ ихъ богатствъ и не уменьшили силу ихъ щасливыми войнами въ Индіи. —

Какъ скоро корабли спали на якорь, то приплыли къ нимъ нѣсколько Индійскихъ рыбаковъ, которые цвѣтомъ были смуглые и ходили нагіе, обвязавшись шоль-

ко посрединѣ шѣла полошномѣ. Де-Гама принялъ ихъ ласково и приказалъ купить у нихъ всю ихъ рыбу. По томѣ отправилъ онѣ съ сими людьми на берегѣ одного изъ преступниковѣ, которые были у него на кораблѣ, дабы узнать, какой встрѣчи тамѣ Португальцамѣ ожидать надлежало.

Посланной едва только вышелъ на берегѣ, какѣ окружила его большая шолпа народа; всѣ смотрѣли на него и дѣлали ему множесшво вопросовѣ, копорыхѣ онѣ не разумѣлъ и по тому не могѣ ничего отвѣчать. По томѣ отвели его въ одинѣ домѣ, гдѣ жили два Араба, изъ копорыхѣ одинѣ назывался Боншаибо и умѣлъ говорить по Испански. Сей Арабѣ жилѣ нѣкогда въ Тунисѣ и тамѣ знакомѣ былѣ съ Европейцами. Узнавши, что посланной былѣ Португалецѣ, встрѣшилѣ онѣ его слѣдующимѣ учпивымѣ вопросомѣ: „ч** васѣ возми! какѣ вы сюда зашли?“ Онѣ удивился, услышавши, что Португальцы приплыли по морю въ Оси-Индію, и по томѣ спрашивалѣ, за чѣмѣ они туда пришли? Португалецѣ отвѣчалѣ, что они пришли искашь Христианѣ и благовонныхѣ расшеній. „Для чего жѣ, продолжалѣ Боншаибо, Испанской и Французской

ской Короли и Венеціанской Дождѣ не посылающѣ флотовѣ съ такимѣ же намѣреніемѣ? „ — Посланной отвѣчалъ: „ Король Португальской эшова имѣ не позволяешѣ. „ — Онѣ хорошо дѣлаешѣ! „, сказалъ Арабѣ и пошелѣ вмѣстѣ съ Португальцомѣ на корабль посѣщитѣ Адмирала.

Приближаясь къ кораблю, закричалъ онѣ громко по-Испански: „желаю тебѣ добраго щастія! желаю тебѣ достать много рубиновѣ и изумрудовѣ; ты имѣешѣ причину благодаритѣ Бога за то, что Онѣ привелѣ тебѣ сюда, гдѣ ты найдешѣ всякія благовонныя растенія и драгоценныя камни и всѣ богатства, какія только есть въ свѣтѣ. „ — Адмиралѣ и люди его весьма удивились, нашедши въ споль опдаленной отѣ ихѣ опечеснва землѣ человека, кошорой говорилѣ ихѣ языкомѣ, и такѣ обрадовались, что слезы высушили у нихѣ на глазахѣ. Де-Гама обнялѣ Боншаибо, посадилѣ его подлѣ себя, и спрашивалѣ, Христіанинѣ ли онѣ?

Боншаибо признался откровенно, что онѣ Магомешанинѣ и рассказывалѣ, какѣ онѣ прежде жилѣ въ Тунисѣ, по томѣ въ Египтѣ, откуда наконецѣ по Черному морю переѣхалѣ въ Индію. Онѣ закла-

чилъ повѣсть свою увѣреніемъ, что онъ всегда любилъ Христіанъ, и обѣщаль доказать по Португальцамъ опытами.

Де-Гама благодарилъ его и увѣрялъ, что онъ будетъ щедро награжденъ за свои услуги. По томъ узналъ онъ, что владѣлецъ Калекушской, называемой Самориномъ, жилъ тогда въ Пананъ, за пять миль отъ Калекуша. Боншаибо совѣщавалъ ему послать шуда съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Адмиралъ послѣдовалъ сему совѣщу. Саморинъ, узнавши, что прибылъ къ нему посланникъ изъ отдаленнаго государства, приказалъ поздравить его и прислалъ къ нему лопсмана, кошорой долженъ былъ провести корабли въ гавань Падаранъ, для того, что при Калекушѣ гавани не было. При томъ приказалъ онъ сказать, что онъ самъ будетъ въ Калекушѣ, дабы принять Адмирала.

Нѣкоторые изъ Португальцовъ, а особливо братъ Адмирала, уговаривали его, чтобъ онъ послалъ кого нибудь вмѣсто себя въ Калекушъ, для того, что еще не извѣстно было, не имѣлъ ли Саморинъ злаго умысла на жизнь его, отъ кошорой зависѣла жизнь всѣхъ его спущниковъ и купно благополучной успѣхъ

успѣхѣ путешествія. Однако де-Гама сказалъ имѣ, что онѣ хочепѣ лучше умереть, нежели возвратиться въ свое отечество не бывши въ Калекутѣ. Между тѣмѣмъ отдалъ онѣ приказъ, чтобѣ корабли немедленно отправились обратно въ Португаллю, естли сѣ нимѣ случится какое нибудь несчастіе, и сообщили бы тамѣ извѣстіе о благополучномѣ открытіи пущи въ Индію.

По томѣ отправился онѣ къ берегу въ вооруженномѣ пушками боемѣ, сѣ распущенными флагами и при игрании на трубахѣ. На берегу ожидалъ его Купваль, п. е. министръ Самориновѣ, сѣ 200 Наировѣ, или вельможѣ, и сѣ великимѣ множествомѣ народа. Купваль принялъ его весьма учтиво и принудилъ сѣсть въ пригвоенные для него носилки, а самѣ сѣлъ въ другія, послѣ чего подняли ихѣ и понесли весьма скоро. Всѣ прочіе шли за ними пѣшкомѣ.

Они пришли къ Пагоду, то естѣ къ Индійскому храму, копорой былѣ весьма пространенѣ и построенѣ изѣ обсѣченныхѣ камней сѣ кирпичною кровлею. Надѣ входомѣ въ сей храмѣ висѣло 7 колоколовѣ; а впереди поставленѣ былѣ высокой мѣдной столпѣ. Тамѣ вспрѣчены они были

жрецами сего храма, которые, до половины шѣла были наги, съ половины жь шѣла до колѣней прикрывши бумажною матерією. Подѣ плечами носили оци нѣсколько ша- кой же матеріи на шнурѣ, кошорой при- вѣшенѣ у нихѣ (былѣ съ лѣваго плеча подѣ правое. Они спояли у входа, окроп- ляли входящихъ водою и по шомѣ да- вали имѣ нѣсколько пеплу, чшобѣ посы- пашь на голову и на руки.

Адмиралѣ и проводники его почли сіе зданіе за Христіанскую церковь, по шому, чшо кропление водою и посыпаніе пепломѣ принадлежишѣ къ богослужитель- нымѣ обрядамѣ Римской церкви. Вошедши во храмѣ увидѣли на стѣнахѣ разныя изображенія спрашнаго вида, кошорыя чаятельно предшавляли Индійскихѣ идо- ловѣ: нѣкопорые изображены были съ длинными клыками, другіе съ чешырю- руками, всѣ жь вообще съ ужасными ли- цами. Увидѣвши сіи прошивныя фигуры, Португальцы начали сомнѣвашься вѣ преж- немѣ своемѣ мнѣніи; но какѣ показали имѣ другое изображеніе, поставленное высоко вѣ шемномѣ мѣстѣ, и при шомѣ выговорили слово *Мари*, шѣ они почли его изображеніемѣ Богоматери и пали предѣ нимѣ на колѣни. Индійцы падали предѣ

предъ симъ изображеніемъ три раза на землю съ распроспертыми руками, и попомъ стоя отправляли свою молитву.

Приблизились къ городу. Множество провожающаго ихъ народъ часъ отъ часу увеличивалось и тѣснилось шакъ, чю Кушваль принужденъ былъ войти съ Португальцами въ одинъ домъ. Тамъ собрались Наиры, кошорыхъ владѣлецъ прислалъ встрѣшить Адмирала и привести къ нему съ церемонією. Братъ Кушваль далъ знакъ, послѣ чего все безчисленное множество народа удалилось на стороны, и 3000 вооруженныхъ людей провожали церемоніальное шествіе. Де Гама весьма доволенъ былъ симъ пышнымъ яріемомъ и говорилъ шупя своимъ единоплеменцамъ, кошорые его провожали: „въ Португалліи и во снѣ никому не видится, какія почести намъ здѣсь отдають! „

Наконецъ пришли они къ палашамъ владѣльца, кошорыя были весьма просторны и изрядно поспроены. Пріятныя сады, украшенныя фонпанами, окружали ихъ. Надлежало къ нимъ проходить чрезъ пять дворовъ съ воротами. У каждаго изъ сихъ воротъ стояли десять приворошниковъ, кошорымъ довольно было

было труда разгонять народъ палками, дабы очистишь мѣсто Порпугальцамъ для торжественнаго входу.

У дверей въ палатахъ де-Гама встрѣченъ былъ знашнѣйшими изъ жрецовъ, копорые называются Браминями. Они всѣ обнимали его и по томъ ввели въ палаты. Народъ имѣя тогда случая увидѣшь своего государя, копорой въ другое время рѣдко показывается, испѣснился съ такимъ усиленіемъ, что многіе были задавлены. Нѣкоторые Порпугальцы имѣли бы шакою жь учась, естлибъ придверники не старались разгонять народъ палками безъ всякой пощады. — Во внутренности палатъ сдѣланы были мѣста, одно выше другаго, такъ, какъ въ театральномъ домѣ. Полъ покрытъ былъ зеленымъ бархатомъ, а стѣны обиты шелковыми матеріями разныхъ цвѣтовъ. Владѣлецъ, довольно уже пожилой человекъ и цвѣтомъ смуглой, такъ же, какъ и прочіе Индійцы, но величественнаго вида, лежалъ на бѣлыхъ шелковыхъ коврахъ, вышитыхъ золотомъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Одежда его состояла въ короткомъ шелковомъ камзолѣ, выложенномъ золотыми вѣшьями и розами. Пуговицы сдѣланы были изъ крупнаго жемчугу, а

яе-

пешельки изъ золотой проволоки. Отъ
половны шѣла до колѣней обвязанъ онѣ
былъ бѣлою шелковою матеріею. На го-
ловѣ имѣлъ шапку выложенную жемчу-
гомъ и алмазами; въ ушахъ, также на
пальцахъ у рукъ и у ногъ множество до-
рогихъ перспіней, а на рукахъ и на ногахъ
только золотыя перевязки.

Подлѣ Саморина стоялъ на высокомъ
золотомъ постаментѣ золотой сосудъ,
въ которомъ одинъ изъ служителей под-
носилъ ему бешель и ареку. — Можетъ
быть чинапели не знающъ еще, что та-
кое бешель и арека, и по тому нужно
сообщить имъ о семъ краткое описаніе.
Бешель есть Индійское растеніе, котора-
го листья имѣющъ въ себѣ красной и
горькой сокъ. Употребленіе сихъ листь-
евъ во всей Индіи такъ же обыкновенно,
или еще больше, какъ у насъ употребле-
ніе табаку. Индійцы берутъ ихъ въ ротъ
либо однихъ, либо смѣшавши съ арекою,
другимъ Индійскимъ растеніемъ, которое
бываетъ величиною съ простой орѣхъ,
и безпрестанно жуютъ. Слюна дѣлается
отъ того красною, а дыханіе благово-
нымъ; но зубы терпятъ вредъ и наконецъ
спановаяся черны и крошатся, такъ,
какъ уголь. Въ Индіи всякой носитъ при
себѣ

себѣ коробочку съ бешелемъ, такъ же, какъ у насъ носятъ табакирки. — Между муштинами и женщинами введено шамъ въ обычай испробившиесь подносить другъ другу сикъ листьевъ, и починается за обиду, естли кто нибудь не поднесетъ ихъ другому, или откажется принять. Иногда вмѣсто арски мѣшаютъ бешель съ известью, либо съ пережженными раковинами и со всякими благовоными расшеніями. Пожевавши его въ первой разъ, чувствуешь круженіе въ головѣ, или нѣкопорой родъ пьянства, но мало по малу привыкающъ къ нему, равно какъ Европейцы привыкающъ къ дѣйствіямъ шабаку. — Другой золошой сосудъ поставленъ былъ подлѣ Саморина, въ которой выплевывалъ онъ ошпашки жеваного бешеля, и шрепій съ водою, копорою онъ послѣ того полоскалъ ротъ. — Примѣчено было, что всѣ бывшіе шамъ Индійцы закрывали ротъ лѣвою рукою, дабы ихъ дыханіе не смѣшивалось съ дыханіемъ ихъ владѣльца. —

Де - Гама, пришедши предъ Саморина, поклонился ему шри раза, поднявши руки въ верхъ, ибо ему сказали, что въ сей землѣ естъ такой обычай. Индійской владѣлецъ посмонрѣлъ на него милосливо,
но

Но на поклоны его отвѣчалъ только широкимъ движеніемъ своей головы, которое едва было примѣтно. По томъ Адмиралъ долженъ былъ сѣсть подлѣ него.

Между шѣмъ вошли и прочіе Португальцы и кланялись такимъ же образомъ. Ихъ посадили противъ Саморина, и подали всѣмъ имъ воды, дабы по Индійскому обычаю умыть руки. По томъ подносили имъ смоквы и другіе плоды. Саморинъ съ удовольствіемъ смогрѣлъ, какъ иностранцы ѣли. Когда они попросили пить, то подали имъ воды въ золотомъ сосудѣ, и при томъ сказали, что у Индійцовъ почтается за неблагопристойность прикасаться губами къ сосуду, изъ котораго пьешь. Португальцы хотѣли послѣдовать сему обыкновенію и лили себѣ воду въ ротъ, не прикасаясь къ сосуду губами. Но не привыкши пить такимъ образомъ, иные заливались, другіе жь поперхнувшись кашляли, что для Саморина и для его придворныхъ весьма было забавно.

Де-Гамъ просилъ, чтобъ владѣлецъ позволилъ ему говорить съ собою наединѣ, по чему Саморинъ вышелъ съ нимъ и съ переводчикомъ въ другую комнашу, гдѣ спрашивалъ его, изъ какой онъ зем-

---

ли, и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ въ Индію? Адмиралъ отвѣщивалъ, что Король Португальской, сильнѣйшій и богачѣйшій Монархъ западныхъ земель прислалъ его для того, чтобъ заключить дружеской и торговой союзъ съ Калекупскимъ государемъ, главою владѣльцовъ Индійскихъ; что онъ имѣетъ письма отъ своего Монарха, которыя вручитъ ему на другой день, и надѣется, что Саморинъ также отправитъ посланника къ Португальскому Королю, какъ другу своему и брату, дабы утвердить съ нимъ союзъ взаимной дружбы.

Саморинъ отвѣчалъ, что онъ радуется его прибытію, и какъ Португальской Король желаетъ быть другомъ его и братомъ, то и онъ сего хочетъ и отправитъ отъ себя посланника въ Португаллію.

По томъ Адмиралъ отвѣденъ былъ Кувалемъ и факторомъ Самориновымъ въ назначенное для него жилище.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е.

*Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-
Индію. (Окончаніе.)*

4.

*Непріятныя приключенія въ Калкутѣ.
Возвращеніе въ Португаллію.*

На другой день де-Гама позвалъ къ себѣ Купваля и фактора, чшобѣ показать имѣ подарки, назначенные для Саморина. Сіи подарки были кармозинѣ, шесть шляпѣ, кораллы, мѣдѣ, ящикѣ сахару, двѣ бочки деревяннаго масла, двѣ бочки меду и нѣкопорыя другія вещи также недорогой цѣны. Купваль и факторѣ увидѣвши сіи вещи, начали смѣяться и сказали опкровенно Адмиралу, что подарки его негодятся для ихѣ государя; что самые бѣдные купцы, входя въ тамошнюю гавань, обыкновенно подносящѣ владѣльцу что нибудь лучшее, и что онѣ, ешлы хочешѣ дарить Саморина, должны поднести ему золоша, инаго жѣ подарка государь ихѣ опѣ него не приметѣ.

Де-Гама приведенъ былъ въ смятѣніе и отвѣчалъ имъ разсердившись, что онъ не купецъ, но посланникъ, и подноситъ подарки не отъ Короля своего, но отъ себя, а Король его и не знаешь, есть ли въ свѣшъ такой владѣлецъ, каковъ Саморинъ, иначе жъ безъ сомнѣнія прислалъ бы онъ ему въ подарокъ золота, серебра и другихъ драгоценныхъ вещей. — Де-Гама говорилъ сіе позабывши вчерашнее увѣреніе, что онъ нарочно присланъ отъ своего государя, дабы заключить съ Самориномъ дружеской союзъ. Таково обыкновенно бываетъ дѣйствіе страсти, заславляющей говоритъ безъ размышленія.

Отвѣчали ему, что все это можетъ статься, но шамошній обычай пребудетъ, чтобы всякой иноспранецъ, которой хочешь говорить со владѣльцомъ, подноситъ ему подарокъ, приличной его состоянію. Адмиралъ сказалъ, что онъ прикажетъ переносить подарки свои обратно на корабль, если еще будутъ ихъ пренебрегать. Кушваль и факторъ увѣряли его, что онъ хорошо сдѣлаетъ. Де-Гама, разсердившись еще болѣе, говорилъ имъ, что онъ самъ пойдетъ къ Саморину и все ему разскажетъ. Они были шѣмъ

довольны и только просили его, чшобѣ подождать, пока они исправятъ нѣкошорое нужное дѣло и къ нему возвратятся.

Сіе нужное дѣло было не иное чшо, какѣ сообщить напередѣ Саморину худое мнѣніе обѣ Адмиралѣ: Де-Гама послѣ узналѣ, что они подкуплены были къ шому Арабами, которые предвидя, чшо прибытіе Португальцовѣ къ сему берегу можетѣ современиемѣ имѣшь вѣсьма вредныя слѣдствія для ихѣ торговли, приняли намѣреніе погубить Адмирала и всѣхѣ его людей, дабы никшо изѣ нихѣ не возвратился вѣ Португалию съ извѣстіемѣ о своемѣ отккрытіи. На сей конецѣ спарались они подкупать Индійцовѣ и распространять подозрѣнія на Португальцовѣ.

Вѣ шакоемѣ намѣреніи донесли Саморину, чшо де-Гама не посланникѣ, но морской разбойникѣ, котораго надлежало оберегаться. Дабы сдѣлать сіе извѣстіе вѣроятнымѣ, рассказали ему о насильствахѣ, сдѣланныхѣ Португальцами на Африканскомѣ берегу, о которыхѣ знакомые по торговымѣ дѣламѣ Арабы дали знаніе вѣ Индіи. Другимѣ доказательствомѣ сея клеветы поставляли бѣдной подарокѣ, какой де-Гама привезѣ Саморину, и спрашивали: вѣроятно ли, чшобы одинѣ го-

сударь хотѣлъ дарить другава такими бездѣлками?

Сими и другими подобными вымыслами достигли успѣха въ коварномъ предпріятіи. Саморинъ былъ раздраженъ. Купваль пришелъ къ Адмиралу уже на другой день. Де-Гама оказывалъ свое неудовольствіе, но того не уважали. Однако жь исполнили его требованіе и опвели его къ Саморину.

Саморинъ заставилъ его дожидаться себя при часа, и наконецъ позволивши впустишь его къ себѣ, спросилъ съ суровымъ видомъ: для чего не пришелъ онъ къ нему вчера? Адмиралъ хотѣлъ извиняться; но владѣлецъ не давши ему выговорить, спросилъ еще: для чего онъ присланъ будучи ошъ великаго и сильнаго Монарха, не привезъ ему накакова подарка? Де-Гама опвѣчалъ, что подарки присланы будущъ впредъ; но Саморинъ требовалъ, чтобъ онъ тогда опдалъ ему золошой образъ богоматери, копорой онъ имѣлъ съ собою. Адмиралъ не хотѣлъ разспаться съ симъ образомъ, и для того пришедши въ замѣшательство опвѣщсшвовалъ, что сей образъ не золошой, но деревянной и шолько позолоченой, и что онъ не можешъ его опдать, приписывая благополучное свое мореплаваніе

его

его дѣйствію. По томѣ вынѣлъ онѣ письма своего Короля, изъ которыхъ одно писано было на Португальскомѣ, а другое на Арабскомѣ языкѣ и пребыло, чшобѣ опдали ихѣ перевести другу его Боншаибо, для того, что онѣ другимѣ Арабамѣ не вѣрилѣ. Содержаніе сихѣ писемѣ было слѣдующее: *Король Португальской узнавши, что владѣлецъ Калекутской, сильнѣйшій изъ всѣхѣ Индійскихѣ государей, Христіанинѣ, желаетъ заключить съ нимѣ дружеской и торговой союзѣ, дабы мѣнять Португальскіе товары, также золото и серебро, на Индійскія благовонныя растенія. Адмиралѣ, посланникѣ его, сообщитѣ о томѣ обстоятельнѣйше свѣденіе.*

Содержаніе письма пріятно было Индійскому владѣльцу, ибо онѣ надѣялся выгоды отѣ торгу съ Португальцами. Суровой видѣ его примѣтно перемѣнился. Онѣ спрашивалѣ, какіе шовары намѣрены Португальцы привозитѣ вѣ Индію, и какѣ де - Гама далѣ ему знатѣ, что онѣ привезѣ съ собою пробы всѣхѣ сихѣ шоваровѣ, шо Саморинѣ совѣщовалѣ ему переноситѣ ихѣ на берегѣ для продажи.

Арабы не ожидали столь прошивнаго ихѣ умыслу произшествія. Они спарались

лись прозѣбами и подарками склонили Купваля къ тому, чшобѣ онѣ подѣ какимѣ нибудѣ предлогомѣ взялъ Адмирала подѣ спражу. Купваль согласился на то, и сѣ поснѣшностію погнался за Адмираломѣ, которой былѣ уже на обратномѣ пути вѣ гавань. Догнавши его, упрекалъ онѣ его скорымѣ отѣздомѣ, какѣ бы побѣгомѣ; и какѣ Адмиралѣ прѣхавши вѣ Падаранѣ, немедленно поспребовалѣ бота, дабы вѣ томѣ же вечерѣ переправиться на корабль, по ему ошсовѣщавали сѣ, подѣ шѣмѣ предлогомѣ, чшо корабли далеко онѣ берега и ночью переправляшьсѣ опасно.

Де-Гама примѣшивши, чшо имѣющѣ прошивѣ него коварной умьслѣ, непременно спребовалѣ, чшобѣ ему доставили ботѣ и грозилѣ принести жалобу Саморину, еспли будущѣ ему вѣ чемѣ нибудѣ препяшснвовашь. Купваль повидимому согласился на его спреваніе и послалѣ людей привести ботѣ; но шщепно. Онѣ напередѣ ошдалѣ приказѣ всѣмѣ перевозчикамѣ, чшобѣ они сѣ ботами своими и лодками спояли далѣе. И такѣ посланные возвратившись сказали, чшо они не нашли ни одного бота, и де-Гама долженѣ былѣ рѣшиться ошпаться на берегу.

На другой день по утру Кутваль сложилъ сѣ себя пришеорство и говорилъ Адмиралу повелительнымъ голосомъ, чшобъ онъ приказалъ кораблямъ спашь ближе къ берегу, иначе жь ему не позволено будешъ возвратиться на свой корабль. Онъ требовалъ сего сѣ тѣмъ намѣреніемъ, чшобъ захватить прочихъ Португальцовъ такъ же, какъ Адмирала, и завладѣшь кораблями.

Де-Гама, ошъ котораго сіе намѣреніе не могло скрышья, оказалъ крайнее неудовольствіе и повпорилъ свою угрозу, чшо онъ пойдетъ къ Саморину жаловашья. Казалось, чшо не хотѣли ему въ томъ прешяшсшвовашь; но какъ онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ ишши, шо нашелъ, чшо двери его комнаты были заперты и къ нимъ приспавлены были караульные сѣ обнаженными саблями.

Положеніе де-Гамы и спутниковъ его было тогда весьма опасно; но онъ швердо рѣшился, лучше опважшшья на все, даже пожертвовашь и жизнью своею, нежели согласшья на требованіе Кутвалево; ибо онъ не столько пекся о сѣбъ, какъ о сохраненіи кораблей. И такъ онъ оспался непоколебимъ и слушалъ всѣ Кутвалевы угрозы сѣ неуспрашимымъ по-

споянствомъ. Купваль видя то, уменьшилъ свое пребываніе и хотѣлъ только, чтобы всѣ парусы, канашы и ир. перенесены были съ кораблей на берегъ. Но де-Гама и въ томъ ему отказалъ, ибо легко можно было понять, что и самые корабли оспались бы въ его власти, когда бы съ нихъ отданы ему были нужныя для мореплаванія вещи.

Купваль не ожидавши споль пвердой рѣшимости, принужденъ былъ еще уступить и пребывать только, чтобы Адмиралъ приказалъ перевезти на берегъ товары, какіе онъ имѣлъ съ собою, для продажи. Онъ присовокупилъ къ тому обѣщаніе, что не будетъ уже болѣе препяпствовати Адмиралу возвратиться на корабль, какъ скоро сіе будетъ исполнено. Де-Гама согласился на сіе пребываніе, получивши чрезъ то случай уведомить брата своего о всемъ произшедшемъ и дать ему наставленіе, какъ онъ при томъ поступить долженъ; а именно онъ приказывалъ переслать нѣкоторую часть товаровъ на берегъ; если же Купваль и тогда не освободитъ его, то кораблямъ надлежало возвратиться въ Португаллію съ извѣстіемъ о благополучномъ успѣхѣ путешествія, и братъ его долженъ былъ спа-

спараться склонить Короля къ тому, чтобъ отправить другой флотъ въ Индію, дабы важное сіе открытіе не оспалось бесполезнымъ. Изъ сего можно видѣть, что де-Гама не забоился о себѣ, но честь и пользу своего опечества предпочиталъ собственной свободѣ и даже самой жизни. Опличительной знакъ истинно великаго мужа! —

Павелъ де-Гама, братъ Адмирала, немедленно исполнилъ, что ему было приказано, и переслалъ на берегъ нѣсколько товаровъ. Но при томъ писалъ онъ къ своему брату, что безъ него не возвращишься въ Португаллію и въ случаѣ нужды будешь спараться освободить его силою. Однако сіе было не нужно, ибо какъ скоро товары перевезены были на берегъ, Куваль исполнилъ свое обѣщаніе и Адмиралъ возвратился на корабль. Арабы перемѣнили свое предпріятіе. Имъ не столько нужно было имѣть самаго Адмирала въ своей власти, какъ его корабли, Тогда жь видя, что хитрость ихъ была неудачна, вознамѣрились они удержатъ Португальцовъ до тѣхъ поръ, пока возвратишься ихъ флотъ, ожидаемой изъ Мекки. Сей флотъ, совокупясь съ другими судами, которыхъ Саморинъ приказалъ

Б 5

залъ

залъ тайно вооружить, могъ бы взять Португальскіе корабли силою.

Въ семъ намѣреніи старались они сколько возможно преняшпствовать продажъ перевезенныхъ на берегъ шоваровъ. Де-Гама, думая, что въ Падаранъ мало купцовъ, приказалъ перевезти шовары въ Калекушъ; но и шамъ не больше ихъ покупали, Между шѣмъ приближалось время назначенное для отправленія въ обратную пушь. Адмиралъ послалъ къ Саморину двухъ изъ своихъ спутниковъ, Діаца и Брагу, съ увѣдомленіемъ о приближающемся отъѣздѣ, съ подарками и съ прозбою, чшобъ онъ отправилъ съ ними отъ себя посланника къ Португальскому Королю. Но сіи посланные приняты были весьма худо Самориномъ, котораго еще болѣе увѣрили въ томъ, что Португальцы морскіе разбойники. Онъ спросилъ у нихъ съ суровымъ видомъ, что имъ надобно? и какъ они хотѣли поднести ему подарокъ, состоявшій въ шелковыхъ машеріяхъ и нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, то онъ отворошилъ отъ нихъ и приказалъ, чшобъ они отдали сей подарокъ кому нибудь изъ его людей. Онъ примолвилъ съ шакимъ же суровымъ видомъ, что Адмиралъ можетъ отправиться, ко-

да хочешѣ, но долженѣ напередѣ, по памощ-
нимѣ законамѣ, заплапнть нѣкоторую
сумму за то, что корабли его стояли
въ гавани. Послѣ сего оппустилѣ онѣ отѣ
себя Португальцовѣ.

Они пошли обратно къ своимѣ кораб-
лямѣ, но не дошли еще до берега, какѣ
захватили ихѣ и опвели подѣ спражу.

Адмиралѣ увѣдомленѣ будучи о семѣ
произшествіи отѣ друга своего Боншаибо,
скрылѣ свое негодованіе въ надеждѣ, что
можетѣ быть удался ему захватить нѣ-
сколько знатныхѣ Индійцовѣ, ва которыхѣ
на вымѣнѣ освободятѣ Діаца и Брагу.
Щастіе благосклонно было сему намѣренію.
Шестеро знатныхѣ Самориновыхѣ при-
дворныхѣ, думая, что Адмиралу не извѣ-
стно еще происшедшее съ его посланны-
ми, опважились посѣпить его на кораблѣ
съ немногими проводниками. Они встрѣ-
чены были, какѣ гости, ласково и учпи-
во; но какѣ скоро взошли на корабль, по
взяли ихѣ подѣ спражу, и Адмиралѣ пи-
салѣ къ Саморину, что онѣ не освобо-
дитѣ сихѣ Индійцовѣ, пока его послан-
ные не будущѣ ему возвращены.

Три дни не получалѣ онѣ никакова
опвѣща. Наконецѣ прислано къ нему бы-
де извѣстіе, что его люди находящя

у владѣльца и возвращаясь къ нему на другой день. Но де - Гама опивѣчалъ съ гнѣвнымъ видомъ, что онъ требуетъ, чтобъ его посланные немедленно были возвращены; въ противномъ же случаѣ онъ прикажетъ опрубить головы находящимся у него Индійцамъ.

На другой день увидѣли на морѣ 7 небольшихъ судовъ, изъ которыхъ на одномъ находились Діацъ и Брага. Индійцы, бывшіе на сихъ судахъ, не осмѣливались подѣхавъ къ кораблямъ. Надлежало выслать на встрѣчу къ нимъ ботъ, на которой высадивши обоихъ Португальцовъ, спѣшили они возвратиться къ берегу.

Діацъ привезъ отъ Саморина палмовой листъ, на которомъ написано было къ Португальскому Королю слѣдующее: *Васко де - Гама, вельможа твоего дома, приходилъ въ мою землю. Прибытіе его было мнѣ пріятно. Въ моей землѣ много корицы, звѣздки, перцу и дорогихъ камней. Изъ твоей земли требую серебра, золота, коралловъ и кармозину.*

Адмиралъ освободилъ по шомъ шестерыхъ Наировъ, или Самориновыхъ придворныхъ, прочихъ же плѣнниковъ удержалъ у себя въ залогъ за оставшіеся на берегу

товары. Между тѣмъ пришель къ нему другъ его Боншаибо и просилъ, чтобъ онъ взялъ его съ собою въ Португаллію, для того, что единоземцы его, Арабы, ненавидяшъ его за оказанную къ Португальцамъ дружбу, опняли у него все имѣніе и чайшельно намѣрены лишить его жизни. Де - Гама принялъ его съ радостію и увѣрялъ, что въ Португалліи будетъ онъ щедро награжденъ за свой убытокъ и за добрыя услуги, оказанныя Португальцамъ.

Дожидавшись нѣскольکو дней тщетно возвращенія оставленныхъ на берегу поваровъ, Адмиралъ приказалъ поднять якоря, и корабли отправились въ путь.

Обратное ихъ путешествіе было медлительно, однако жъ довольно благополучно, и на ономъ ничего доспойнаго примѣчанія съ ними не случилось. И такъ остаеся только упомянуть, что Васко де - Гама въ Сентябрѣ 1499 году, путешествовавъ два года и два мѣсяца, прибылъ къ тому жъ самому мѣсту, откуда онъ отправился. Изъ 160 человекъ, которыхъ онъ взялъ съ собою, возвратились съ нимъ только 50; прочіе жъ всѣ померли отъ разныхъ болѣзней. Въ числѣ послѣднихъ былъ братъ его, Павелъ де - Гама,

Гама, которой не задолго до окончания путешествія, умеръ на островъ Терцеръ, одномъ изъ острововъ Азорскихъ.

Благополучное возвращеніе Адмирала и извѣстіе о важномъ его открытіи причинило чрезвычайную радость какъ при Дворѣ такъ и во всей Португаліи. Король послалъ къ нему на встрѣчу знатныхъ людей, которые приняли его съ опмѣнными почестями и при безчисленномъ множествѣ зрителей проводили ко Двору: Тамъ съ великою честью принесена ему была благодарность за оказанныя королевству услуги. Онъ получилъ шишулъ Дона и 3000 червонныхъ ежегодной пенсіи, что тогда считалось значною суммою. Каждой изъ оставшихся его спутниковъ также получилъ пристойное награжденіе. Король для важнаго сего открытія умножилъ свой шишулъ и съ того времени назывался *государемъ завоеванія и мореплаванія Эіопія, Аравія, Индія и Персія.*

Во всемъ королевствѣ учреждены были публичныя благодарственныя и радостныя торжества. Исторія означила имя Васко де-Гамы подлѣ имени Колумбова въ числѣ достопамятнѣйшихъ мужей того столѣтія.

II.

Завѣщаніе.

Одинъ честной, но бѣдной челоуѣкъ былъ управителемъ въ домъ Герцога Орлеанскаго. Онъ имѣлъ двухъ племянницъ и двухъ старыхъ слугъ, которыхъ весьма любилъ и содержалъ изъ небольшихъ своихъ доходовъ. Умирая, сдѣлалъ онъ слѣдующее завѣщаніе:

„ Я оставляю племянницамъ моимъ по 500, а слугамъ моимъ по 300 гульденовъ ежегоднаго дохода. Но какъ я самъ ничего не имѣю, то прошу Герцога Орлеанскаго исполнить сіе завѣщаніе вмѣсто меня. Зная доброе его сердце, надѣюсь я, что онъ не откажется оказать мнѣ сію милость по смерти моей. „

Герцогъ, бывши всегда доволенъ своимъ управителемъ, охотно исполнилъ послѣднюю его волю. — Вотъ какъ награждается честность еще въ сей жизни! Честной старикъ хотя ничего не имѣлъ, однако могъ умереть спокойно, увѣренъ будучи, что любимые его люди и по смерти его не будутъ терпѣть нужды.

III.

Кукушка и скворецъ. Басня.

Кукушка разговаривала нѣкогда со скворцомъ, кошорой недавно предъ шѣмъ улешѣлъ изъ города.

Что говорятъ въ городѣ о нашихъ пѣсняхъ? спрашивала она. Что говорятъ о соловьѣ?

„Весь городъ его хвалятъ, отвѣчалъ скворецъ.

Что говорятъ о жаворонкѣ? продолжала кукушка.

„И его многіе хвалятъ. „

А о дроздѣ?

„И его пѣсни нравятся. „

Мнѣ еще надобно нѣчто у тебя спросить, говорила кукушка: „скажи, что обо мнѣ говорятъ? „

„Этова не могу тебѣ сказать, отвѣчалъ скворецъ: „о тебѣ никто не говоритъ. „

Неблагодарные! вскричала кукушка; — но я опмшу за эту неблагодарность, и буду безпрестанно сама о себѣ говорить!

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е.

IV.

НЕВИННАЯ ВОРОЖЬБА!

Комедія для дѣшей,
Въ одномъ дѣйстви.

Дѣйствующія лица.

Гжа. С**.

Николаша, сынъ ея.

Лизанька, дочь Гжи. С**.

Г. Подбираловъ, сынъ одного дворянина
живущаго въ сосѣдственномъ городѣ.

Нашаша, сестра его.

Алексаша } дѣти сельскаго священника,
Мишинька } которыя воспитываются вмѣ-
Маша } стѣ съ дѣтьми Гжи. С**.

Яковъ, старикъ егерь.

Дарья, служанка Гжи. С**.

*Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, не-
далеко отъ города, въ домѣ Гжи. С**.*

ЯВЛЕНИЕ I.

Дарья (стоя у стола щипаетъ серебряныя марки, которыя на немъ были разсыпаны)

Какъ ни щипай, а ихъ нѣштѣ. Десять, дваццать, триццать, сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ — а всѣхъ надобно девяносто шесть — Ну, достанется же мнѣ! — Поискашь еще на полу и на окошкахъ! —

ЯВЛЕНИЕ II.

Гжа. С**. Дарья.

Гжа. С***. Чего ты ищешь, Дарья?

Дарья. Марокъ, сударыня!

Гжа. С***. Развѣ ты слѣпа? Онѣ передъ тобой на столѣ лежатъ.

Дарья. Вижу, сударыня, да пушкѣ не всѣ.

Гжа. С**. Не всѣ? Куда жъ онѣ дѣвались? Пропасишь имѣ не лзя.

Дарья. Этова я не знаю. Не правда ли сударыня? всѣхъ ихъ было 96; — а теперь только 80. Я перецищывала ихъ разъ сто. Извольше сами перецищавать!

Гжа.

Гжа. С**. (пересчитавши марки.)
 Правда. Гдѣ жъ онѣ? Вчера въ вечеру онѣ
 всѣ были; я сама ихъ щипала.

Дарья. Можеть спаться; а шеперь
 шестнашцаши недостаешъ.

Гжа. С**. Эшо я вижу. Но ку-
 дажъ онѣ дѣвались? — Какъ шебъ взду-
 малось шеперь ихъ щипать?

Дарья. Дѣши ими играли, и оста-
 вили ихъ такъ на сполѣ: я хотѣла ихъ
 собрать.

Гжа. С**. Дѣши? Я запретила
 имъ играть эшими марками. Кто имъ
 ихъ далъ?

Дарья. Онѣ и сами могли взять, су-
 дарыня. Какъ онѣ ошсюда вышли, пришла
 я прибрашь въ комнашъ; марки разсыпа-
 ны были по сполу; я хотѣла собрать ихъ
 и положишь въ ящичекъ, и потчасъ примѣ-
 шила, что онѣ не всѣ.

Гжа. С**. Гдѣ жъ шеперь дѣши?

Дарья. Онѣ съ своими гостями по-
 шли въ садъ.

Гжа. С**. Позови ко мнѣ скорѣ
 Лизаньку. Надобно объ эшомъ распро-
 сить. — [*Дарья уходитъ и опять ско-
 ро возвращается.*] Дѣши мои не смѣютъ
 браться шого, чего имъ браться не велѣно.

Мнѣ очень будетъ досадно, естли марки пропадутъ.

Дарья. Какъ не досадовать, сударыня! это не бездѣлица. —

Гжа. С***. Онѣ для меня дороги по тому, что мнѣ подарила ихъ моя пріятельница. Она нарочно для меня вывезла ихъ изъ Франціи.

Дарья. Изъ Франціи? Побывала бы я хоть однажды во Франціи! Какой это прекрасной городъ! какія прекрасныя вещи опшуда вывозятъ!

Гжа. С**. Не былъ ли кто нибудь вчера либо сегодня пошпру въ этой комнатѣ?

Дарья. Нѣтъ, сударыня, кромѣ меня и Якова, никто сюда не входилъ.

Гжа. С**. А вышедши не позабыла ли ты запереть?

Дарья. Нѣтъ, сударыня. Можетъ быть вы сами вчера оставили дверь незапершую. Вы входили сюда вчера два раза безъ меня.

Гжа. С**. Можетъ спашься. Однакожъ, въ моемъ домѣ никогда еще пропажи не случалось. Я не думаю, чтобы дѣвши взяли марки. Онѣ не смѣютъ взять того, что имѣ запрещено.

Дарья.

Дарья. По крайней мѣрѣ наши дѣши вѣрно этова не сдѣлаюшѣ; я за нихъ отвѣчаю.

Гжа. С**. Не уже ли жѣ госпи ихъ эшо сдѣлали? за нихъ еще больше отвѣчать можно.

Дарья. Ахъ нѣшѣ, сударыня; какъ мнѣ за нихъ отвѣчать? я ихъ не знаю. Я не скажу объ нихъ ничего дурнова; однакожь мнѣ показалось —

Гжа. С**. А! вошѣ Лизанька идетѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прожнія. Лизанька.

Гжа С**. Какъ вы осмѣлились брать мои марки? Развѣ шы позабыла, чшо тебѣ и брашу швоему приказано ничего не брать безѣ позволенія.

Лизанька. Машушка, я невиновата. Г. Подбираловѣ и сеспра его сами взяли ваши марки. Мы просили ихъ, чшобѣ онѣ ихъ оставили; однако жѣ онѣ насѣ не послушались, разсыпали ихъ по сполу; мы и шѣмѣ уже довольны были, чшо онѣ на полѣ ихъ не бросали.

Гжа. С**. Тебѣ бы не смотря ни на чшо надобно было не уступать имѣ

безъ моего позволенія. По крайней мѣрѣ для чего ты сама не раздѣлила имъ марокъ порядочно.

Лизанька. Я хотѣла это сдѣлать. Однако вы не повѣрите, какія это рѣзвыя дѣши! Онѣ ни минушки не посидятъ спокойно. Лишь только спала я щипать, онѣ побросали марки и побѣжали отъ меня прочь.

Гжа. С**. Изрядное поведение! — Но знаешь ли ты, что теперь много изъ этихъ марокъ недостаетъ?

Лизанька. Недостаетъ?

Гжа. С**. Да, и ты по крайней мѣрѣ въ томъ виновата, что не собрала ихъ и не положила на свое мѣсто, какъ скоро вы играть пересѣдали.

Лизанька. Ахъ мапущка! мнѣ не было времени этого сдѣлать; намъ безпреспанно надобно было смотрѣть за нашими гостями, чтобъ онѣ чего нибудь не разшибли и не испортили: онѣ ничего не оставили на мѣстѣ, все пересмапривали —

Гжа. С**. Какъ бы то ни было, однако маркамъ пропасть не лзя; надобно ихъ сыскашь.

Дарья. Не прикажете ли, сударыня обыскашь маленькихъ гостей?

Гжа.

Гжа. С***. Вошѣ какая глупая мысль! Поссорюсь ли я за такую бездѣлицу съ ихѣ родителеями! да и лъзя ли имѣшь на нихѣ такое подозрѣніе?

Лизанька. Этому не лъзу спашься, чшобѣ онѣ спряшали марки; я онѣ нихѣ не оплучалась, и вѣрно бы эшо примѣшила. Не уже ли онѣ вѣ соспояніи сдѣлашь такую подлосшь? Нѣшѣ, мадушка! онѣ вѣрно эшова не сдѣлаюшѣ; я за нихѣ ручаюсь.

Гжа. С**. Дарья, поищи еще на полу; можешѣ бышь дѣпи играя, ненарочно уронили ихѣ и не примѣшили шого.

Дарья. Я и такѣ уже вездѣ искала, сударыня, и вѣрно бы не просмотрѣла, когда бы онѣ на полу лежали; эшо не булавка; у меня жѣ глаза довольно оспры.

Гжа. С**. А ты, Лизанька, пойди кѣ своимѣ госпямѣ, и постарайся узнать не взялъ ли кто нибудѣ изѣ нихѣ марокѣ. Однакожѣ будѣ при томѣ оспорожна и учшива. Спроси, не положили онѣ ихѣ куда нибудѣ позабывшисѣ, либо не спряшали ли ненарочно кѣ себѣ. Сними всю вину на себя, и скажи, что я буду на тебя сердисѣся, ешьли марки пропадушѣ. Слышишь ли?

Лизанька. Слышу сударыня!

Гжа. С**. Еще прикажи послать
ко мнѣ Якова. (*Лизанька уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гжа. С**. Дарья. Яковъ (*входитъ не-
много спустя.*)

Дарья. Нѣтъ, сударыня; я ничего
не нашла.

Гжа. С**. Тѣмъ хуже.

Яковъ. Вы приказали мнѣ прійти. Я
здѣсь, сударыня!

Гжа. С**. Вижу. — Послушай,
Яковъ! здѣсь, пропали серебряныя мар-
ки —

Яковъ. Не думаете ли вы, что я на
старости захопѣлъ ими покорыствоваться?

Гжа. С**. Перестань говорить пустое.
Ты знаешь, что я не могу имѣть како-
ва подозрѣнія на тебя. Но ты былъ въ
этой комнатѣ послѣ того, какъ дѣти
отсюда вышли. Не нашелъ ли ты марокъ
гдѣ нибудь на сунульяхъ, либо подъ сто-
ломъ?

Яковъ. На сунульяхъ, либо подъ сто-
ломъ?

Гжа

Гжа С**. Да; я знаю, что шамъ не ихъ мѣсто. Однако дѣши ими играли; можетъ быть онѣ разроняли ихъ, а ты послѣ собралъ и спряшалъ куда нибудь.

Яковъ. За чѣмъ мнѣ пряпать ихъ, сударыня? Когда бы онѣ мнѣ попались, я пошчасъ опдалъ бы ихъ вамъ, либо положилъ бы ихъ въ ящичекъ. Вы прежде всегда почивали меня честнымъ человѣкомъ.

Гжа С**. Я и теперь по же о тебѣ думаю. — Но теперь я уже не знаю, какъ мнѣ опыскашь эту промажу. Вѣрно кто нибудь изъ дѣшей взялъ марки. Вчера я сама ихъ щипала.

Яковъ. И вчера онѣ всѣ были?

Гжа. С**. Конечно; иначе жъ бы я и не спрашивала.

Яковъ. Такъ надобно ихъ и назадъ доспать, кто бы ихъ ни взялъ.

Дарья. Какъ же бы это сдѣлать? — Намъ всегда бываетъ дурно, когда въ домъ случится пропажа. Какъ бы мы честны ни были, а все кажется будто насъ подозрѣваютъ.

Гжа. С**. Какъ же быть! и честной человѣкъ въ такомъ случаѣ не долженъ сердиться, когда у него спрашиваютъ о пропажѣ, чтобы узнать виноватаго.

Яковъ. Меня хоть обыскать прикажите, сударыня! — Кто виноватъ, хоть больше всѣхъ сердился, когда его подозрѣваютъ.

Дарья. Что ты говоришь, Яковъ! — Боже насъ сохрани отъ такого безчестія, чтобъ насъ обыскивать стали!

Яковъ. А для чего жь? Чего боишься? — Не уже ли у тебя совѣсть не чиста?

Дарья. Какъ! что ты говоришь! — У меня совѣсть не чиста? — ты говоришь, будто я —?

Гжа. С**. Не сердись, Дарья! Не уже ли ты не понимаешь, что онъ шутилъ? — Да онъ и правду сказалъ —

Дарья. Правду? — такъ и вы, сударыня, думаете, будто я —

Гжа. С**. Переспань же дурачиться! Никто и не думалъ тебя подозрѣвать. За что ты такъ горячо вступаешься?

Яковъ. Что ни говори, Дарьюшка! а обыску тебѣ не миновать.

Дарья. Посмотримъ! Да когда ты исправной егеръ, такъ и безъ обыску можешь узнать, куда марки дѣвались. Егери и горокеи —

Яковъ. Что? — Я ворожея?

Дарья

Дарья. А чтожь? Исправной егеръ всегда умѣетъ немножко воровать, ты и самъ въ этомъ не запрешься; либо ты своего дѣла не знаешь.

Яковъ. Хорошо, что ты не заяцъ, а то бы я показалъ тебѣ, какъ я свое дѣло знаю.

Гжа С**. Вы меня изъ терпѣнія выводите своимъ вздоромъ.

Яковъ. Извольте сами разсудить, сударыня! лзя ли мнѣ на спароси это отъ нее стерпѣть. Она бранился, говоритъ шакую нелѣпицу —

Гжа С**. Молчи!

Дарья. Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, когда бы я была на вашемъ мѣстѣ, я пошчасъ послала бы къ ворожеѣ. Говорятъ, будцо онъ умѣетъ опыскивать, что пропало.

Гжа С**. Какъ ты глупа! Не уже ли ты не можешь понять, что никогда бы ничего не пропадало, естли бы шакие люди въ самомъ дѣлѣ были?

Дарья. Однакожь моя мапушка и покойница бабушка разсказывали мнѣ много шакихъ случаевъ. — Въ одномъ домѣ, гдѣ моя мапушка занималась, пропали однажды —

Гжа. С**. Пожалуй побереги пустые свои рассказы до другого времени.

Яковъ. У нее, сударыня, эшова добра всегда много; беречь не для чего.

Дарья. Вотъ, Яковъ, какъ шы золъ! шы все еще бранишься —

Гжа. С**. Замолчи же, Дарья, либо пойди вонъ!

Дарья. Какъ изволише, сударыня! шолько я на вашемъ мѣстѣ послала бы за ворожею. Недалеко опъ насъ живешъ одна —

Яковъ. Выслушайте меня, сударыня! — Не прикажишели позвашъ сюда всѣхъ дѣшей? Я вздумалъ шеперь кое-что, и мы вѣрно узнаемъ виновапаго. — Тебѣ, Дарьюшка, напередъ совѣшую, когда у шебя совѣсшь не чиста —

Дарья. Перешанъ шупишь; я не люблю эдакихъ шупокъ. Когда бы у меня совѣсшь не чиста была, не спала бы я совѣшовашъ, чшобы послали за ворожею. — Ты на меня разсердился, какъ я сказала, чшо шы ворожить умѣешь; а шеперь шы самъ эшо сказалъ.

Гжа. С**. Изрядно, Яковъ! я довольна буду швоею выдумкою; шолько бы эшо было съ благоприсшойностию и безъ обиды. Чѣмъ меньше шуму, шѣмъ лучше.

Яковъ.

Яковъ. Все будетъ хорошо, сударыня, ежели никшо мнѣ не помѣшаешь и не испортишь мою выдумку.

Гжа. С**. Что жъ ты хочешь сдѣлать?

Яковъ. Не погнѣвайтесь, напередъ вамъ эпова не скажу; вы сами скоро увидите. Прикажете только позвать сюда дѣшей; а я схожу теперь за моимъ ворожеею, чшобъ онъ былъ гошовъ, когда понадобится. (*уходитъ.*)

Я В Л Е Н І Е V.

Гжа. С**. Дарья.

Дарья. Вы слышали, сударыня, что онъ пошелъ за ворожеею. Какъ бы я боялась, когда бы знала за собою чтонибудь худое! Хорошо тому, у кого совѣсть чиста.

Гжа. С**. Развѣ ты не примѣчаешь, что онъ шупишь надъ тобою? Онъ хитръ. Повѣрь мнѣ, что я не спала бы держась его въ моемъ домѣ, ештли бы онъ занимался такимъ вздоромъ, какому ты вѣришь.

Дарья. Очень хорошо, сударыня; что-то вы тогда скажете объ этомъ вздорѣ, когда это сбудется?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Презнія. Николаша.

Гжа С***. Чпо, Николаша? не съскались ли марки? не шы ли куда нибудь ихъ заіащилъ? Отъ тебя это можешъ спашься.

Николаша. Нѣтъ, мапушка; на что мнѣ ихъ? Я самъ никогда бы и въ руки ихъ не взялъ. — Лизанька прислала меня къ вамъ:

Гжа С**. Спрашивала ли она, что ей приказано? узнала ли она что нибудь?

Николаша. Она всѣхъ насъ привела въ безпокойство. Алексаша, Мипинька и Маша хопятъ прійти къ вамъ и оправдашься.

Гжа. С**. Имъ это не нужно; я и вамъ не сполюко вѣрю, сколько имъ.

Николаша. Г. Подбираловъ разсердилса. Онъ говоритъ, что это ему очень обидно, и онъ никогда не думалъ, чтобы вы имѣли о немъ шакое худое мнѣніе.

Гжа С**. Я не думаю, чтобы сестра швоя спросила у него неучливо?

Николаша. Нѣтъ, сударыня; она все сдѣлала почно шакъ, какъ вы ей приказали. — Онъ хопѣлъ потчасъ уйти домой; однакожь сестра его уговорила

его, чтобы онъ остался. По счастью, шляпа его здѣсь. Онъ говоритъ, что непременно все это расскажемъ своему башюшкѣ.

Гжа С**. Отецъ его скоро сюда будетъ, и я сама все ему расскажу.

Николла. Между шѣмъ онъ всѣ просятъ, чтобы вы позволили имъ прийти къ вамъ и извиниться.

Гжа С***. Въ чемъ имъ извиняться, если онъ ничего не знаетъ о пропажѣ? Да я никого изъ нихъ и не подозреваю въ какомъ подломѣ дѣлѣ. Однакъжъ я знаю, сколько дѣпи любопытныя и легкомысленны. Онъ любятъ все пересматривать, все брать въ руки. Легко можетъ статься, что кто нибудь изъ нихъ забывшись унесъ съ собою марки безъ всякаго дурнова намѣренія. — Но я слышу, что онъ сюда идущъ. Дарья, пойдн отсюда, и посмотри между шѣмъ, что Яковъ дѣлаетъ.

Дарья. (уходя) Хорошо, что совѣсть у меня чиста; а то бы я и подошла къ нему боялась:

(Продолженіе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

V.

Наказанное корыстолюбіе.

Въ 1762 году Французской посланникъ, отправленной въ Англію для заключенія мира, проѣзжалъ чрезъ городъ Каншербурій. Трактирщикъ, у котораго онъ останавливался въ семъ городѣ, почелъ сей случай весьма удобнымъ къ своей выгодѣ и потребовалъ съ него за ночлегъ 50 гиней, надѣясь, что посланникъ долженъ будучи спѣшить въ Лондонъ, не захочетъ долго съ нимъ спорить. Посланникъ сперва удивился столь нелѣпому требованію, но заплашилъ 50 гиней и не думалъ больше о томъ. Трактирщикъ радовался неправедной своей добычѣ. — Но жители Каншербурійскіе узнавши о семъ поступкѣ, почли его поношеніемъ своему опечеству и вознамѣрились наказать подлаго трактирщика. Они согласились съ дворянами, жившими въ сосѣдствѣ, не приспавать никогда въ его домъ. Простой народъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Такимъ образомъ корыстолюбивой трактирщикъ лишился своихъ доходовъ, и въ наказаніе за свою несправедливость, изъ достопочнаго чловѣка сдѣдался нищимъ.

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Продолженіе комедіи , начатой въ послѣд-
немъ листѣ.*

Я В Л Е Н І Е VII.

Гжа. С** . Николаша. Лизанька. Г. Под-
бираловъ. Наташа. Алексаша. Мишинь-
ка. Маша.

(Дѣти вошедши кланяются Гжѣ С**!)

Г. Подбираловъ. Мы слышали суда-
рыня , что сегодня пропали у васъ марки,
копорыми мы играли. Намъ эшо очень
прискорбно. Однакожь мы не думаемъ,
чшобъ вы подозрѣвали насъ, будшо мы ихъ
взяли. По крайней мѣрѣ я за себя и за
сестру мою отвѣчать могу.

Гжа. С**. Могу ли я имѣть такое
трусное подозрѣніе на молодыхъ людей ва-
шего соспоянія? Да я не думаю, чшобъ
и дочь моя была сполько неучлива —

Наташа. Нѣтъ, сударыня; она спро-
сила сполько, не взялъ ли кто нибудь изъ
насъ марокъ забывшись, либо не поло-

жилъ ли куда нибудь. — Что касается до меня, я ничего о нихъ не знаю.

Гжа. С**. Я въ помѣ и увѣрена. Однако жь это могло спастись. Иногда и со мною случается, что я забывшись положу что нибудь не къ мѣсту и послѣ сама ищу этой вещи. — Виноваты только дѣши мои, по тому, что они взяли марки безъ моего позволенія.

Алексаша. Обѣ насѣ, сударыня, вы знаете, что мы въ вашемъ домѣ ничего безъ позволенія взять не осмѣлимся.

Митинька. Бапюшка не пустилъ бы насѣ къ себѣ и на дворѣ, когда бы мы что нибудь такое сдѣлали.

Маша А я рада побожиться, что я не виновата.

Гжа. С**. Изрядно, любезныя дѣши! я уже сказала вамѣ, что никого изъ васѣ не подозреваю. Если бы пропало что нибудь другое, то я и не спросила бы у васѣ; но я имѣю причину жалѣть обѣ этой пронажѣ, и не знаю, какъ ее отыскашь.

Г. Подбир. Повѣрьте, что мы не польстимся на чужую вещь, хотя бы она была и гораздо лучше вашихъ марокъ. У васѣ въ домѣ есть люди; — они не всегда бывающѣ вѣрны; — по крайней мѣрѣ
вѣ

въ нашемъ домѣ часто бывали примѣры —

Лизанька. Я увѣряю васъ, что у насъ такихъ примѣровъ никогда не бывало.

Николай. И я опвѣчаю вамъ за всѣхъ нашихъ домашнихъ, какъ за себя.

Гжа. С**. Ты говоришь слишкомъ надежно. — Признаюсь, что я и сама имѣю довѣренность ко всѣмъ моимъ людямъ. Однако жь естли вы что нибудь за ними примѣшили, то скажите мнѣ; вы сдѣлаете мнѣ одолженіе.

Г. Подбир. Нѣтъ, сударыня, я — я ничего не примѣшилъ. — Правда, какъ мы были въ саду, то ваша дѣвушка входила сюда —

Гжа. С**. На нее могу я во всемъ положитьсь. Она уже давно мнѣ служилъ и много имѣла случаевъ ушайть вещи гораздо большей цѣны, такъ, чтобы никто не думалъ и подозрѣвать ее, когда бы только она захошла это сдѣлать.

Г. Подбир. Еще былъ здѣсь старой вашъ егеръ. — Ему не повѣрилъ бы я ни въ чемъ; у него самое канальское лицо. —

Гжа С**. Ахъ! у кого переняли вы такое дурное слово? — Не смотря на лицо его, которое вамъ сполько не понравилось, я вѣрю ему во всемъ. Онъ слу-

жилъ еще покойному моему отцу, и когда бы онъ могъ быть невѣренъ, по я не смала бы вѣришь даже и вамъ и самой себѣ.

Г. Подбир. Такъ можетъ быть безъ насъ входилъ кто нибудь въ эту комнату.

Гжа. С**. Я пойду теперь разспросить объ эпомъ; а вы между пѣмъ можете чѣмъ нибудь заняться, чшобъ вамъ не было скучно.

Г. Подбир. Позвольте мнѣ иппи домой. (*Николашъ.*) Не знаешели вы гдѣ моя шляпа?

Николаша. Яковъ спрячалъ ее; надобно у него спросишь.

Наташа. Останься и дождись бапюшки; онъ будетъ гнѣвашся, еспьли шы уйдешь отсюда пѣшкомъ.

Гжа. С**. Я не допуцу васъ это сдѣлать. Бапюшка вашъ будетъ сегодня у насъ ужинашь, и послѣ ужина вы поѣдите вмѣстѣ съ нимъ. (*Она уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Презніе.

Г. Подбир. (*Лизанькѣ и Николашѣ.*)

Я удивляюсь, какъ ваша мамушка можетъ имѣть на насъ такое подозрѣніе. Возможно ли, чѣобы люди нашего сосоянія сдѣлали такое гнусное дѣло?

Лизанька. Вы напрасно это говорите. Кѣо васъ подозрѣваетъ? Мамушка хотѣла только спросить, не знаемъ ли мы чего нибудь о маркахъ. Она совсѣмъ и не думала, чѣобы кѣо нибудь изъ насъ взялъ ихъ съ намѣреніемъ.

Г. Подбир. Для чего и этого не подумать! Опъ людей подлаго сосоянія (*смотря на Алексашу и Митиньку*) и это спанется; да имъ и неприлично бытъ вмѣстѣ съ благородными людьми.

Алексаша. Вы на насъ смотрите. Видно, что вы о насъ говорите. Но я вамъ скажу, что здѣсь только того почищаютъ благороднымъ, кѣо имѣетъ благородныя мысли.

Г. Подбир. Какъ ты дерзокъ, мальчикъ! — И ты себя называешь благороднымъ человѣкомъ! а я тебѣ сказываю, что я не пустилъ бы тебя къ себѣ на дворъ со всеми твоими благородными мыслями.

Николаша. Батюшка и мапушка наши за щасіе почитають, что могутъ воспитывать насъ съ такими добрыми дѣльми, каковы мои друзья, копорыхъ вы здѣсь видите.

Лизанька. Это правда; и я увѣряю васъ, что я перенимаю у Машиньки очень много добраго, чего бы у васъ не переняла я никогда?

Наташа. Брашець, когда ты будешь умнѣе?

Г. Подбир. Ты слишкомъ умна, сестрица. Вѣрно ты и сама по же думаешь, что я, только не сказываешь. Помнишь ли ты, что мапушка намъ часто говаривала: подлые люди и подлые мысли имѣють?

Николаша. Такъ вы думаете, что мои друзья могутъ взять себѣ чтонибудь чужое?

Митинька. Развѣ вы видѣли у насъ жарки, или видѣли, что мы входили безъ васъ въ эту комнату?

Маша. Я видѣла, какъ Г. Подбираловъ самъ все здѣсь бралъ въ руки, все пересматривалъ.

Г. Подбир. (подбѣгаетъ къ ней и хочетъ ее ударить, но другіе удерживаютъ)

ютъ его.) Какъ! что ты говоришь, негодница? вопль я тебѣ —

Николаша. Оспановишесь, Г. Подраловъ! Что вы дѣлаете?

Алексаша. Ударьте меня, естли смѣете; вы увидите, что я васъ не боюсь.

Г. Подбир. Я не хочу связываться съ такими рабьями, какъ вы.

Лизанька. Г. Подбираловъ показываетъ свою храбросшь полько надъ маленькими дѣвушками.

Г. Подбир. За честь свою я есегда вешупляюсь.

Наташа. Эша дѣвушка могла бы и помолчать.

Николаша. Она еще дитя; а дѣшямъ можно просшить, когда онѣ говорятъ правду.

Наташа. Также и сѣкушъ ихъ, когда онѣ говорятъ, чего имъ ненадобно говоришь.

Г. Подбир. Правду? она говоритъ правду? — что вы хошите сказать?

Лизанька. Что жъ? эшо и въ самомъ дѣлѣ правда, что вы здѣсь все пересмашривали.

Я В Л Е Н И Е IX.

Презніе. Гжа С**.

Гжа. С**. Чшо вы дѣлаете, дѣши мои? Я слышала у васѣ шумѣ.

Г. Подбир. Я надѣюсь, сударыня, чшо вы накажете эшихѣ рабашѣ за шо, чшо они меня обидили.

Гжа. С**. Они васѣ обидили? Эшо для меня удивительно. — Но чѣмѣ же они васѣ обидили?

Николаша. Г. Подбираловѣ говорилѣ о нихѣ презришельно, а они эшова не сперпѣли.

Алексаша. Онѣ говорилѣ, будшо насѣ можно подозрѣвать вѣ пропажѣ марокѣ, по шому, чшо мы не благородные; а я опвѣчалѣ ему, чшо здѣсь почиается шопѣ благороднымѣ, кшо имѣетѣ благородныя мысли.

Г. С**. (Г. Подбиралову.) не уже ли сами вы сомнѣваетесь вѣ эшомѣ?

Г. Подбир. Нѣшѣ, сударыня, я знаю, чшо эшо правда; но сестра его сказала обо мнѣ, будшо я —

Маша. Я сказала шолько, чшо Г. Подбираловѣ все здѣсь вѣ комнашѣ пересмашривалѣ; а онѣ хопѣлѣ меня за эшо ударить.

Гжа.

Гжа. С**. Ударить? — Нѣтъ, этому не лѣзя повѣрить;

Наташа. Извините моего брата; онъ очень вспыльчивъ.

Гжа. С**. Въ его лѣта рано еще быть вспыльчивымъ; да это свойство и ни въ комъ не похвально.

Я В Л Е Н И Е X.

Презніе. Яковъ (*приноситъ въ корзинѣ пѣтуха, покрытаго платкомъ.*)

Яковъ. Нѣтъ, сударыня! изъ людей вашихъ никто не виноватъ. Я радъ за всѣхъ побожиться. Пѣтухъ мой вѣрной угадчикъ и меня не обманетъ.

Гжа. С**. Пѣтухъ швой? какая связь между швоимъ пѣтухомъ и нашею пропажею?

(*Дѣти начинаютъ смѣяться.*)

Яковъ. Да, мой пѣтухъ. Воцѣ онъ! (*поднимаетъ платокъ и показываетъ голову пѣтуха.*) Однако это не простой пѣтухъ. Другова такава пѣтуха нигдѣ не сыщешь. Онъ мнѣ сказываетъ, чего никто не знаетъ. Когда пропадетъ какаянибудь вещь, я отъ него шопчасъ

узнаю, кто ее нашелъ. Когда кто украдетъ чтонибудь, онъ заставитъ отдать украденое, хотя бы оно спрячано было подъ землю.

Лизинька. Это не дурно; онъ можетъ и намъ сказать, куда марки наши дѣвались.

Яковъ. Для того-то я и принесъ его сюда. Онъ никогда еще меня не обманывалъ и угадывалъ всегда безъ ошибки, о чемъ я у него спрашивалъ.

Маша. Развѣ онъ умѣетъ говорить?

Яковъ. Конечно умѣетъ — по своему, какъ пѣшухи говорятъ. Они поютъ и разумѣютъ другъ друга, такъ же, какъ люди свои рѣчи разумѣютъ.

Николаша. Для чего ты намъ давно не сказалъ объ этомъ чудномъ пѣшухѣ?

Яковъ. Для того, что пропажи никогда не случалось.

Лизинька. Машушка, позвольте ему показать намъ это диво.

Гжа. С**. Изрядно, пусть онъ угадываетъ. По крайней мѣрѣ это можетъ послужить намъ забавою.

Яковъ. Надобно, что бы здѣсь было темно.

Гжа. С**. Это легко можно сдѣлать; найди, закрой жельно окна.

Лизанька. Пойди же поскорѣ!

(*Яковъ выходитъ ; между тѣмъ дѣти подходятъ къ корзинѣ , приподнимаютъ платокъ и заглядываютъ туда ; одинъ только Г. Подбираловъ стоитъ поодаль и оказываетъ нѣкоторое безпокойство.*)

Николаша. Въ самомъ дѣлѣ это не простой пѣшукъ ; какіе у него свѣшлые глаза !

Наташа. Какой большой гребень ?

Г. Подбир. Переспань , сестрица ! какъ тебѣ хочется заниматься такимъ вздоромъ ? — Когда бы я зналъ , гдѣ мнѣ найши мою шляпу —

Гжа. С**. (*Г. Подбиралову*) Я сама все это принимаю за шутку и позволяю дѣлать это только для забавы. Сверхъ того мнѣ пріятно будетъ уличить Якова опытомъ въ его суевѣрїи ; онъ очень суевѣренъ и упрямъ въ своемъ предразсудкѣ. Такіе люди и себя и другихъ обманываютъ.

Г. Подбир. Такъ вы сами не вѣрите тому , что онъ сказывается ? — И я также думаю , что все это вздоръ.

Гжа С**. Конечно вздоръ !

Г. Подбир. Мы послѣ посмѣемся надъ нимъ. (*Окны закрываются и въ комнатѣ становится темно.*) Однако желалъ бы я

узнать, для чего ему надобно, чтобы здѣсь было темно?

Николаша. Въ самомъ дѣлѣ это спрашно; у кого совѣсть чиста, и пому нельзя не бояться. Я не люблю быть въ темной комнатѣ

Лизанька. Пѣшухѣ никого изъ насъ не увидишь; какъ же онъ спанешъ угадывать?

(*Яковъ приходитъ.*)

Гжа С**. Теперь довольно ли здѣсь темно?

Яковъ. Точно шакъ, какъ мнѣ надобно. — Теперь у кого совѣсть чиста, шомъ останся здѣсь; а кто виновашъ, выйдѣ вонъ!

Гжа С**. Изрядной совѣшъ! кому захочешся добровольно вонъ выйши?

(*Яковъ относитъ свою корзину въ уголъ, дѣлаетъ нѣсколько пустыхъ церемоній и обчерчиваетъ около ее кругъ.*)

Яковъ. Теперь пусть всякъ изъ дѣшей подойдетъ сюда, погладишъ пѣшука по спинѣ правою рукою, положишъ руку за спину и отойдетъ въ сторону. Когда ешъ изъ васъ кто нибудь виновашой, пѣшухѣ мой громко закричитъ, лишь шолько шомъ до него допронешся.

(*Дѣти смотрятъ другъ на друга и никто сперва подходитъ не хочетъ.*)

Гжа.

Гжа. С**. Что жь вы спойше? или вы всѣ виноваты?

Маша (подходитъ къ корзинѣ и гладитъ пѣтуха.) Онѣ молчишѣ; я не виновата.

Яковъ. Теперь въ сторону и руку за спину. (отводитъ ее въ сторону.)

Николаша (дѣлаетъ то же.) И я не виноватѣ.

Лизанька. Закричи, естѣли хочешь толгать!

Наташа. Нѣшѣ, онѣ все еще молчишѣ. (Она позабываетъ положить руку за спину.)

Яковъ. Руку за спину!

(*Алексаша и Митинька кланяются Г. Подбиралону и указываютъ ему, чтобы онѣ шелъ напередъ. Кажется, что онѣ боятся подойти.*)

Гжа С**. Подойдише; не испортише нашей шушки!

(*Г. Подбираловъ подходитъ къ корзинѣ; Алексаша и Митинька послѣдуютъ за нимъ; послѣ того всѣ дѣти начинаютъ смѣяться.*)

Маша. Что, Яковъ? пѣшухѣ швой обманщикѣ; онѣ ничего не знаетѣ.

Гжа. С**. Либо всѣ вы свободны отъ подозрѣнія, либо швое искусство, Яковъ, ничего не шойшѣ.

Яковъ.

Яковъ. Нѣтъ, нѣтъ! искусство мое хорошее искусство. Пошерпите только; никто не трогайся съ мѣста. Мнѣ надожно перся принеси сюда свѣчу: при огнѣ все иначе пойдетъ. А вы, сударыня, прикажите дѣшмѣ, чшобѣ онѣ шшояли спокойно, покамѣстѣ я жожу за свѣчою.

(*Уходитъ.*)

Никоста. Странной человекѣ! чшо онѣ еще хочетѣ съ нами дѣлать?

Маша. Позвольте мнѣ еще посмотрѣть на эшова страннаго пѣшуха.

Гжа. С**. Ты очень любопытна. Не сходи со своего мѣста.

Алексаша. Развѣ ты не можешь подождать?

Наташа. Посмотримъ, чѣмъ эшо кончится!

Яковъ (*приноситъ свѣчу и подходитъ къ каждому изъ дѣтей по порядку, начиная съ Маши.*) Покажите мнѣ руку! (*Она показываетъ ему лѣвую руку.*) Не эшу, а шу, чшо за спиною! — Изрядно; вы невиноваты.

Маша (*посмотрѣвши на руку и испугавшись, кричитъ:*) Ахѣ! чшо сдѣлалось съ моею рукою? она черна, какѣ уголь.

Яковъ!

Яковъ. Не бойшесь, опять бѣла будешь, лишь только я захочу.

(Дѣти всѣ смотрятъ себѣ на руки; Яковъ старается ихъ отъ того удержать и кричитъ: „Поспойте! подождите!“ но онѣ не слушаютъ его и сходятъ со своихъ мѣстъ.)

Николаша. Фи! и у меня рука также черна.

Лизанька. И у меня — проклятой Яковъ!

Наташа. Скарёдой пѣшухъ!

Алексаша. Фи! какія у меня манжеты!

Митинька. И мои пальцы!

Г. Подбир. (поднимаетъ руку и показываетъ ее съ хвостовскимъ видомъ.) А у меня обѣ руки чисты!

Яковъ (подбѣгаетъ къ нему и хватается его за камзолъ) Вы-по и взяли марки, сей часъ отдайте ихъ, а не по-сдѣлаю всего васъ чернымъ, какъ уголь, и на всю жизнь такимъ останешесь.

Наташа. Братъ мой будешь черенъ, какъ уголь?

Яковъ. Да, какъ уголь — какъ Арабъ — какъ воронъ.

Наташа. Братецъ, не уже ли ты и въ самомъ дѣлѣ — отдай скорѣе, ешь-ли онъ у тебя.

Гжо.

Гжа. С**. Яковъ, смопри, что пы дѣлаешь!

Г. Подбир. (поблѣднѣвши и въ большомъ смущеніи.) Не ужели я — можешъ бышь — забывшись — (ищетъ у себя въ карманахъ.) Эшо правда, онѣ были у меня въ рукахъ — (Притворяется, будто нечаянно нашелъ марки въ своемъ карманѣ.) Ахши! — вопшѣ онѣ и въ самомъ дѣлѣ! какъ эшо могло спашься?

(Всѣ дѣти стоятъ въ удивленіи и *Г. Подбираловъ* дрожитъ.)

Гжа. С**. Яковъ! вынеси опсюда свѣчу и свою корзину и разкрой окны. (Говоритъ ему на ухо.) Не сказывай никому, что здѣсь сдѣлалось.

Яковъ. Слышу, сударыня. (уходитъ.)

Гжа. С**. Вы, дѣши мой, пойдите въ шу комнашу и умойте себѣ руки.

Маша. Да смоешься ли эшо у меня еѣ руки? не всегда ли она пакъ оспанешся?

Гжа. С**. Не опасайся; эшо не иное что, какъ полько сажа. — Вамъ, г. Подбираловъ, не нужно мышь руки, и вы можете здѣся оспанешся.

(Дѣти уходятъ.)

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Окончаніе комедіи: невинная воровжба.

Я В Л Е Н І Е Х І .

Гжа С**. Г. Подбираловъ.

Гжа. С**. Спыдишесь подлаго вашего поступка! — вы были прежде сполько горды, что не хотѣли бытъ вмѣстѣ съ честными дѣшьями, для того шолько, что онѣ не шакова происхожденія, какѣ вы — вы думали, что для васѣ безчестно бытъ вмѣстѣ съ ними; а обезчестили сами себя шакимѣ поноснымѣ дѣломѣ.

Г. Подбир. Простите меня, сударыня! — я игралѣ шолько вашими марками — и забывшись — я самѣ не знаю, какѣ онѣ попались ко мнѣ —

Гжа. С**. Пустыя выдумки! Если бы это вѣ самомѣ дѣлѣ шакѣ было, то вы не отреклись бы поискашь ихѣ у себя вѣ карманѣ, какѣ скоро у васѣ обѣ нихѣ спросили, и опдашь. Тогда бы при-

чили это вашему разсѣянію и извинили бы васъ. Но вы —

Г. Подбир. Это не пришло мнѣ погда на умъ; къ тому жъ я спыдился и одного подозрѣнія на меня.

Гжа С**. Дочь моя спрашивала съ осторожностію, и вамъ нѣчего было спыдишься.

Г. Подбир. Я совсѣмъ погда позабылъ, что бралъ марки, и что онѣ могли у меня остаться.

Гжа. С**. Однако жъ послѣ объ этомъ вспомнили; иначе жъ вы не побоялись бы такъ же допронуться до пѣшуха и погладить его, какъ и другія.

Г. Подбир. Я это и сдѣлалъ, сударыня, я гладилъ его —

Гжа. С**. Перестаньте, не прибавляйте лжи къ подлему вашему поступку; онѣ и самѣ собою очень мерзокъ. Хорошо, что вы поглупости еще скрыть его не умѣли. Вы не догадались; что и у васъ рука также бы черна была; какъ и у другихъ, есть ли бы вы допронулись до пѣшуха. По невѣжеству подумали вы; будто Яковъ мой въ самомъ дѣлѣ вожитъ умбеть, побоялись обличить себя; а чрезъ то самое и обличили себя передъ всѣми. — Бапюшка вашъ порадуетъ узнавши

узнавши объ этомъ приключеніи; я расскажу ему все, какъ скоро онъ къ намъ придетъ.

Г. Подбир. (бросается предъ нею на колѣни) Ахъ; сударыня! для Бога, не сказывайте ему объ этомъ! онъ придетъ меня до смерти.

Гжа. С**. Это лучше, нежели воспишеть шакова человекъ, которой наноситъ безчестіе всей своей фамилии. Чего наконецъ отъ васъ не станется; когда вы и въ такихъ уже молодыхъ лѣтахъ способны къ такимъ гнуснымъ дѣламъ?

Г. Подбир. Я клянусь вамъ, что впредъ ничего шакова не сдѣлаю.

Гжа. С**. Можете быть вы уже не однажды это обещали. По всемъ обстоятельствамъ можно догадаться; что вы сегодня не въ первый разъ сдѣлали этотъ проступокъ: Вы прищворялись такъ безстыдно —

Г. Подбир. Повѣрьте мнѣ; что я сдѣлалъ это и въ первый и въ послѣдній разъ. Расскажите обо всемъ моему батюшкѣ; если вы еще узнаете обо мнѣ чтонибудь дурное; только теперь простите меня и не сказывайте ему.

Гжа. С**. Съ этимъ только уговоромъ и могу я согласиться на вашу

прозбу. Но вѣ мой ли волѣ скрышь сегодняшнее приключеніе? Дѣши и домашніе мои всѣ о немѣ знаютъ. Ахъ! я не могу безъ ужаса и подумашъ о томѣ, какія слѣдствія это имѣть можешъ. — Но скажите мнѣ, что вы хотѣли дѣлать съ марками? У себя ли хотѣли вы ихъ удержатъ, или продатъ, или подарить кому нибудь.

Г. Подбир. Я и самъ не знаю, что бы я съ ними сдѣлалъ. Онѣ мнѣ понравились, и я взялъ ихъ для того только, чтобы ихъ имѣть.

Гжа. С**. Состояніе ваше опасно. Желать чужихъ вещей даже безъ намѣренія и доставать ихъ такимъ образомъ! Признайтесь откровенно, вѣ первой ли разѣ вы это сдѣлали?

Г. Подбир. (*запнясь и плача.*) Н — нѣтъ, сударыня! — я и прежде часто уносилъ у моихъ пріятелей игрушки и другія вещицы — и какъ этова никто еще не зналъ — то я думалъ, что —

Гжа. С**. Вы думали, что и всегда можете дѣлать это безопасно. Негодная мысль! — Но можешъ бышь сегодняшнее приключеніе послужить вѣ вашу пользу, когда вы получите наказаніе, какое вы заслужили.

Г. Подбир. Ахъ, сударыня! я съ охотою вышерплю всякое наказаніе, только бы бабюшка мой не узналъ что я сдѣлалъ. Скажите объ этомъ моей мабушкѣ, скажите моему гофмейстеру — онъ спрогъ, однако жъ справедливъ. —

Гжа. С**. Изрядно, я пощажу вашего бабюшку отъ неприятнаго извѣстія, естли вы на нынѣшнихъ дняхъ привезете ко мнѣ вашего Гофмейстера, и при немъ дадите обѣщаніе отстать отъ гнуснаго своего порока. Я попрошу его, чтобъ онъ рачительно примѣчалъ ваши поступки и при первомъ случаѣ, когда вы не сдержите своего обѣщанія, рассказалъ бы обо всемъ не только бабюшкѣ, но и всѣмъ вашимъ знакомымъ. Соглашаетесь ли вы на это?

Г. Подбир. Я сдѣлаю все, что вы прикажете. — Но ваши дѣши —

Гжа. С**. Вотъ какъ одно дурное дѣло ведетъ за собою и другое! я сама принуждена буду сказать имъ неправду въ ваше извиненіе.

Г. Подбир. Ахъ, сударыня! я всю жизнь буду васъ благодарить.

Гжа. С**. Однако еще условіе! Вы должны просить прощенія у добрыхъ дѣшей, которыхъ вы обидили своимъ пре-

зрѣніемъ и на которыхъ вы хотѣли навести подозрѣніе въ пропажѣ.

Г. Подбир. Я признаюсь, что я виноватъ предъ ними, и съ охотою буду просить у нихъ прощенья.

Гжа. С**. Недовольно одного признанія; надобно исправиться. Научись изъ эпова случая, какъ гордость наказывается. Какъ вы теперь унизились передъ тѣми, которыхъ вы прежде презирали! — Я запретила бы вамъ знакомство съ моими дѣтьми, если бы я не надѣялась, что вы исправитесь. — Попросите сами дѣшей, чтобъ онѣ никому не сказывали о вашемъ приключеніи.

ЯВЛЕНІЕ. XII.

Презніе. Наташа. Николаша. Дизанька
Алексаша. Мишинька. Маша.

Наташа (бѣжитъ къ своему брату.)
Что ты надѣлалъ, братецъ! посмотри, что тебѣ доспанется отъ башюшки, когда онъ объ эпомъ узнаетъ!

Гжа. С**. Проступокъ его не такъ великъ, какъ вамъ кажется. Онъ взялъ марки забывшись безъ всякаго намѣренія. Я охотно въ эпомъ ево извиняю. (*Алекса-*

шъ

ца и Митинькѣ) Только въ помѣ не могу его извинить, что онѣ васѣ обидилѣ.

Алексаша. Мы просимѣ васѣ и въ эпомѣ его извинить. Намѣ учили, что обидѣ помнитѣ не должно.

Гжа. С**. Вотѣ подлинное благородство! Господинѣ Подбираловѣ, вы можете отѣ него научитѣся, въ чемѣ оно состоитѣ.

Митинька. Мы и не скажемѣ никому, что сегодня между нами случилось. Не правда ли, Мацинька, и ты также никому обѣ эпомѣ не скажешь?

Маща. Никому не скажу. Миѣ жалко бы было, когда бы Г. Подбиралова побранили, а можетѣ быть еще и высѣкли.

Г. Подбир. (подходитѣ къ Алексашѣ и Митинькѣ и обнимаетѣ ихѣ.) Вы меня въ стыдѣ приводите своимѣ великодушиемѣ. — И такѣ вы подлинно никому не скажете о дурномѣ моемѣ поступкѣ?

Алексаша. Вы можете въ помѣ на насѣ положитѣся.

Наташа. Однако жѣ я сама все расскажу бабюшкѣ, ты и себя обезчестилѣ, и ему стыдѣ нанесѣ.

Гжа. С**. Вы очень дурно сдѣлаете, если не простите своего брата, когда

и мы всѣ соглашаемся позабыть его проступокъ. Вы можете поступить гораздо лучше: примѣчайте за нимъ, и если онъ впредь сдѣлаетъ такой же проступокъ, то скажите мнѣ; намъ и тогда будетъ еще время наказать его.

Г. Подбир. Простите меня только теперь, и будьте увѣрены, что впредь я ничего такого не сдѣлаю.

Гжа. С**. Сдержите жь свое слово!

Маша. Да, сдержите свое слово; а не то Яковъ сдѣлаетъ васъ Арабомъ.

VI.

Нравоучительныя мысли.

Кто не привыкаетъ заблаговременно быть осторожнымъ въ вещахъ не большой важности, тотъ современемъ будетъ пренебрегать и самыя важныя вещи.

Надлежитъ рачительно избѣгать всякаго хвастовства: оно всегда бываетъ противно либо правдѣ, либо скромности, и оказываетъ недостатокъ разума и испорченной вкусъ.

Тотъ всѣхъ удобнѣе бываетъ обмануть, кто почищаетъ себя умнѣ другихъ.

Никто не долженъ болѣе опасаться презрѣнія, какъ тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ презрѣніе заслуживаетъ.

Мы часто были бы принуждены спыдаться самыхъ лучшихъ нашихъ дѣлъ, естли бѣ другіе могли всегда знать, по какимъ причинамъ мы ихъ дѣлаемъ.

Непріятели, которые судятъ о насъ слишкомъ строго, дѣлаютъ намъ больше пользы, нежели друзья, которымъ все въ насъ нравится. Отъ первыхъ часто слышимъ мы правду, а другіе всегда скрываютъ ее отъ насъ.

Исправляя свои недостатки гораздо менѣе стоишь труда, нежели только прикрывать ихъ.

Умѣренность предохраняетъ отъ болѣзней и дѣлаетъ жизнь пріятною; напрошивъ того неумѣренность есть сѣмя безчисленныхъ непріятностей.

Кто въ себѣ мало имѣетъ пороковъ, тотъ не любитъ и въ другихъ пороки находить.

VI.

Дѣтская любовь и благодѣтельность.

Молодой Робертъ стоялъ со своею лодкою у берега въ Марсельской гавани и дожидался, не придетъ ли кто нибудь, кого бы могъ онъ перевезти. — Пришелъ незнакомой человекъ и сѣлъ въ его лодку, но тотчасъ хотѣлъ опять сойти съ нее, думая, что хоаяина ея шутъ не было, ибо онъ не почиталъ Роберта перевозчикомъ.

„Эта лодка моя, сказалъ Робертъ: скажите только, куда вамъ надобно ѣхать.“

„Я хотѣлъ только нѣскольکو разъ проѣхать по гавани, чтобы насладиться пріятностью прекраснаго вечера, отвѣчалъ незнакомой. „Но ты совсѣмъ не похожъ на перевозчика и говоришь не такъ, какъ твои товарищи говорятъ.“

Робертъ. Это правда, я не перевозчикъ, а отправляю иногда промыселъ только по воскресеньямъ и по праздникамъ, чтобы зарабатывать больше денегъ.

Незнакомой. Фи! возможно ли въ твои лѣта быть тамъ корыстолобивоу? — я эшова ошъ себя не ожидалъ.

Робертъ. Ахъ! ешъли бы вы знали, для чего я стараюсь копить деньги, по вѣрно не похулили бы меня.

Незнакомой. Можешъ спасться, что я несправедливо о тебѣ подумалъ; но тебѣ надлежало бы лучше обьясниться. Расскажи мнѣ о своихъ обсиояшетьсвахъ; я хочу принять участие въ твоей печали.

Робертъ. У меня только та печаль, государь мой, что отецъ мой находится въ плѣну, а я не въ состояннн его выкупить.

Незнакомой. Отецъ твой находится въ плѣну? гдѣ? и какимъ случаемъ попалъ онъ въ плѣнъ?

Робертъ. Собравши себѣ небольшой капиталъ, накупилъ онъ товаровъ и отправился на корабль въ Смирну, чтобы продать ихъ. На пути корабль взятъ былъ морскими разбойниками и отведенъ въ Тешуанъ, что на Африканскомъ берегу. Тамъ бѣдной мой отецъ и понынѣ живетъ въ неволѣ вмѣстѣ съ своими спутниками. Требуютъ за него выкупу 2000 шалеровъ. Но мы не въ состояннн заплатить такую большую сумму. Между тѣмъ мать моя и сестры работаютъ день и ночь, чтобы современемъ собрать столько денегъ. Я также тружусь прилѣжно у Ювелира, моего хозяина, и сверхъ того по праздникамъ пользуюсь свободнымъ временемъ такъ, какъ вы видите. Мы живемъ сколько можно умѣрен-

нѣе

нѣе и нанимаемъ одну полько комнату. — Сперва хотѣлъ я самъ ѣхать въ Тетуанъ и добровольно пойдя въ неволю вмѣсто отца моего. Но мать моя узнавши объ этомъ предпріятіи, увѣрила меня, что невозможно произвести его въ дѣйство, и упростила всѣхъ корабельщиковъ, которые тогда въ Левантъ отпра- влялись, чтобъ они не брали меня съ собою.

Незнакомой. Получаешь ли ты иногда извѣстія о своемъ отцѣ? Знаешь ли, кто господинъ его въ Тетуанъ, и какъ его содержатъ въ неволѣ?

Робертъ. Господинъ его надзираетъ надъ садами тамошняго владѣльца; поспунаютъ съ нимъ не очень жестоко и работа его не слишкомъ тяжела. Но мы разлучены съ нимъ; мы не можемъ подать ему ни утѣшенія, ни помощи въ шрудахъ; онъ удаленъ отъ насъ, удаленъ отъ любимой супруги и отъ дѣтей, которыхъ любилъ онъ весьма нѣжно.

Незнакомой. Какъ называешься отецъ твой въ Тетуанъ?

Робертъ. Онъ не перемѣнилъ своего имени и называется такъ же, какъ и въ Марсели, Робертомъ

Незнакомой. Называется Робертомъ , и господинъ его надзираетъ надъ садами тамошняго владѣльца ?

Робертъ. Да , государь мой !

Незнакомой. Нещастіе пвое меня прогасетъ. Ты мнѣ кажешься достойнымъ лучшей участи , и я опваживаюсь обѣщать тебѣ , что обстоятельспва пвои перемѣняпся. Имѣй полько упованіе на Бога. —

Незнакомой замолчалъ , задумался и не говорилъ уже болѣе ни слова. Начиало темно спановипся ; онъ вышелъ на берегъ , опдалъ молодому Роберту свой кошелекъ , и ушелъ опъ него такъ скоро , что опъ не имѣлъ времени и поблагодарить его. Въ кошелькѣ было шестпнапцать червонныхъ и десять палеровъ серебряными деньгами. Робертъ весьма пронупъ былъ споль чрезвычайною щедростію. На другой день ходилъ онъ по всему городу , чтообъ сыскаеть своево благодѣтеля и поблагодарить его ; но пщетно ! нигдѣ не могъ его найти.

Между пѣмъ нещастное семейство продолжало неупомимо работать , дабы собрать нужную сумму.

Въ одинъ день , какъ они хотѣли ѣсть за умѣренной обѣдъ , состоявшій

изъ

изъ хлѣба и сушеныхъ плодовъ, вѣдруѣ увидѣли — сколь велико было ихъ удивленіе! — увидѣли отца своего Роберта; вошедшаго къ нимъ въ комнату. Онъ одѣшъ былъ изрядно. — „Супруга моя! любезныя мои дѣти!“ вскричалъ онъ, бросаясь въ ихъ объятія: „какъ могли вы освободить меня такъ скоро? Освободившись получилъ я это платье и пятьдесятъ червонныхъ; которыя отданы мнѣ были; какъ скоро взошелъ я на корабль; гдѣ уже напередъ заплачено было за перевозъ и за содержаніе меня. Скажите; какъ могли вы все это мнѣ доставить; будучи сами въ такой бѣдѣности; въ какой я васъ вижу?“

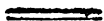
Жена Робертова была въ изумленіи и не имѣла силъ отвѣчать ему; она обнимала только своего мужа и проливая радостныя слезы. Дочери ея были въ такомъ же состояніи. Молодой Робертъ сперва сидѣлъ неподвиженъ на своемъ стулѣ; но потомъ упалъ; лишившись чувствъ. Мало по малу мать его пришла въ состояніе говорить; она еще обняла своего мужа и говорила ему; указывая на своего сына: „Вотъ твой избавитель! Намъ надобно было собрать 2000 палеровъ; чтобъ тебя выкупить; и по большей ча-

сти

Еще его трудами собрали мы уже половину. Но без сомнѣнія нашелъ онъ благодѣшелей, которые пронушы будучи его добродѣшелью; ссудили его деньгами; сколько надобно было для выкупу. Безъ сомнѣнія ему одолжены мы нашимъ счастьемъ; и сверхъ того хотѣлъ онъ нечаянно насъ обрадовать. Но поспѣшимъ подать ему помощь!»,

Мать и сестры спѣшили помочь молодому Роберту; долго лежалъ онъ безчувственъ; наконецъ открылъ глаза и устремилъ помные взоры на отца своего; но не могъ еще говорить.

Отецъ споялъ въ задумчивости и молчалъ; по томъ съ огорченіемъ обратился къ своему сыну и сказалъ ему: «нещасной! что ты сдѣлалъ? Какъ могъ ты скрыть мое освобожденіе отъ своей матери, если ты освободилъ меня не поноснымъ способомъ? Какъ могъ ты въ твои лѣта и въ твоёмъ состояніи достать столько денегъ; не впадши въ какое нибудь ужасное преступленіе? Спрашусь услышавъ правду; но признайся откровенно и умертви насъ своимъ признаніемъ; если пересталъ ты быть честнымъ человекомъ!»

Молодой Робертъ , вставши съ трудомъ , ошвѣчалъ : „ успокойтесь , бабушка ! обнимите вашего сына ; онъ не сдѣлался недостойнымъ эпова названія . — Не мнѣ и никому изъ насъ одолжены вы свободою . Но я знаю нашего благодѣтеля . Мамушка ! это попъ незнакомой , которой опдалъ мнѣ свой кошелекъ . — Онъ спрашивалъ тогда обстоятельно о бабушкѣ . Я сыщу его , приведу его сюда , чпобъ и онъ насладился плодами своихъ благодѣяній , раздѣлилъ бы ихъ съ нами , и пролилъ бы вмѣстѣ съ нами слезы радости . „

По томъ рассказалъ онъ отцу о своемъ разговорѣ съ незнакомымъ , и отецъ успокоился .

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ .)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Окончаніе повѣсти , начатой въ послѣднемъ листѣ .

Спокойствіе въ семействѣ Робертвомѣ возстановилось. Всѣ дѣла его шли съ хорошимъ успѣхомъ. Чрезъ два года сдѣлался онѣ доспапчнымѣ человекомѣ , и вмѣспѣ съ женою и дѣшми своими наслаждался благополучіемѣ . Ничего бы не недоставало ихѣ благополучію , еспѣлибѣ только безпрестанная развѣдыванія молодого Роберта не оставались щепенными , и ему удалось бы найти неизвѣспнаго благодѣшеля , которому они щаспіемѣ своимѣ были одолжены .

Наконецѣ исполнилось и сіе желаніе . Нѣкогда прогуливаясь въ гавани , нашелѣ онѣ незнакомаго . „ Избавишель мой ! „ вскричалѣ онѣ и бросился въ безпамяшспвѣ къ ногамѣ его . Незнакомой спѣшилѣ помочь ему и послѣ спросилѣ о причинѣ шего восхищенія .

Молодой Робертѣ отвѣчалѣ : „ Ахѣ государь мой ! можете ли вы спрашивать

объ этомъ? Развѣ забыли вы о Робертѣ и несчастномъ его семействѣ, которое вы сдѣлали щасптивнымъ, возвративши ему любезнаго отца? „

Незнакомой. Ты ошибаешься, другъ мой! я тебя не знаю, и ты меня также знать не можешь. Я не здѣшній житель и очень не давно сюда прѣхалъ.

Молодой Робертъ. Все это можетъ быть правда; но вспомнише, какъ вы за два года здѣсь были, какъ вы прогуливаясь здѣсь въ гавани меня увидѣли; я рассказалъ вамъ о нашемъ несчастіи; вы спрашивали тогда обо всемъ обстоятельно, чтобъ сдѣлать намъ благодѣяніе. — Избавишель отца моего! можете ли вы забыть, что вы избавишель цѣлаго семейства, которому теперь ничего болѣе желать не осшалось, какъ только васъ увидить? — Совершите наше щастіе! раздѣлите съ нами нашу радость! смѣшайте слезы человѣколюбиваго своего сердца со слезами нашей благодарности!

Незнакомой. Другъ мой! я сказалъ уже тебѣ, что ты ошибаешься.

Робертъ. Нѣтъ, государь мой! я не ошибаюсь. Черты лица вашего глубоко вѣзаны въ моемъ сердцѣ. Невозможно
миѣ

миѢ было не узнать васѢ. Прошу, заклиною васѢ, пойдеште со мною. —

Молодой РобертѢ взялъ за руку незнакомаго и хотѢлъ вести его. Множество народа ихѢ окружило.

Тогда незнакомой принялъ на себя важной видѢ и сказалѢ: „Государь мой вы только скучаете миѢ безѢ всякой для себя пользы. МожешѢ быть сходство въ лицахѢ подало вамѢ поводѢ къ ошибкѢ. Опомнись; пойдите теперь домой и успокойтесь; миѢ кажется это очень для васѢ нужно. „

„Какая жестокость! вскричалѢ молодой РобертѢ: „такѢ я щестно лежалѢ у ногѢ вашихѢ! вы пренебрегаете благодарности, которою сердца наши къ вамѢ наполнены. — Сograждане мои! помогите миѢ, помогите просить виновника нашего щасшя, чшобѢ онѢ пошелѢ со мною и увидѢлъ бы плоды своего благодѢння. „

Незнакомой собралѢ всѢ свои силы, все свое мужество, дабы отказатьсѢ отѢ восхищительнаго удовольствня, какое тогда ему было представляемо. ОнѢ ушелѢ и скрылся отѢ глазѢ молодаго Роберта, оставивѢ удивленному народу примѢръ великодушня, какова они прежде никогда еще не видали.

Молодой Робертъ былъ внѣ себя. Ошвели его домой, гдѣ наконецъ сердце его облегчилось попокомъ слезъ. —

По смерти уже сего незнакомаго, узнали нечаянно, что онъ былъ Президентъ Монпешю, одинъ изъ самыхъ лучшихъ Французскихъ писателей. Онъ приобрѣлъ вѣчную славу своими сочиненіями. Но одно сіе дѣло приносило ему болѣе чести, нежели его сочиненія.

VIII.

О скромности.

(Изъ письма къ молодому человѣку.)

Скромность прилична молодому человѣку преимущественно предъ всѣми другими добродѣтелями. Но въ чемъ она состоитъ? Кто называется скромнымъ? Тотъ, кто въ присутствіи старшихъ не говоритъ слишкомъ много, не вмѣшивается во всѣ разговоры, не обо всемъ судитъ хотя и въ состояніи судить о чемъ либо справедливо. Кто жъ хочетъ всѣхъ переспоривать и всѣмъ прошиворѣчить, тотъ весьма удаленъ отъ скромности. Скромной человѣкъ не всегда пользуется своими преимуществами предъ другими, хотя онъ и по праву ему принадлежатъ.

Не почитайте сію добродѣтель свойствомъ людей малодушныхъ, которое отнимаеиъ у насъ честь и уваженіе и дѣлаеиъ насъ презрительными. Нѣтъ, мы еще приобретаемъ себѣ скромносью почтеніе и любовь. Вы читали о Платонѣ, ученикѣ Сократовомъ. Мудросію свою и ученосію заслужилъ онъ названіе *божественнаго*. Будучи уже извѣстенъ всѣмъ своимъ единосемцамъ по великимъ своимъ дарованіямъ, а можеиъ быиъ также по сочиненіямъ и по наставленіямъ, какія онъ давалъ молодымъ людямъ, пріѣхалъ онъ иѣкогда смотреиъ Олимпійскія игры, куда собиралось изо всѣхъ мѣстъ безчисленное множество Грековъ. Онъ остановился въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ такими людьми, которые не знали его въ лицо и ему также были незнакомы, ласковымъ и услужливымъ своимъ поведеніемъ и простыми разговорами, въ которыхъ не старался оказыватиъ свою ученость, вошелъ онъ въ любовь къ симъ людямъ, такъ, что они радовались тому, что счастье привело ихъ жиъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Онъ не говорилъ ни слова о Сократѣ и своемъ училищѣ, а только сказалъ имъ, что онъ называется Платономъ. По окѣнчаніи игръ

возвратились они съ нимъ въ Аѳины, гдѣ онъ принялъ ихъ весьма ласково. „Покажи намъ, говорили они, славнаго ученика Сократа, кошорой называется однимъ съ тобою именемъ; поведи насъ въ его училище, дабы и мы могли воспользоваться мудрыми его разговорами. „Платонъ отвѣчалъ имъ по обыкновенію своему улыбаясь: „я самъ тотъ, кого вы желаете увидѣть.„ Новые его знакомцы услышавъ это, удивились тому, что они живши съ нимъ столько времени не могли его узнать, и усмотрѣли, что онъ и не уча философіи можетъ заставлялъ любить себя.

Какъ вы думаете? больше ли бы почтенія снискалъ Платонъ, естли бъ онъ на Олимпійскихъ играхъ потчасъ далъ о себѣ знать, что онъ славной ученикъ великаго Сократа? Я думаю совсѣмъ противное. Естлибъ онъ всегда разговаривалъ со своими знакомцами только о безсмертіи души и о другихъ любимыхъ своихъ матеріяхъ, естли бы онъ старался всегда ихъ переспоривать, не перенялъ никакова себѣ противорѣчія и не хотѣлъ говорить съ ними о такихъ вещахъ, кошорыя они разумѣли и к которымъ имъ были пріятны; то они смали бы избѣгать его обхожде-

нія

лія и сказали бы о немъ : „ можешъ бышь эпошъ человекъ довольно ученъ ; но онъ слишкомъ заняшъ своею ученостію. Онъ все то презираешъ , что другіе говорятъ. Пусть оказываешъ онъ свою ученость ученикамъ своимъ въ Аѳинахъ ; а мы не хотимъ слушать безпрестанные его споры о такихъ вещахъ , которыхъ мы не разумѣемъ. „ —

Грубость есть только высшая степень нескромности. Напротивъ того скромность и учтивость весьма близки между собою. Если вы хотите , чтобы васъ вездѣ хорошо принимали , если вы , чтобы васъ уважали и имѣли доброе мнѣніе о вашемъ воспитаніи , разумѣ и поведеніи , то будьте скромны и учтивы. Нескромность и неучтивость , охота противорѣчить и неусупчивость подадутъ другимъ поводъ думать о васъ , будто вы воспитаны между мужиками. По крайней мѣрѣ я почти всегда заключаю пакъ о молодыхъ людяхъ , когда слышу , что они бранятся , или спорятъ съ запальчивостію.

Клясться и божиться безъ причины весьма непристойно , особливо жъ дѣлать и молодымъ людямъ. Я позволю вамъ напоминаніе , которое вы уже часто слы

меня слышали: не злоупотребляйте имени Божія, какъ то дѣлають многіе изъ вашихъ сверстниковъ, которые не чувствуютъ важности эпова имени. Ужасно слышать, какъ они во всякихъ бездѣлицахъ призываютъ Бога во свидѣтеля и произносятъ святое сіе имя при всякомъ ничтожномъ значащемъ случаѣ. Знающему и уваженія достойному чловеку было бы весьма непріятно, естли бъ вы при всякомъ случаѣ и при всякой малости выговаривали его имя. Сколь же Всевышнему Существу должно бытъ негодно такое злоупотребленіе Его имени!

Скромность всегда ведетъ за собою свою награду. Обыкновенно отказываютъ нескромнымъ людямъ въ томъ, чего они съ наглостію требуютъ; напрошивъ того скромнымъ даютъ то, чего бы они и просить не отважились. Правда, иногда скромностію теряемъ мы нѣкоторыя выгоды; но вообще снискиваетъ она болѣе почтенія и лучше бываетъ награждаема, нежели нескромность, которая часто присвоиваетъ себѣ непринадлежащее. „Я хочу это имѣть; и мнѣ должно получить изъ эпова часть; вамъ необходимо надобно со мною подѣлиться; отдайте только мнѣ, а сами гдѣ хотите, тамъ берите!“, —
вошѣ

вошѣ выраженія наглою нескромности! Кому не будущшѣ онѣ ненавистны? Люди любяшѣ свою пользу. Они не любяшѣ отдавать, особливожь когда говоряшѣ имѣ, что они *должны* отдавать, когда принуждаютъ ихѣ отдать что нибудь. Они пропиваясь принужденію и угрозамѣ безспыднаго и наконецѣ отгоняющѣ его отъ себя. Напрошивѣ того скромному, которой не пребуешѣ и едва опваживается просить чего либо, дающѣ добровольно и часто болѣе, нежели сколько бы онѣ самѣ попотребовалѣ, для того, что не опасаясь отъ него принужденія. Скромнаго избирающѣ въ друзья, а наглого и безспыднаго презирающѣ.

Отъ скромнаго человекѣка не опасаемся мы пренебреженія, или явнаго и упорнаго прошиворѣчія. Для того-то скромность бываешѣ намѣ весьма пріяшна въ другихѣ людяхѣ, хопя бы и сами мы не имѣли сея добродѣтели. Мы любимѣ скромнаго человекѣка за то, что онѣ не говоришѣ и не дѣлаешѣ ничего оскорбительнаго нашему чесполюбію. Онѣ выслушиваешѣ наши рѣчи не перерывая ихѣ, и когда бываешѣ одного съ нами мнѣнія, то охотно подшверждаетѣ наши слова; когда жѣ онѣ прошивное думаешѣ, то не прошиво-

рѣчишь намъ прямо и не говоришь: „это не правда; это не такъ; — но говоришь: „не можешь ли это быть и такъ? — не можно ли еще сказать объ этомъ того и того? „ — Мы часто одобряемъ такое скромное сомнѣніе, но потому, что оно не имѣетъ въ себѣ ничего прошивнаго нашему честолюбію и не принуждаетъ насъ признаваться въ ошибку, и мы получаемъ почтеніе къ тому человеку, которой не хочешь насъ приспосудить, а подаешь только самимъ намъ поводъ перемѣнить несправедливое мнѣніе, или лучше его выразить. Часто беремъ мы сами сторону того, кто проповорѣчишь намъ такимъ образомъ. Чѣмъ менѣе онъ принуждаетъ насъ согласиться съ нимъ, тѣмъ охотнѣе и скорѣе мы соглашаемся. Таково свойство людей. Вамъ надобно это знать. Молодому человеку нужно быть любиму и уважаему. Онъ имѣетъ нужду въ помощи многихъ людей, чтобы основать свое счастье, и для того долженъ стараться подавать многимъ доброе о себѣ мнѣніе, иначе жь не можешь ожидать помощи. Еслили онъ захочетъ возвышаться надъ другими хвастовствомъ и прекословіемъ, то другіе будутъ стараться его унижить. Еслили жь онъ

онѢ не будетѢ почитать себя умнѢе другихѢ, или по крайней мѢрѢ не будетѢ шребовать, чтобы всякой одобрялѢ его мнѢніе, по получашѢ выгодныя понятія о его благоразуміи. СовременемѢ сами вы усмотрите справедливость эпова, есильи послѣдуете моему совѣшу. Я желаю, чтобы вы никогда не испытали на себѢ вредныхѢ слѣдствій нескромности, но воспользовались бы одними только наставленіями и чужими примѣрами, копорыхѢ вы, къ сожалѣнію, довольно увидите.

Я пишу къ вамѢ все это, долженѢ будучи пещись не только о томѢ, чтобы вы пріобрѣтали познанія и успѣвали въ наукахѢ, но также и о томѢ, чтобы вы умѣли пользоваться своими знаніями и не употребляли бы ихѢ во зло. Много естѢ молодыхѢ людей, копорые пріобрѣвши нѣкопорыя знанія, думаютѢ о нихѢ слишкомѢ высоко. Бывая вмѣстѢ съ другими, особливо жѢ съ неучеными, спараются они показываться во всей своей пышности, не говоряшѢ ни о чемѢ, кромѢ своихѢ наукѢ, судятѢ обо всемѢ смѣло, не хотятѢ ничему учиться отѢ другихѢ, а только сами хотятѢ всякаго учиться, и думаютѢ свискать шѣмѢ себѢ уваженіе. Но они
весьма

весьма обманываются. Будьте умнее ихъ и берегитесь такъ поступать! — Превосходныя наши достоинства возбуждаютъ въ другихъ зависть; отъ зависти происходитъ ненависть, а ненависть есть такое бремя, которое рѣдко сноситъ бывающъ въ состояніи.

Къ избѣжанію зависти находясь два способа: либо совсѣмъ не имѣть достоинствъ; либо умѣть скрывать ихъ. Какъ вы думаете о первомъ? Не имѣть совсѣмъ достоинствъ, это по крайней мѣрѣ весьма легко. Но что бываетъ съ такимъ человѣкомъ, который никакихъ достоинствъ не имѣетъ? Правда, никто ему не завидуетъ; но также и всѣ его презираютъ, что столько же худо, какъ и то, если еще не хуже. Что жъ надлежитъ дѣлать, когда съ достоинствами подвергаешься зависти, а безъ достоинствъ презрѣнію, и въ обоихъ случаяхъ равно бываешь несчастливъ? Благоразумной человѣкъ выбираетъ первое; онъ старается приобрести столько достоинствъ, сколько ему возможно, но не хвастается ими и скрываетъ ихъ подъ покрываломъ скромности. Такимъ образомъ избавляется онъ отъ зависти и шѣмъ болѣе снискиваетъ себѣ чести.

Не опасайтесь, чтобъ ваши достоинства не остались совсѣмъ неизвѣстными и бесполезными для другихъ, когда вы сами не будете искашь случаевъ ихъ оказывать. Люди примѣчаютъ за нами болѣе, нежели какъ мы думаемъ. Они видяшь наши дѣла, судяшь о насъ и берутъ съ насъ примѣръ. Когда жъ мы подаемъ доброй примѣръ, то приносимъ истинную пользу.

IX.

Ручаекъ.

Ниса, молодая дѣвушка, сидѣла нѣкогда на берегу чистаго ручайка. Она любовалась видя въ немъ, какъ въ зеркалѣ, прекрасные цвѣты, голубое небо и пѣнистые деревья, копорыхъ вѣтви колебались надъ нею отъ шихаго вѣтерка. Но всего пріятнѣе было ей то, что она видѣла въ немъ и себя. — „Какъ я хороша! вскричала она: „какъ хороши мои волосы! какія у меня глаза! какія маленькія губки! какое нѣжное шѣло!“, — Она смогрѣлась въ ручаекъ съ неописаннымъ удовольствіемъ и любовалась собою.

Вдругъ вода въ ручайкѣ взволновалась и спала мушна. (Можетъ быть рабьяше играя

играя на берегу, спали бросать въ него камни, либо ошѣ чегонибудь другаго илѣ, со дна поднялся вверхъ.) Въ перемѣнчивыхъ волнахъ лицо Нисино казалось уже въ разныхъ безобразныхъ видахъ. Испугавшись, вскочила она, побѣжала къ своей матерѣ и рассказала ей, что она видѣла.

„Любезное дитя! говорила мать ея: ручаекъ даетъ тебѣ наставленіе. Когда ты ведешь себя хорошо и душа твоя наслаждается спокойствіемъ и тишиною, что ошѣ послушанія и добродѣтели происходитъ, тогда и лицо твое бываетъ нѣжно и пріятно, такъ, какъ чистой и прозрачной эпошѣ ручаекъ, и какъ ты себя въ немъ видѣла; тогда бываетъ ты достойна любви и всѣмъ нравишься, такъ же, какъ тебѣ нравился ручаекъ, въ которомъ ты видѣла ясное небо и свое лицо. Но когда душа твоя мучится какоюнибудь страстью, гнѣвомъ, досадою, упрямствомъ, завистию, либо непослушаніемъ; тогда щастливое спокойствіе вдругъ пропадаетъ, лицо твое наморщивается, такъ же, какъ ручаекъ взволновался, ршѣ поднимается вверхъ и щеки опадающъ; однимъ словомъ, ты становишься епольже дурна и безобразна, сколько пре-

прежде была хороша и пріятна; ты бываешь погда споль же всякому прошивна, сколько прежде всѣмъ нравилась.

„Мапушка не въ самомъ ли дѣлѣ эшо шакъ бываешь? „

Я себя въ помъ увѣряю, опвѣчала мать, да ты и сама давно бы уже эшо примѣшила, еспли бы ты смопрѣлась въ зеркало, когда какая нибудь спрасъ побю овладѣшъ; но въ по время ты меньше всего о зеркалѣ думаешь.

„Не буду же я никогда сердиться, упрямиться и завидовать, чшобы я всегда была спокойна и хороша! „

Она сдержала свое слово, и когда какая нибудь спрасъ хопѣла овладѣшь ея сердцемъ, шопчасъ вспоминала она о мушномъ ручайкѣ и о помъ, чшо мать ея говорила.

Х.

Хитрость одного Американца.

Жилиши Сѣверной Америки соспояшъ изъ Американскихъ урожденцовъ, копорыхъ предки издревле обипали въ сей часши свѣта, и изъ попомковъ пѣхъ Европейцовъ, копорые за нѣсколько сотъ лѣшъ переселились шуда изъ своего отечества.

Первыс

Первые обыкновенно называются дикими и вообще почитаются глупыми людьми; но сколь это несправедливо, тому служившѣ доказательствомъ слѣдующій анекдотъ.

Одинъ Европейецъ укралъ у дикаго лошадь. Дикой принесъ на него жалобу судѣ. Европейецъ долженъ былъ явиться къ отвѣсту и привести украденную лошадь. Но онъ упреждалъ упорно, что лошадь ему принадлежишѣ, и что онъ купилъ ее за полгода передъ шѣмъ. — „Изрядно, сказалъ дикой набросивши на голову лошади покрывало: „лошадь эта крива, и ешьли она шакъ давно уже у тебя, шо скажи, котораго глаза у нее нѣшѣ. „ — Европейецъ не ожидавши шакова вопроса, принужденъ былъ отвѣчать на удачу, что у лошади нѣшѣ праваго глаза. — „Онъ неправду говоришѣ, вскричалъ дикой, снявши покрывало: „лошадь моя совсѣмъ не крива. „ — Судья видя самъ, что онъ говорилъ правду, возвратилъ ему лошадь и наказалъ Европейца.

ХІ.

Діогенъ и Критонъ.

Въ древнія времена жилъ въ Коринѣ нѣкто, по имени Діогенъ — человекъ весьма снранной. — Онъ велъ жизнь чрезвычайно умѣренную, не наблюдалъ никакихъ обычаевъ и чрезъ то поступалъ иногда противъ благоприспособности; но впрочемъ дѣлалъ весьма много добра.

Нѣкогда встрѣтился съ нимъ Критонъ молодой человекъ, котораго Діогенъ любилъ за то, что онъ былъ доброй и еще неразвращенной юноша. „Куда ты идешь, Критонъ?“ спросилъ Діогенъ.

Къ пріятелю моему, Клиніасу, отпѣчалъ юноша: онъ хочетъ сегодня угощать молодыхъ своихъ пріятелей, и меня пригласилъ; тамъ будетъ очень весело.

Діогенъ. Я этому вѣрю; Клиніасъ богатъ и роскошенъ. Но ты не ходи къ нему.

Критонъ. Для чего не йши мнѣ къ нему?

Диогенъ. Для того, чтобъ и себѣ не сдѣлаться такимъ же порочнымъ, какъ самъ Клиніасъ.

Критонъ. Какъ это можешъ спастся? Не уже ли я сдѣлаюсь порочнымъ отъ того, что проведу нѣсколько времени въ удовольствіи?

Диогенъ. Я желаю, чтобъ ты и всегда проводилъ время въ удовольствіи, но только не въ такомъ. Истинное ли то удовольствіе, о которомъ послѣ должно вспоминать съ раскаяніемъ? Клиніасъ и его знакомство для тебя опасны.

Критонъ. Не опасайся, Диогенъ; я себѣ уже сказалъ, что хочу только проведши нѣсколько времени въ удовольствіи, а развратишь себя я не допущу.

Диогенъ. Но это не въ швоей будешъ состоять волѣ, есѣли ты не будешъ избѣгать случаевъ къ развращенію. Порокъ сначала бываетъ пріятенъ, а ты еще молодъ и не въ состояніи прошивишься сильнымъ искушеніямъ. Сдѣлай мнѣ удовольствіе и возвратись домой къ своимъ родителямъ.

Критонъ. Это не возможно, Диогенъ; я далъ уже слово Клиніасу.

Диогенъ. Ты не хорошо сдѣлалъ; но еще хуже сдѣлаешь, есѣли въ этомъ случашь

случаѣ сдержишь свое слово. Я люблю тебя и не допущу сегодня итти ко Клиніасу.

Кришонѣ хотѣлъ еще говорить и доказывать, что ему невозможно опмѣнить свое намѣреніе; но Діогенѣ будучи весьма силенѣ, взялъ его за руку и безъ дальнихъ околичностей опвелъ домой прошивъ его воли. „Ты будешь имѣть право лишить меня своей любви, говорилъ онѣ идучи, еспли завтра не увѣрю тебя въ томѣ, что теперь справедливо съ побою поспуаю. Проведи нынѣшній вечерѣ въ какомѣнибудь добромѣ упражненіи; а завтра поушру я къ тебѣ прійду. „

На другой день поушру Діогенѣ пришелъ къ любимому своему юношѣ и нашелъ его совсѣмѣ уже одѣтаго. Послѣ обыкновеннаго между Греками привѣпствія, по еспъ пожелавши ему радости, сказалъ онѣ: „По справедливости должно мнѣ взять на себя извинить тебя предѣ Клиніасомѣ и его гостями. Пойдемѣ къ нимѣ теперь.

Критонѣ. Пойдемѣ, Діогенѣ; я хотѣлъ просить тебя объ эпомѣ, еспли бѣ ты самѣ напередѣ мнѣ эпова не предложилъ; для шого-то и одѣлся я се-

годни такъ рано. Я надѣюсь, что ты скажешь имъ, что я хопѣлъ вчера къ нимъ ийти, но ты меня удержалъ.

Диогенъ. Вѣрно скажу, не только это, но еще и больше. Но прежде походимъ по полю: упрю весьма хорошо.

Критонъ. Не лучше ли намъ ийти прямо къ нимъ, чтобы заспать ихъ дома? Можеть быть они рано уйдуть со двора.

Диогенъ. Не пасайся, другъ мой! я всѣхъ ихъ знаю. Они и обыкновенно вспають поздно, а сегодня, какъ я думаю, надобно имъ выспаться и за прошедшую ночь. Повѣрь ми, что мы не опоздаемъ, естли придемъ къ нимъ около полудня.

По томъ Диогенъ повелъ съ собою юношу за-городъ по шѣниснымъ лѣсамъ и благовоннымъ лугамъ въ такое мѣсто, гдѣ напура блиспала во всемъ ея весеннемъ великолѣпнн. Критонъ не совсѣмъ еще переспалъ досадовашь на Диогена за то, что онъ вчера лишилъ его удовольствія. Онъ любилъ и почипалъ Диогена, онъ копораго многому научился, но также любилъ и забавы, а особливо весело препроводить время вмѣстѣ со своими друзьями. Легко можно понять, что онъ буду-
чи

чи въ такомъ расположеніи сперва говорилъ съ нимъ очень немного.

Наконецъ Діогенъ примѣшилъ по лицу его, что онъ становился веселѣе. „Чувствуешь ли ты, другъ мой, говорилъ онъ, какъ великолѣпной эпопѣ видѣ развеселеній твои мысли? Чувствуешь ли, какъ благовоніе, вокругъ насъ распространяющееся, расширяетъ грудь твою и сообщаетъ тебѣ нѣкопорую легкость. Какое сильное волшебство находится въ Нашурѣ! Однимъ только видомъ своимъ можетъ она утишать наши спрасы. Я самъ чувствую теперь ея благодѣтельное вліяніе. Еще со вчерашняго дня крылась во мнѣ досада на одного изъ моихъ друзей, на котораго я разсердился за то, что онъ принудилъ меня сдѣлать нѣчто такое, чего мнѣ не хотѣлось. Но теперешняя наша прогулка и видѣ прекрасныхъ эпихъ мѣстъ совсѣмъ разогнали мою досаду и развеселили меня.

Критонъ. Разумѣю, Діогенъ! Ты говоришь о себѣ то, что обо мнѣ думаешь; не правда ли? Признаюсь, что ты и не ошибся. Но я не сердился на тебя, зная, что вчерашній твой со мною поступокъ изъ доброжелательства ко мнѣ происходитъ; я только безпокоился.

Диогенъ. О чемъ же ты беспокоился?

Критонъ. О томъ, что я и теперь еще не знаю причины, для чего ты вчера поступилъ со мною такъ строго.

Диогенъ. Скоро самъ ты ясно усмотришь эту причину, да мнѣ кажется, что ты и началъ уже усматривать ее. Не правда ли, другъ мой, что ты чувствуешь теперь все то, о чемъ я говорилъ: тѣло швое ощущаетъ нѣкоторую легкость, мысли швои спали свѣжѣе и возвысились, страсти швои утишились; короче сказать ты чувствуешь все благодѣтельное вліяніе окружающихъ насъ краснѣнатуры? Также усматриваешь ты, что это дѣйствіе не одно только минувшее удовольствіе намъ приноситъ, но большую и постоянную пользу, по тому, что оно способствуетъ сохраненію нашего здоровья, какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго; а ты знаешь, что все человеческое благополучіе на землѣ состоитъ въ здоровьѣ души и тѣла, и что всѣ человеческія старанія къ тому должны клониться.

Критонъ. Все это правда; но чѣмъ подалъ я тебѣ поводъ подозрѣвать меня, будио я и прежде не былъ во всемъ этомъ увѣренъ?

Диогенъ.

Диогенъ. Знаю что ты и прежде былъ въ эпомѣ увѣренъ. Будучи жь въ эпомѣ увѣреннымъ, кажется мнѣ, должно усма-ривать, что шѣ люди весьма неблаго-разумно поступаютъ, которые лишаютъ себя такой большой пользы.

Критонъ. И въ эпомѣ я съ тобой согласенъ.

Диогенъ. Согласись же и въ томъ, что Клиніасъ и веселье его знакомцы, которые и теперь еще спятъ, принадлежатъ къ числу такихъ людей.

Критонъ. По чему намъ знать, что они теперь еще спятъ? Могутъ быть и они наслаждаются прекраснымъ нынѣшнимъ упромъ также, какъ мы.

Диогенъ. Я это знаю. Идучи къ тебѣ, навѣдывался я объ нихъ и узналъ, что они разошлись уже сегодня на разсвѣтѣ. Они и обыкновенно такъ дѣлаютъ. Однако жь натура не уступаетъ своихъ правъ. Тѣло наше устроено такъ, что ему отъ времени до времени необходимо нужно бываетъ успокоеніе; глаза наши такъ устроены, что имъ нуженъ свѣтъ, дабы видѣть; свѣтъ достигая намъ отъ солнца, которое скрывается отъ глазъ нашихъ и опять являюща по учрежденному порядку; оно свѣтитъ поль-

ко днемъ, а ночное время бываетъ къ тому только удобно, чтобъ мы покоились. Вотъ какъ сама натура указываетъ, что намъ дѣлать! Опѣ натуры жъ не можно ни на одинъ шагъ уклониться, не удалившись при томъ на столько же отъ истиннаго своего благополучія. Кѣ проведишь ночь въ какомъ нибудь упражненіи, тому естественна слѣдуетъ проспавъ день или провести его въ подобномъ сну состояніи; кѣ злоупотребляетъ время определенное для покоя, тому не можно имѣть участія въ удовольствіяхъ дневныхъ.

Критонъ. Однакожъ употребленіе земныхъ даровъ, пляска и музыка также удовольствіе приносятъ; и я думаю, что и это удовольствіе дано намъ опѣ Творца, которой все такъ премудро устроилъ.

Диогенъ. Правда. Но примѣчай великую разность между сими удовольствіями. Примѣчай по простое, всему нашему существу столь полезное удовольствіе, которое сама натура намъ доставляетъ, какъ оно безвредно, какъ безопасно можемъ мы имъ наслаждаться! Наслаждайся имъ, когда хочешь, приучай душу свою къ тѣмъ высокимъ размышленіямъ, къ какимъ оно приводитъ: ты сдѣлаешь то, чего натура опѣ тебя требуетъ, а не болѣе.

Чѣмъ

Чѣмъ больше будешь ты открывать душу свою шѣмъ приятнымъ впечатлѣніямъ, шѣмъ лучше будешь ты становиться. — Напротивъ того въ грубыхъ и искусствомъ вымышленныхъ забавахъ переступи хотя одинъ шагъ за границу, которую при томъ еще и узнать весьма трудно, либо вдайся въ нихъ совсѣмъ: ты сдѣлаешься несчастнымъ человекомъ, больше или меньше несчастнымъ, смотря по тому, сколько ты въ нихъ вдашься. — Легко согласишься ты въ этомъ со мною въ разсужденіи употребленія земныхъ даровъ, особливо жъ вина, для того ты всякой день видишь примѣры, подтверждающіе истину словъ моихъ. Не говорю я о музыкѣ, для того, что она бываетъ только спутницею прочихъ чувственныхъ забавъ и злоупотребляемою спутницею. Ты усматриваешь, что опасными забавами называю я только употребленіе вина и пляску. Но ты желалъ бы послѣднюю выключить изъ эпоса числа; ея-то и желалъ бы ты почтять совсѣмъ безопасною; не правда ли, любезной мой Кришонъ? Однако я не могу съ тобою согласиться. Пляска — такъ какъ новые наши музыканты ее передѣлали и какъ она по большей части нынѣ введена,

— такая пляска распространяетъ наше шѣло сколько же, какъ и чрезмѣрное употребленіе вина, и часто распространяетъ его еще гораздо скорѣе. Всѣ движенія въ ней принужденны, продолжается она всегда чрезмѣрно долго и время на по обыкновенно выбирается самое неудобное, такъ, что я почти не знаю, что вреднѣе здоровью, злоупотребленіе ли вина, или такое неразумное употребленіе этой забавы. Подумай же, какія слѣдствія должны происходить, когда обоє соединено бываетъ, какъ-по обыкновенно водятся у молодыхъ нашихъ Коринтянъ!

Критонъ. Однако жь, Діогенъ, развѣ совсѣмъ не можно наслаждаться этими забавами безъ вреда? Развѣ не можно соблюдать въ нихъ надлежащую мѣру?

Діогенъ. Безъ сомнѣнія можно, другъ мой. Но ты какъ узнаешь эту мѣру? какъ будешь соблюдать ее? не всякую ли минуточку будешь отступать отъ нее въ такихъ случаяхъ, когда ни разумъ, ни воля твоя не бываютъ свободны? Когда чувства твои очаровываются соединенною силою приманчивыхъ искушеній, и ложное остроуміе легкомысленныхъ твоихъ собесѣдниковъ насмѣшками опровергаетъ твои правила?

правила? — Гораздо удобнее могъ бы ты соблюдать надлежащую мѣру въ сихъ забавахъ, если бы одинъ ими наслаждался. Но это было бы смѣшно, и онъ лишился бы тогда цѣны своей, по тому, что очъ, какъ общественныя забавы, могутъ только въ сообществѣ подлинное приносить удовольствіе. И пакъ мы должны только наслаждаться этими забавами не иначе, какъ въ *благоразумномъ* сообществѣ.

Теперь, другъ мой, дошли мы до того, до чего я хотѣлъ тебя довести. — Клиніасъ и его пріятели по справедливости почищаются первыми между шѣми неразумными людьми, которые злоупотребляютъ общественныя забавы къ своему собственному вреду. Они собираясь обыкновенно безъ всякой мѣры погружаясь въ распустиво, а по тому и слѣдствія ихъ забавъ бывающъ въ нихъ гораздо примѣннѣе и явнѣе. — Какъ ты думаешь? Въ какомъ они сегодня состояніи? Всѣ они больны, а нѣкоторые изъ нихъ, которые слабѣе другихъ сложеніемъ, и долго не оправятся; нѣтъ между ими ни одного, котораго бы я не могъ безъ труда сзалишь съ ногъ, хотя бы онъ былъ вдвое меня сильнѣе; всѣ они положили вчера основаніе разстройкѣ своего здоровья,

дибо

либо продолжали его разспроивать; наконецъ никто изъ нихъ сегодня не чувствуешь въ себѣ ни охоты, ни силы къ добрымъ упражненіямъ. — Вотъ отъ какова сообщества вчера я тебя удержалъ, и вотъ какова удовольствія ты лишился! Но я показалъ тебѣ опасность его еще съ одной только стороны.

Критонъ. Все, что ты мнѣ сказалъ, въ изумленіе меня приводишь. Я не могу повѣрить, чтобъ Клиніасъ и его пріятели, которыхъ я почиталъ умными людьми, въ состояніи были поступать столь неразумно.

Диогенъ. Въ самомъ дѣлѣ, любезной мой Критонъ, трудно понять, какъ могутъ люди разумомъ одаренные и не худо воспитанные злоупотреблять такимъ образомъ забавы, услаждающія жизнь человѣческую. Щасливъ ты, если это кажется тебѣ совсѣмъ непонятно. — Но кто знаетъ людей, тотъ знаетъ, что это правда, и кто сколько примѣчалъ за нашими Коринтянами, какъ я, знаетъ, что я не сказалъ ничего лишняго о Клиніасѣ и подобныхъ ему. — Мнѣ не нужно увѣрять тебя въ томъ словами; ты самъ можешь то увидѣшь, въ чемъ теперь сомнѣваешься. Возвращимся въ городъ и пойдемъ

демъ къ нимъ; можешъ бышь они къ тому времени уже встанушъ.

Крипонъ. Да, поидемъ скорѣе, Діогенъ! Мнѣ неперпѣливо хочешся узнать, въ самомъ ли дѣлѣ Клиніасъ и его приятели споль неразумно поспутилъ.

Діогенъ. Ты скоро эшо увидишь; но спѣшишь намъ не для чего. Погѣрь мнѣ, что всѣ они лежатъ еще въ постеляхъ, какъ бы прикованные.

Юноша преодолѣлъ свою неперпѣливостъ; и такъ не спѣша пошли они обратнo въ городъ по другой дорогѣ. Идучи Діогенъ изъявилъ ему свое удовольствіе за перпѣливостъ и вниманіе, съ какимъ онъ его слушалъ. Крипонъ опвѣчалъ ему съ жаркимъ чувствованіемъ благодарнаго сына, копорой размышляя, опѣ времени до времени болѣе увѣрялся въ пользѣ и необходимости мудрыхъ опеческихъ совѣшовъ. По помѣ шли они нѣсколько времени въ молчаніи, пока Крипонъ опять говоритъ началъ: „Скажи мнѣ, Діогенъ, какія тѣ размышленія, къ копорымъ ведешъ насъ видѣ прекрасной нашуры, какъ ты прежде говорилъ, и копорья дѣлають насъ лучше и щастливѣе?“

Діогенъ. Тѣ самыя, любезной мой Крипонъ, копорья вѣрно самъ ты часно уже

уже имѣлъ, но только не усматривалъ ясно связи ихъ съ шѣми важными слѣдствіями, о какихъ я говорилъ, а именно, размышленія о величествѣ, благости и премудрости Творца. Такія размышленія весьма для насъ полезны и благопозорны. Онѣ полезны для разума нашего, по тому, что занимающъ его самыми достойнѣйшими предметами, а чрезъ то распро-спраняющъ его, просвѣщающъ, исправляющъ, и такимъ образомъ споспѣшествуютъ познанію истины и добра. Это самой лучшей плодъ нашего размышленія, по тому, что онѣ ведутъ съ собою и познаніе нашихъ должностей. Онѣ полезны также для сердца нашего, по тому, что очищаютъ волю нашу познаніемъ истины и добра и споспѣшествуютъ тому удовольствію, безъ котораго мы никогда щасливы бытъ не можемъ. — Вотъ какую пользу и выгоду получаемъ мы отъ шѣхъ размышленій, къ коимъ видъ прекрасной природы подастъ намъ поводъ, и такимъ-то образомъ наслаждаясь почасту красотою природы спановимся мы лучше.

Намъ определено жить здѣсь для того, чтобъ познавать. Создателя извѣдѣвъ Его и посредствомъ эшова познанія
 бытъ

бышь добрыми и щасплавимы въ сообществѣ нашихъ ближнихъ. Исполненіе опредѣленія нашего есиль истинная мѣра нашего достоинства. — Вотъ великая истина, которую должно тебѣ знать и никогда не выпускать изъ памяти.

Не думай, другъ мой, будио все это пустыя полько слова, заняшыя изъ философіи наизуспѣ выученной, или будио я приписываю вліянію прекрасной напуры лишнее, чего оно въ самомъ дѣлѣ и не имѣетъ. Нѣтъ, все, что я тебѣ говорилъ, все это истины, копорыя сами при видѣ напуры представляются душамъ неразвращеннымъ и современемъ въ каждой изъ нихъ развиваются, въ иной болѣе, въ другой менѣе, смотря по тому, чѣмъ чаще и непрерывнѣе онѣ ими занимаются! Я увѣренъ, что и ты самъ на себѣ часто уже это испыывалъ.

Критонъ. Это правда, Диогенъ! Бывая одинъ въ полѣ, всегда занимался я такими размышленіями, и всегда находилъ, что послѣ того спановилъ я веселѣе и щасплавнѣе.

(Продолженіе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

XII.

Что всего труднѣе и что всего легче?

Одинъ изъ семи Греческихъ мудрецовъ, которые въ древности весьма были славны, назывался Фалесомъ. Нѣкогда спрашивали у него: что всего легче и что всего труднѣе?

Труднѣе всего, отвѣчалъ Фалесъ, узнать самага себя и свои пороки, а легче всего примѣчать чужіе пороки. „

Онъ же встрѣпившись нѣкогда со знакомымъ человекомъ, поздравилъ его по тогдашнему обычаю учтиво; но потомъ прошелъ мимо и не поблагодарилъ его. Друзья Фалесовы думали, что ему, какъ славному и почтенному человеку, должно почестъ за обиду такой грубой поступокъ. Но онъ сказалъ имъ: „неужели мнѣ постыдно быть учтивѣе его?“ „

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Диогенъ и Критонъ. (Продолженіе.)

Критонъ. Но скажи мнѣ, Диогенъ, отъ чего это происходишь, чпо не всѣ любяшъ наслаждаться прекрасною намурою и не всѣхъ дѣлаешъ она лучше и щаспливѣе, хощя и всѣ имѣющъ свободу ея наслаждаться?

Диогенъ. Въ самомъ дѣлѣ надлежало бы этому дѣйствию премудраго учрежденія Божія бышь столько же всеобщимъ, сколь оно само по себѣ велико и вѣрно. Но что не всѣ его ощущающъ, это происходишь не отъ самаго учреждения, но отъ особеннаго развраща нѣкоторыхъ людей, которыхъ оплакивать никогда перестать не можно. Особенно съ того времени, какъ ввелась нещасливая шонкость во нравахъ, которая нынѣ столь часно служишь вмѣсто добродѣтелей, многіе люди совсѣмъ не находятъ вкуса въ простыхъ и столько для насъ полезныхъ пріятноспяхъ

пашуры, либо не чувствуютъ ихъ споль-
мо, чтобы онѣ могли производить надъ
ними спасительное свое дѣйствіе. Вни-
маніе такихъ развращенныхъ людей быва-
етъ весьма разсѣяно и успрямлено на дру-
гія не споящія того вещи, и чувствви-
тельность ихъ бываетъ весьма ослаблена,
шакъ, что они при видѣ прекрасной на-
пшурь не могутъ того мыслишь и чув-
ствовать, что неразвращенной, разумомъ
и сердцемъ еще здоровой челоуѣкъ чув-
ствуютъ. Иначе жъ возможно ли челоуѣку
часто смотрѣшь на великія зрѣлища въ
пашурѣ — на восхождение и захождение
солнца, на разнородное великолѣпіе земли
въ пріятныя времена года, на усѣянное
звѣздами небо и на шихой мѣсяцъ —
возможно ли часто смотрѣшь на сіи зрѣ-
лища и не сдѣлаешься лучше?

Критонъ. Діогенъ, я усматриваю
какія опасности мнѣ предстоятъ. Ты
обратилъ на нихъ мое вниманіе. Какъ я
шобою обязанъ! —

Занявшись симъ разговоромъ, они
непримѣнно приблизились къ городу. Не-
далеко отъ городскихъ воротъ встрѣши-
лась съ ними большая повозка, въ копо-
рой нѣсколько челоуѣкъ ѣхали на празд-
никъ

никъ въ ближнюю деревню. — Въ ту самую минушу, какъ повозка проѣзжала мимо Крифона, выцалъ изъ нее младенецъ, кошорого неосторожная мать съ рукъ уронила. — Остановись! закричалъ юноша, бросился къ повозкѣ и подхватилъ младенца, не давши ему упасть. Діогенъ не успѣлъ еще подбѣжать къ нему на помощь, какъ онъ зацѣпившись платьемъ за колѣсо упалъ на землю, держа дитя въ рукахъ. Діогенъ испугался, подбѣжалъ къ нему и спрашивалъ не переплѣлъ ли онъ какованибудь вреда. Но бодрой юноша шопчасъ вскочилъ и подалъ спасеннаго младенца его матери, кошороя между тѣмъ спѣшила выйти изъ повозки. Радость изображена была на лицѣ его.

„Всемогущій отецъ чловѣкъ! вскричалъ Діогенъ: „сохрани сего юношу; онъ будетъ нѣкогда лучшимъ изъ швореній Твоихъ. „

Обрадованная мать со слезами благодарности приняла дитя свое изъ рукъ Крифона. Діогенъ благодарилъ его такъ, какъ бы получивши отъ него какое нибудь великое благодѣяніе.

„За что благодарить ты меня, Диогенъ, говорилъ юноша: „развѣ я чтонибудь чрезвычайное сдѣлалъ?“

Диогенъ. Нѣтъ, ты сдѣлалъ только хорошее дѣло. Мнѣ должно бы еще теперь напомнить тебѣ о той осторожности, какая должна управлять нашимъ человеколюбіемъ при сильныхъ движеніяхъ сердца спремительнаго на помощь ближнему. Но я теперь не расположенъ къ такимъ напоминаніямъ и оставляю это до другаго случая.

Критонъ. Правда, поступокъ мой былъ нѣсколько ошваженъ; но въ ту минуту не думалъ я объ этомъ. Жизнь дитяши была въ очевидной опасности; мнѣ необходимо должно было поспѣшить къ нему на помощь, хотя бы я и потерпѣлъ отъ того какойнибудь вредъ.

Диогенъ. Изрядно, другъ мой! мы поговоримъ объ этомъ въ другое время.

Между тѣмъ вошли они въ городъ. Тогда было уже около полудня, и большая часть городскихъ жителей, отправивъ утреннія дѣла свои, обѣдали.

„Помнишь ли ты, говорилъ Диогенъ Кристону, что намъ еще сдѣлать осталось? Я общалъ ипши съ тобою ко

Клині-

Клиніасу и его пріятелямъ, чтобъ извинить тебя предъ ними; или ты хочешь освободить меня отъ эпова?

Критонъ. Я не могу тебя принудить, Діогенъ; однако желалъ бы чтобъ ты пошелъ къ нимъ со мною; иначе жь я долженъ буду самъ извиняться и прійду въ немалое затрудненіе.

Діогенъ. Не безпокойся; я исполню свое обѣщаніе. Хотя бы ты и охотно согласился освободить меня отъ того, однако жь я долженъ доказать тебѣ, что я говорилъ правду. Посѣдимъ нѣкоторыхъ изъ сихъ господъ. Ближе всѣхъ ипши намъ сперва къ самому Клиніасу; онъ же какъ хозяинъ, одинъ только и имѣетъ право на твое извиненіе.

Они пошли ко Клиніасу; но первоотпущникъ его далъ имъ знать, что господинъ его нездоровъ и не можетъ никого принимать; и такъ они должны были уйти не выдавши Клиніаса. Такой же опказъ получили они еще у троихъ его знакомцовъ; но Діогенъ, будучи больше знакомъ въ ихъ домахъ, выведалъ отъ болшввыхъ слугъ, что господа ихъ пришли домой уже на разсвѣтъ и находясь въ худомъ состояніи; двое изъ нихъ не

задолго предъ тѣмъ призывали своего лѣкаря, кошорой для предупрежденія болѣзни одному изъ нихъ приписалъ лѣкарство, а другому пустилъ кровь.

„Примѣчаешь ли ты, сказалъ Діогенъ, чѣмъ кончатся всѣ наши посѣщенія? Мы никого изъ нихъ не увидимъ. Однако жъ намъ необходимо должно поговорить хошя съ однимъ. Пойдемъ ко Ксенофанту; онъ живетъ въ этомъ большомъ домѣ. Мнѣ надобно употребить небольшую хипросшь, чшобы съ нимъ увидѣться; я знаю въкоторыя его тайны.

Ксенофантъ не употребилъ въ своемъ домѣ такой же осторожности, какую другіе его знакомцы употребили, и Діогенъ съ Крипономъ вошедши уже въ его комнату, нашли тамъ слугу, кошорой сперва пошелъ доложить о нихъ своему господину, и по томъ возвратился къ нимъ съ отвѣтомъ, что его нѣтъ дома.

„Это неправда, другъ мой, сказалъ Діогенъ, смотря ему прямо въ глаза: скажи своему господину, что я Діогенъ и пришелъ отъ ростовщика Поликраша, кошорой соглашается дать ему въ заемъ ту сумму, кошорой онъ шребовалъ.

Слуга,

Слуга, приведенной въ замѣшательство симъ неожиданнымъ отвѣтомъ, пошелъ еще къ своему господину, и вскорѣ по томъ ввелъ ихъ къ нему съ учтивыми извиненіями.

„Прости меня, Діогенъ, что я сперва велѣлъ тебѣ отказать, вскричалъ Ксенофантъ, лежа еще на постелѣ: „мы вчера ужинали у Клиніаса, и послѣ того я не очень здоровъ и не хотѣлъ сегодня ни съ кѣмъ видѣться. Но если бы мнѣ пошчасъ сказали, что ты пришелъ — „

„Изрядно, сказалъ Діогенъ: „мы не имѣемъ причины жаловаться другъ на друга; я также обманулъ тебя, сказавши, что я пришелъ отъ Поликрата: разность только въ намѣреніяхъ нашихъ.

Ксенофантъ. Ты странной человѣкъ, Діогенъ; ты все принимаешь за важность.

Діогенъ. Совсѣмъ напротивъ; я не требую отъ тебя извиненія. Но станемъ говорить о дѣлѣ, за чемъ я къ тебѣ пришелъ. Я пришелъ къ тебѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ извинить предъ собою и предъ своими пріятелями эшова молодого человѣка. Онъ обѣщалъ вчера бытъ съ вами и хотѣлъ сдержанъ свое слово,

но я удержалъ его отъ того силою. Клиніасъ сегодня не допустилъ насъ къ себѣ; и такъ мы надѣемся, что ты сдѣлаешь намъ услугу и перескажешь это ему и другимъ его пріятелямъ.

Ксенофантъ. Но какое право имѣешь ты удерживать силою того, кто хочетъ итти ко Клиніасу, и какъ примешь Клиніасъ швое извиненіе?

Діогенъ. Какъ онъ приметъ мое извиненіе? — Объ этомъ я не забочусь; — думаю, что онъ будетъ имъ доволенъ. А чтобы онъ принялъ его такъ, какъ мнѣ надобно, то скажи ему еще, что я его, тебя и прочихъ вашихъ знакомцовъ починаю развращителями молодыхъ людей, избытками добродѣтели и благо нравія вредными обществу людьми, которыхъ бы скорѣе унять надобно.

Ксенофантъ. Ты забываешься, Діогенъ! вспомни, что ты въ моемъ домѣ.

Діогенъ. Я не могу этого забыть; все, что я вижу предъ собою и около тебя, все мнѣ объ этомъ напоминаетъ.

Ксенофантъ. Діогенъ, мнѣ кажется, что ты стараешься разсердить меня. Но я только смѣюсь тому, что ты вступаешься въ такія дѣла, которыя ни мало

до тебя не касающся. Какая тебѣ нужда въ помѣ, какѣ мы живемѣ?

Диогенъ. Ты лучше и поступить не можешь. Сердисься тогда, когда ты не правѣ, было бы рабчество. Но ты спрашиваешь какая мнѣ нужда въ помѣ, какѣ вы живете? Въ самомѣ дѣлѣ мнѣ мало въ эпомѣ нужды, касательно до васѣ самихѣ; вы столько уже разрашились, что мнѣ не можно васѣ исправить. Не спроси лучше, какая мнѣ нужда заботиться объ эпомѣ молодомѣ человекѣ, которому я не опецѣ, не родственникѣ и не опекунѣ; спроси, и я буду отвѣчать тебѣ: Всѣ честные люди мнѣ родственники, и всѣ неразвращенные юноши мои дѣпи. Ишакѣ дѣлайте вредѣ сами себѣ, губите свою душу и тѣло, разстроивайте свое здоровье, злоупотребляйте всѣ свои силы и дарованія — дѣлайте въ это, пока вамѣ можно, естли не хотите принимать добрыхѣ совѣповѣ; послѣ дадите вы отвѣстѣ Тому, кто снабдилѣ васѣ сими дарованіями и силами. Но вы разпространяете свое развращеніе и пріучаете къ своему образу жазни другихѣ, которые могутѣ еще быть добрыми людьми; — въ эпомѣ должны вы

3 5

дать

дать отвѣтъ гражданскому правительству, мнѣ и всѣмъ честнымъ людямъ. Я первой принесу на васъ жалобу въ судъ, если вы не перестанете развращать другихъ юношей. — Не забудь и это пересказать Клиніасу и другимъ своимъ сообщникамъ.

„Пойдемъ, другъ мой, сказалъ онъ Крипону: „мы сдѣлали свое дѣло и долже не надобно намъ здѣсь оставаться. — Прости, Ксенофантъ! живи благополучно, если можешь, и не позабудь пересказать пріятелямъ своимъ, что я тебѣ говорилъ.

Ксенофантъ не зналъ, что ему отвѣчать, и Диогенъ оставилъ его въ смущеніи, которое въ такихъ случаяхъ бываетъ непрѣмнымъ слѣдствіемъ нечистой совѣсти.

„Теперь видишь ты, что я говорилъ правду, сказалъ Диогенъ Крипону, вышедши на улицу. „Что я общалъ тебѣ доказать собственнымъ своимъ свидѣтельствомъ, но уже довольно теперь доказано. Повѣрь же мнѣ и въ томъ, чего не могу я тебѣ доказать такимъ же образомъ, а именно: если бы за этимъ ужиномъ другіе молодые люди, тебѣ подобные, те инокшоры изъ нихъ поше-
ряли

рѣли свою невинность, другіе жъ еще болѣе запушались въ сѣши роскоши, изъ копорой они можеть быть никогда уже не выпускаются. Вошъ ша опасная спорона эшихъ забавъ, о копорой упоминалъ я сегодня поушру; вошъ по чему такія собранія молодыхъ развращенныхъ людей сполько же опасны для добродѣтели, сколько пагубны для здоровья. И такъ проспи мнѣ, что я нѣсколько грубо удержалъ себя ошъ вчерашняго ужина.,,

„Не говори эпова, Діогенъ! опвѣчалъ юноша пожавши его руку: „не говори эпова, еспли не хочешь, чтобы я самъ себѣ спыдился. Проспи меня пы, добродѣтельной человѣкѣ! проспи меня въ помѣ, что я могъ нѣсколько минушъ на шебя досадовать. Теперь я усмашриваю, что я былъ на опасномѣ пуши, думая, что я сполько на пуши кѣ удовольствію. „

„Будь всегда въ эпомѣ увѣренъ, сказалъ Діогенъ, и будешь въ соспоянніи прошивишься многимѣ искушеніямъ. „ — Сказавши сіе, поцѣловалъ онъ его такъ, какъ нѣжной отецъ цѣлуеть любимаго сына, и разспался съ нимъ.

XIII.

Путешественникъ.

Одинъ путешественникъ хотѣлъ итти въ отдаленную землю, гдѣ надлежало ему получить богатое наслѣдство. Но не умѣя употреблять ландкарты и ничему не учившись, не зналъ онъ дороги, по которой ему надобно было итти. И такъ ввѣрился онъ провожатому, который говорилъ о себѣ, что уже ходилъ по той дорогѣ; но въ самомъ дѣлѣ онъ не зналъ ее, а только слышалъ объ ней отъ другихъ. Сей провожатой повелъ путешественника по распуціямъ, по которымъ заходили они въ пустыни поросшія терномъ, приходили къ пропастямъ, откуда должны были назадъ возвращаться, и къ широкимъ рѣкамъ, чрезъ которыя не было переправы; долго бѣгали они вокругъ, не находя присланища, гдѣ могли бы отдохнуть, и какъ судя по времени думали, что уже приблизились къ назначенному мѣсту, то осмопрѣвшись, съ ужасомъ примѣтили, что они ползали только между кустарниками и были еще весьма недалеко отъ своего жилища, откуда вышли. Что жь предпріалъ бѣдной путеше-

ствен-

ственникъ? Упомившись и изнемогши, возвратился онъ домой съ отвращеніемъ къ путешествуію и съ огорченіемъ прошивъ своего проводника. Приходили къ нему другіе проводники, умнѣе перваго, и вызывались проводить его; но онъ сдѣлался столь недовѣрчивъ, что одно имя проводника его раздражало и возбуждало въ немъ такое омерзене ко всякому путешествуію, что онъ даже не хотѣлъ ничего слышать о самыхъ способахъ къ безопасности и удобности на пуши. Онъ рѣшился лучше оставить богатое наслѣдство, котораго ожидалъ, и жилъ нѣсколько времени остатками своего имѣнія до тѣхъ поръ, пока все прожилъ. Нужда заставила его усмотрѣть, какихъ великихъ выгодъ онъ лишился и возбудила въ немъ желаніе въ другой разъ отправиться въ путешествіе съ лучшимъ проводникомъ. Но тогда онъ уже устарѣлъ и обезсилѣлъ, не въ состояніи былъ доставать себѣ на пуши пропитаніе и заплашить проводнику. Не могъ онъ полагаться на то, что найдетъ довольно добросердечныхъ людей, которые изъ сожалѣнія снабжали бы его всемъ нужнымъ; сомнѣвался, не завладѣлъ ли уже кто нибудь другой его

его наслѣдствомъ , и наконецъ опасался умереть отъ усталости еще прежде окончанія своего пущи. И такъ онъ принужденъ былъ остаться въ томъ же мѣстѣ , гдѣ родился , и умеръ тамъ въ бѣдности и печали.

Подобенъ сему путешественнику бываетъ несчастной молодой человекъ , попадающійся при первомъ своемъ вступленіи въ путешествіе жизни худымъ проводникамъ , то есть несмысленнымъ учителямъ , которые затрудняютъ ему всѣ способы къ приобрѣтенію познаній. Онъ ни въ чемъ не успѣваетъ , остается въ невѣжествѣ , и наконецъ получаетъ такое отвращеніе къ ученью и учителямъ , что не желаетъ уже богатаго наслѣдства , но есть мудрости и полезныхъ познаній. Пришедши въ мужескія лѣта примѣчаетъ , что имѣетъ въ нихъ нужду , дабы жить ко славѣ Божіей и приносить другимъ пользу. Тогда желалъ бы онъ переменить свое сословіе; но уже поздно: онъ не имѣетъ ни силъ , ни способовъ къ тому , и умираетъ бывши самому себѣ въ пятгось другимъ бесполезенъ.

XIV.

Чижикъ. Басня.

Маленькой чижикъ, копорой только лишь оперился и въ первой разъ вылетѣлъ изъ гнѣзда, имѣлъ нещастіе по-пасться въ руки рѣзвому мальчику. Другому его брату удалось избавишься отъ неволи, и онъ наслаждался свободою на вольномъ воздухѣ въ пріятныхъ долинахъ и пѣнистыхъ лѣсахъ вмѣстѣ съ другими пшичками своего рода. Между пѣмъ бѣдной поиманной чижикъ привязанъ былъ на цѣпочку, перпѣлъ голодъ и жажду и долженъ былъ учишься раскрываць ящичекъ, въ копорой кормъ для него клали, и поднимать вверхъ наперспокъ съ водою, чтобы напишься. Нѣкогда запушался онъ въ своей цѣпочкѣ, и какъ хотѣли его опять распушашъ, то удалось ему выр-вашъ и вылетѣть въ раскрытое окошко. Улетѣвши въ лѣсъ, нашелъ онъ памъ своего брата и пользовался съ нимъ нѣ-скольکو времени всѣми выгодами и пріят-ностями свободы. Но осенью искавши себѣ корму, попались они оба въ сѣти хищраго пшицелова, копорой потчасъ заперъ ихъ въ клетку. Старшій чижикъ, не привыкши въ молодоси сносишь неволю, въ первой

день.

день съ доски и неперѣбавности разшибъ себѣ голову объ решетку въ своей клеткѣ. Напротивъ того другой, знакомъ уже будучи съ нуждою и неволею, скоро переспалъ посковагъ и привыкъ ко своему сословію. Небольшое искусство, копорому научился онъ въ прежней неволѣ, служило ему для препровожденія времени, и онъ дожилъ спокойно до старости. Частно радовался онъ тому, что несчастіе въ молодости научило его шerpбнiю.

XV.

Ошибка въ разщетѣ.

Одинъ богатой человекъ, которой не имѣлъ у себя дѣшей и никакихъ родственниковъ, вознамѣрился прожить все свое имѣніе и распредѣлилъ его такъ, чтобы онаго доспало ему до осмидесяти лѣтъ, полагая за вѣрно, что онъ умретъ еще прежде того времени. Но онъ весьма ошибся въ своемъ разщетѣ; ибо прожилъ еще пять лѣтъ. Исхранивши все свое имѣніе, принужденъ онъ былъ питаться подаяніемъ и просилъ милостыни сими словами: „Сжалысь надъ бѣднымъ человекомъ, которой ошибся въ разщетѣ „

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

XVI.

О любви къ родителямъ.

Любовь и нѣжность къ родителямъ есть одна изъ первыхъ должностей добрыхъ дѣтей. Она улаживаетъ жизнь ихъ, облегчаетъ имъ бремя приближающейся старости и подкрѣпляетъ силы ихъ начинающія ослабѣвать подъ симъ бременемъ. Человѣкъ въ продолженіи жизни своей лишается друзей, которыхъ имѣлъ въ молодости, теряетъ ихъ одного послѣ другаго, и остается одинъ, подобно розѣ, начинающей опадать при концѣ весны; всѣ прочіе цвѣты, которые прежде ее окружали, увядаютъ; только молодая цвѣты и развивающіеся пучки, росшущія на одномъ съ нею стеблѣ, остаются съ нею; онѣ только составляютъ послѣднее пріятное ей сообщество. Подобно тому и родители съ приближеніемъ старости отъ времени до времени болѣе чувствуютъ нужды въ опорахъ

любови и благодарности дѣшей своихъ ; онѣ тогда по большей части бывають единственными ихъ друзьями ; по тому что недовѣрчивость и невеселость , почти обыкновенныя спутницы старости не позволяють имѣ избирать новыхъ друзей. Подобно нѣкоторымъ расшеніямъ , сжимающимся отъ приближенія вечерняго холода , сердце человѣческое при наступленіи старости сжимается , бывши со всѣхъ сторонѣ открыто при радостномъ и ясномъ солнечномъ сіяніи поутру и въ полдень своей жизни. Слабость и разные припадки , свойственныя старымъ лѣшамъ , также не позволяють искашь друзей постороннихъ , и кругъ дѣйствій становится тогда отъ времени до времени тѣснѣе. Сперва цѣлой міръ кажется намъ малъ для жизня въ немъ ; пришедши въ мужескія лѣта довольны бываемъ однимъ нашимъ отечествомъ ; по томъ ограничиваемся однимъ мѣстомъ нашего пребыванія , наконецъ только собственнымъ домомъ нашимъ ; а вскорѣ за симъ ожидаетъ насъ жилище и того еще гораздо тѣснѣе.

Какіе родители пожелали бы имѣть дѣшей , естлибѣ не надѣялись въ позднія лѣта свои быть награждены отъ нихъ опытами нѣжности и благодарности ?

спи? Захотѣли ли бы для дѣшей добровольно отказываться отъ собственныхъ своихъ удовольствій, особливожь такіе родители, которые должны безпрестанными трудами доставать содержаніе для себя и для нихъ? Захотѣли ли бы матери сносить печали, безпокойство и заботы, какія причиняютъ имъ дѣши ихъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, окружены будучи опасностями и подвержены болѣзнями, а часпо и своимъ непослушаніемъ, упрямствомъ, непокорливостію и непонятливостію? Жертвовали ли бы отцы дѣшамъ своимъ тѣмъ, что они въ попѣ лица своего приобрѣтали? — Какой же иной награды за то могутъ они ожидать, какъ не той, чтобы послѣ во благополучіи дѣшей своихъ видѣть свое собственное благополучіе, и найти въ нихъ любовь, утѣшеніе и помощь тогда, когда уже все ихъ оставитъ? Горе тѣмъ родителямъ, которыхъ дѣши съ неблагодарными сердцами спокойно смотрятъ на нихъ, какъ они колеблющимися шагами подходятъ ко гробу, и не хотятъ подать имъ помощи, закрытъ глаза ихъ и получить за то послѣднее отъ нихъ благословіе.

Благороднымъ душамъ не нужно такое напоминаніе. Любовь производитъ взаимную любовь и внушаетъ имъ спараніе угождать родителямъ своимъ всѣми услугами, какія только могутъ онѣ имъ оказывать. Дитя, которое можетъ равнодушно видѣть родителей своихъ спраждущихъ и не спарается подать имъ помощь или облегченіе, оказываетъ нечувствительное и неблагодарное сердце. Если жъ нѣкоторые дѣти по природной нечувствительности или лѣности, бывающъ въ такихъ случаяхъ хладнокровны, то пусть дѣлаютъ онѣ то по должности, что бы надлежало имъ дѣлать по сердечному побужденію; пусть спараются онѣ разбудить въ сердцахъ своихъ искры любви и горячности, которая вѣрно есть въ нихъ, но только спятъ.

Должно признаться, что нѣкоторые родители излишнею строгостию, суровостию, дурнымъ воспитаніемъ и пренебреженіемъ дѣтей своихъ сами бывающъ виною взаимнаго отъ нихъ пренебреженія и въ наказаніе за то часто шerpяютъ въ спарости недостатокъ любви и почтенія отъ дѣтей своихъ. Хотя они и заслуживаютъ сіе наказаніе; но это ни мало и дѣтей не извиняетъ. Хорошо ли бытъ ору-

діемъ,

діемъ, копорымъ виноватой наказываешся? Такое орудіе ни къ чему другому не годится, и какъ скоро употребленіе его бываетъ не нужно, то бросаюиъ его въ печь. Нарушеніе должности съ одной спороны не даетъ права нарушать должность и съ другой спороны, и кпо исполняетъ вѣрно свою обязаность не смотря на то, что другой опъ своей обязанности удаляется, пошъ бываетъ шѣмъ угоднѣ Богу и шѣмъ болѣ заслуживаетъ чеспи.

Весьма часто такіе родители, прорнупы будучи чрезвычайными опытами любви, преданности и шерпѣливости своихъ дѣшей, возвращались къ своей должности. Какое сердце должна имѣшь шамать, копорая могла бы осшашься нечувствительною и суровою видя дочь свою послушною при всѣхъ своихъ жестокихъ приказаніяхъ, шерпѣливою и покорною при всемъ презрѣніи, какое бы она къ ней оказывала, чувствительною и нѣжною при всей ея суровости? — Каковъ долженъ бышь пошъ отецъ, копорой бы не смягчился послѣ скромнаго опшѣша, какой нѣкогда сказалъ одинъ благовоспитанной молодой человекъ, возвратившійся изъ училища? „Скажи мнѣ, чему ты научился? спра-

шивалъ отецъ. „ Это при случаѣ окажется , отвѣчалъ сынъ. Отецъ разсердился и ударилъ его. Онъ снесъ то терпѣливо и сказалъ : „ теперь вы видите , что я научился сносить съ покорностію родительской гнѣвъ. „ —

Исполняя вѣрно свою должность, быть нѣжнымъ и послушнымъ, хранить покорность и почтеніе даже къ суровымъ, несправедливымъ, или безпечнымъ и нерачисельнымъ родителямъ, есть высокая степень дѣтской добродѣтели; она безъ сомнѣнія бываетъ щедро награждаема и въ здѣшней и въ будущей жизни. — Въ слѣдующей повѣсти представленъ примѣръ такой добродѣтели.

Великодушная дочь.

Емилиа въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ лишилась нѣжнаго отца и оставлена была попеченію легкомысленной матери. Госпожа Кравенъ (такъ называлась сія мать) не думала ни о чемъ иномъ, кромѣ веселостей, а воспитаніе своей дочери поручила корыстолюбивой и несмысленной служанкѣ, приказавши ей, чтобъ она поступала съ нею сколько можно спрощѣ. Несмысленная воспитательница исполняла вѣрно сіе приказаніе, и какъ она не могла ничему научить Емилию, то всегда

описы-

описывала ее матери никакъ чему неспособнымъ, упрямымъ и глупымъ рабенкомъ. Но Емилія въ самомъ дѣлѣ одарена будучи отъ природы чувствительнымъ сердцемъ, тонкимъ разумомъ и изрядными способностями скоро сама пришла въ состояніе усмиривать сію несправедливость и свое несчастіе, что хотѣли оспавить ее навсегда въ невѣжествѣ. Она чувствовала, что ей нужно заниматься полезными упражненіями, и любопытство ея требовало насавленій, которыхъ ни отъ кого она не получала. Не смѣла она жаловаться своей матери, по тому, что уже нѣсколько разъ была за то наказана, какъ злобной рабенкомъ, и сверхъ того подвергалась мщенію своей надзирашельницы. И такъ не оспавалось ей ничего болѣе, какъ сносить безпрестанное принужденіе и самой образовать свой разумъ вниманіемъ ко всѣмъ шѣмъ вещамъ, которыя ее окружали и прилѣжнымъ чтеніемъ многихъ книгъ, какія только ей попадались.

Она была уже по девятому году, какъ Господинъ Гранвиль, старой другъ ея отца, которой опредѣленъ былъ ея опекуномъ и жилъ въ другомъ городѣ, пріѣхалъ со своею женою посѣщать госпо-

жу Кравенѣ. Онѣ слышался уже о безпорядочной ея жизни и всегдашней разсѣянности, и пріѣхалѣ съ шѣмѣ намѣреніемѣ, чшобѣ навѣдашься обѣ Емилиі. Легко можно догадашься, чшо Госпожѣ Кравенѣ шакон гощѣ былѣ весьма непріятенѣ; однако жѣ она приняла его съ надлежащею учпивоспкію. Прежде всего спросилѣ онѣ обѣ Емилиі. Машѣ ея жаловалась, чшо шрудно сыскашь другова шакон глупаго и упрямаго рабенка. Но какѣ скоро привели ее самое, шо по виду ея шощасѣ можно было усмошрѣшь, чшо госпожа Кравенѣ говорила неправду. Хощя и примѣшна вѣ ней была нѣкошорая робощѣ и застѣнчивощѣ; однако жѣ всѣ черты лица ея показывали, чшо эшо происходишь отѣ дурнаго воспитанія, а не отѣ недоспапка разума. Дабы ещѣ лучше вѣ шомѣ увѣришься, Госпожа Гранвиль просила, чшобы Емилиі позволено было во все шо время, сколько они проживушь у Гжи. Кравенѣ, бышь всегда при ней. Госпожѣ Кравенѣ шрудно было на шо согласишься и она долго ошговаривалась, но наконецѣ не могла отказать своимѣ гощамѣ вѣ ихѣ прозьбѣ. Между шѣмѣ запрешила она Емилиі подѣ шрогими угрозами отвѣчашь чшо нибудѣ, ешьли госпо-

Господинъ или Госпожа Гранвиль будущъ у нее спрашивать, какъ ее содержатъ.

Оспавшись наединъ съ Емилиєю Господинъ и Гжа. Гранвиль спарались вступишь съ нею въ разговоръ. Она вмѣсто того, чпобъ отвѣчать имъ, начала горько плакать. Но наконецъ они ласкою своею заспавили ее признахся, чего она боялась, и ободрили ее такъ, чпо она говорила уже съ ними безъ всякой застѣнчивости. Какъ они рѣдко ее опъ себя отпускали, то скоро примѣнили въ ней чувствительное сердце, тонкой разумъ, и что ей недоставало полько хорошаго воспитанія, дабы сдѣлаться совершенною особою своего пола. Бѣдная Емилиа, для которой ласковое обхожденіе было еще нѣчто совсѣмъ новое, полюбила ихъ весьма горячо и всякой разъ блѣднѣла, когда они говорили о своемъ опъздѣ, за чпо должна бы она была вытерпѣть жестокое наказаніе, еспли бѣ присутствіе ея опекуна не служило ей защитою.

Господинъ Гранвиль и жена его на вѣдавшись довольно о худомъ ея воспитаніи и немилосердыхъ поступкахъ, какимъ она всякой день была подвержена, вознамѣрились взять ее съ собою, чего бы то ни сшоило, и воспитывать ее вмѣ-

спѣ съ своею дочерью, которая была однихъ лѣтъ съ Емилиєю. — Они предложили объ этомъ Госпожѣ Кравенѣ, прося ее, сдѣлашь имѣ удовольствіе и оппустишь Емилию съ ними на время, чіобы она вмѣстѣ съ ихъ дочерью подѣ присмотрѣмъ благоразумной надзирашельницы могла нѣсколько поучишья у хорошихъ учишелей, какихъ удобно имѣ было сыскать въ своемъ городѣ.

Госпожа Кравенѣ будучи хитра, шопчасѣ обо всемъ догадалась, и какѣ она для нѣкоторыхъ своихъ выгодъ имѣла намѣреніе оставишь Емилию навсегда въ невѣжесствѣ, шо не хотѣла согласишься на прозьбу Господина Гранвиля и сказала ему, что она не можешъ жишь безѣ своей дочери. Однако не хотя шакже поссѣришься съ нимѣ, наконецѣ принушдена была оппустишь Емилию, шолько не долѣе, какѣ на двѣ недѣли. Казалось, чіпо онѣ былѣ шѣмѣ доволенѣ и распался съ Гжею. Кравенѣ, радуясь шому, чіпо имѣлѣ удачу исполнишь свое намѣреніе.

Хорошіе успѣхи, оказанные Емилиєю въ сіе короткое время приобрѣли ей любовь опѣ всея фамилии; никшо не могѣ безѣ печали вспомнишь о томѣ, чіпо ей скоро надлежало возвращишься домой и опяшь

зависѣшь отъ злой и глупой служанки. — По прошествіи двухъ недѣль Гжа. Кравенъ прислала за нею. Но Г. Гранвиль употребилъ право опекуна и удержалъ у себя Емилию, отпраивши къ ея матерѣ письмо, въ которомъ открылъ ей свои мысли и увѣдомилъ ее, что онъ бывши самъ свидѣтелемъ дурныхъ ея поступокъ съ дочерью, почитаетъ за должность принять на себя попеченіе о воспитаніи сего бѣднаго дитяти. — Гжа. Кравенъ охотно всступила бы съ нимъ за то въ спору, естли бѣ не знала напередъ, что она рѣшилася не въ ея пользу. И такъ она принуждена была уступитъ необходимости, и совсѣмъ вдавшись въ разсѣянiе, скоро позабыла о своей дочери, такъ, что въ цѣлой годъ однажды только написала къ ней нѣсколько строкъ во отвѣтъ на многія письма, которыя Емилиа наполняла нѣжнѣйшими изъясненіями дѣпской любви и почшенія. Наконецъ одинъ игрокъ, которому весьма нужно было поправить свое состояніе, умѣлъ снискашь ея склонность; Гжа. Кравенъ вышла за него и сдѣлала его господиномъ надъ всею своимъ имѣніемъ.

Емилиа жила шесть лѣтъ у своего благодѣтеля, и въ сіе время споль хорошо

пользо

пользовались природными своими дарованиями, что все спавили ее въ примѣрѣ молодыхъ дѣвицамъ и почипали за честь ея знакомство. Но по томъ обстоятельству ея перемѣнились. — Престарелой дядя Господина Гранвиля, жившій въ отдаленной провинціи писалъ къ нему, чтобъ онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ со своею фамиліею посѣпить его, для того, что жизнь его приближается уже къ концу, и онъ не имѣя другихъ родственниковъ, желаетъ съ ними познакомиться и узнать, доспойны ли они быть его наследниками. Хотя Господину Гранвилю и женѣ его прискорбно было расстаться съ Емилиєю, однако они необходимо должны были рѣшиться на то, дабы не пошерять знатныхъ для себя выгодъ. Имъ не осмивалось ничего болѣе сдѣлать, какъ отдать ее въ пансіонъ, либо возврапитъ матерѣ. Они выбрали первое. Но какъ скоро Гжа. Кравенъ узнала, что дочь ея находится въ пансіонѣ, то написала къ ней письмо наполненное ласкою и просила ее, чтобъ она возвратилась къ ней въ деревню, для того, что она будучи не здорова принуждена всегда щерпитъ скуку, и что ей весьма нужна помощь въ домашней экономіи. Емилија зная обязанності доброй дочери, не сомнѣ-

сомнѣвалась ни мало исполнить желаніе своей матери; она еще радовалась получивши случай доказать ей свою преданность и заслужить ея любовь. Между тѣмъ уведомила она о семъ своего благодѣтеля. Господинъ Гранвиль хотя и подозрѣвалъ, что Гжа. Кравенъ имѣетъ какой нибудь коварной замыселъ, однако жъ не захопѣлъ препяшпвовать Емилиі оказать свое добросердечіе и послушаніе. Онъ одобрилъ ея намѣреніе; но при помѣ поручилъ одному изъ своихъ друзей навѣдываться о поступкахъ ея матери. Подозрѣніе его было основательно. Господинъ Кравенъ въ завѣщаніи своемъ назначилъ своей дочерѣ въ приданое десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ; если же бы она умерла не вышедши замужъ, по сей капиталъ долженъ былъ достаться ея матери. Но госпожа Кравенъ вознамѣрилась еще при жизни ея завладѣть сими деньгами. Роскошная жизнь, особливо жъ страсть къ игрѣ другава ея мужа испортили собственное ея имѣніе, и для того старалась она переманишь къ себѣ Емилию, чтобъ не допускать ее ни съ кѣмъ знакомиться и пользоваться ея деньгами, какъ своими.

Нѣсколько времени Гжа. Кравенъ и мужъ ея оказывали Емилиі припворную нѣжность. Емилиа довольна была своимъ состояніемъ; невинное сердце ея неспособно было къ подозрѣнію; она добровольно уступила имъ половину своихъ доходовъ. Мать ея увѣряла ее, что она ничего не потеряла симъ великодушнымъ поступкомъ, по тому, что она имѣетъ въ банкѣ значную сумму, о копорой мужъ ея совѣмъ не знаетъ, и копорую она намѣрена по смерти своей ей оставить.

Такимъ образомъ Емилиа жила два года, не имѣя причины раскаиваться. Всѣ письма ея къ Господину Гранвилю наполнены были похвалами ея матери. — Между шѣмъ случилось, что одинъ молодой дворянинъ, недавно возвратившійся съ путешествія и жившій у нихъ въ собесѣдствѣ, увидѣлъ Емилию въ церквѣ. Она весьма понравилась ему, и онъ желалъ узнать, соотвѣтствуютъ ли достоинства ея сердца красотѣ. Въ такомъ намѣреніи началъ онъ искашь знакомства съ ея матерью; но какъ намѣреніе его было примѣтно, то не имѣлъ въ томъ успѣха.

Нѣкогда поупру выѣхавши ранѣе обыкновеннаго и пробѣгая мимо домика одного изъ своихъ ошкупщиковъ, увидѣлъ онъ

онъ входящую шуда молодую дѣвушку. Любопытство побудило его войти за нею, подъ видомъ, чшобъ посѣтить бѣднаго хозяина этого домика, которой давно уже лежалъ болѣнъ. Къ великому удовольствію увидѣлъ онъ, что шо была дѣвица Кравенъ. Она скоро хотѣла уйти; но господинъ Мидовъ (такъ назывался сей молодой человекъ) всшупилъ съ нею въ разговоръ. Скромные и разумные ея ошвѣщанія вселили въ него къ ней почтеніе, которое еще болѣе умножилось, когда она ушла и бѣдной хозяйнѣ, пронупой благодарностію, осыпалъ ее похвалами. „Сердце ея, говорилъ онъ, открыто для всѣхъ спраждущихъ. Она помогаетъ несчастнымъ такъ, какъ бы долгъ плашилъ, а не благодареніе дѣлаетъ.„ — Господинъ Мидовъ, которой добродѣтель и благочестіе почишалъ выше всѣхъ прочихъ достоинствъ и желалъ имѣть супругу одинакихъ съ нимъ мыслей и чувствованій, шотчасъ принялъ намѣреніе жениться на ней, ештли получитъ на шо ея и матери ея согласіе.

Емилиа, удалена будучи отъ всякаго притворства, пришедши домой, рассказала матери своей, что съ нею случилось. Она хвалила поведеніе и благо-

ной образъ мыслей господина Мидова и рассказывала, что онъ весьма желаетъ познакомиться съ Госпожею Кравенъ и ея мужемъ. Но гжа. Кравенъ увѣряла ее, что онъ самой развращенной человѣкъ и приказала ей избѣгать случаевъ видѣться съ нимъ. Емилія хопя и не могла пому повѣришь, наслышавшись о немъ прежде много добраго, однако хопѣла повиноваться своей матери.

*(Окончаніе сообщено будетъ въ
слѣдующемъ листѣ.)*

XVII.

Анecdотъ.

Одинъ худой живописецъ показывалъ нѣкогда своему пріятелю комнату, копорю приказалъ онъ выбѣлишь и по томъ самъ хотѣлъ расписатьъ. „Мнѣ кажется, сказалъ пріятель его, что ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, естли бы сперва ее расписалъ, а по томъ бы уже приказалъ выбѣлишь.

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Окончаніе повѣсти начатой въ послѣднемъ листѣ.

Спусти въсколько времени Г. Мидовъ пріѣхалъ къ Гжѣ. Кравенъ, не давши напередъ о помѣ знашь. Емилія первая увидѣла его изъ окошка и сказала о немъ своей матери, которая приказала ей скорѣе уйти въ свою комнату. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей Г. Мидовъ спросилъ у нее объ ея дочери и безъ околнчностей открылъ ей свое намѣреніе. Гжа. Кравенъ отвѣчала ему, что она почла бы за честь имѣть его своимъ зашемъ, естльибъ не опасалась сдѣлать его несчастнымъ. „Мнѣ должно говорить съ вами откровенно, сказала она: „дочь моя часто бываетъ подвержена припадкамъ глубокой задумчивости, которая весьма похожа на сумасшесствіе; она и теперь находится въ такомъ состояніи. Эта болѣзнь досталась ей отъ покойнаго ея отца, которой также подверженъ былъ

Часть VIII. № 47. I эшимъ

эшимъ /припадкамъ. „ По помъ просила она его, чшобъ онъ не злоупотребилъ ея опкровенности и никому бы о семъ не сказывалъ. — Г. Мидовъ былъ весьма огорченъ симъ непріятнымъ открытіемъ; а злая мать радовалась успѣху лукавой своей выдумки. Хотя это и казалось ему невѣроятно, однако жъ онъ по собственному своему добросердечію не могъ подумать, чшобы мать способна была къ такой злобѣ и къ такому обману. И такъ онъ уѣхалъ безъ всякаго подозрѣнія. Но современемъ имѣвши случай наслышатся о безпорядочномъ поведеніи Гжи. Кравенъ, о дурномъ воспитаніи, какое Емилія сперва имѣла, и о благородномъ поступкѣ Господина Гранвиля¹, началъ онъ сомнѣваться въ помъ, что коварная мать ему рассказывала и вознамѣрился ѣхать къ Господину Гранвилю, дабы узнать отъ него правду, либо по крайней мѣрѣ разсѣять симъ путешествіемъ свое огорченіе.

Онъ исполнилъ свое намѣреніе. Г. Гранвиль весьма удивился злобѣ матери Емиліиной, угадалъ ея коварныя намѣренія и рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ Г. Мидовомъ, дабы споспѣшествовать ему женишься на Емиліи, ешлы узнаетъ, что онъ ея достоинъ, и ешлы она согласится

сидя за него выйди. И такъ онъ возвратившись вмѣстѣ съ нимъ, оставилъ его въ своей деревнѣ, а самъ пріѣхалъ въ домъ Гжи. Кравенъ. Нечаянной его пріѣздъ весьма испугалъ мать и обрадовалъ дочь. Емилія еще при первомъ свиданіи почувствовала склонность къ Г. Мидову; но ея понятія о повиновеніи къ матери были столь строги, что она хотѣла лучше всѣми силами спараться испребишь сію склонность, нежели огорчить мать свою. И такъ она не хотѣла признаваться въ помѣ и Господину Гранвилю, пока онъ не открылъ ей неблагодарность и коварство ея матери. Нѣжде сердце ея весьма чувствительно поражено было симъ неожиданнымъ и страшнымъ открытіемъ. „Возможно ли? вскричала она: „меня такъ обманывать! Я думала, что имѣю мать, а теперь вижу — но благодарю Бога; что я сохранила свою должность! „ — Слезы полились изъ глазъ ея и пѣмъ облегчилась ея горечь. По помѣ призналась она въ склонности своей къ Г. Мидову и просила Господина Гранвиля, чтобъ онъ постарался вывести его изъ несправедливаго объ ней мнѣнія, дабы избавить ея фамилію отъ напраснаго попрека. Г. Гранвиль разсудилъ за благо не оставяше

ее долѣе у матери и отвезши въ безопасное мѣсто. Емилія не хотѣла приспѣдить Господу Кравенѣ свиданіемъ съ нею, но увѣдомила ее письмомъ о своемъ отпѣздѣ. Она была столь нѣжна, что и въ письмѣ не укоряла ее ни мало за злобной поступокъ и даже ни мало на нее за то не досадовала и никогда не думала ей мстить. Она плакала о злонравіи своей матери; однакожь согласилась бы лучше умереть, нежели дать ей почувствовать свое огорченіе. Но Г. Гранвиль не пощадилъ сея злой женщины; онъ сдѣлалъ ей строгій выговоръ и открылъ Г. Мидову обманъ ея. Спустя нѣсколько времени Емилія вышла за Господина Мидова. Нѣшѣ нужды упоминать здѣсь, сколько она сдѣлала чести новому своему соспоянью.

Чрезъ два года послѣ того случилось такое происшествіе, которое еще болѣе принесло ей чести. — Мужъ Гжи. Кравенѣ промотавши все имѣніе своей жены, уѣхалъ, оставивъ ее въ крайней бѣдности; онъ забралъ съ собою всѣ вещи, какія еще у нее оставались. Всѣми оставлена, не имѣя почти дневнаго пропитанія и чувствуя собственную вину свою, скрывалась она отъ свѣта въ одной отдаленной деревнѣ, особливо жь старалась скрывать

скрышся отъ любви достойной дочери своей. Но Емилія узнавши по случаю, гдѣ она живеть, спѣшила къ ней, чшобѣ подати ей утѣшеніе, извлекла ее изъ нищеты, и давала ей всякой годѣ достаточное содержаніе. Сіе великодушіе произвело такую перемѣну въ Гжѣ. Кравенѣ, что она проводила остатокѣ своей жизни въ раскаяніи и оплакиваніи прежнихъ своихъ глупостей. Въ старости ея Емилія пеклась о ней съ такою нѣжностію, какѣ бы о самой лучшей матери, и старалась улаждать всѣ непріятности сихъ лѣтъ.

XVIII.

Томасъ Морусъ.

Добродѣшель и въ семѣ мѣрѣ бываетѣ награждаема великимѣ блаженствомѣ; но иногда премудрое Божіе провидѣніе посылаетѣ добрымѣ и благочеспивымѣ людямѣ разныя несчастія, дабы приготовить ихѣ еще къ большему блаженству въ будущей жизни. Кто хочетѣ бытъ добродѣшельнымѣ, шому нужно знать сіе, дабы онѣ не поколебался, когда постигнутѣ его несчастія, въ которыхѣ не можетѣ онѣ самого себя почишати виновнымѣ. Слѣду-

ющій примѣръ изъ исторіи служитъ тому доказательствомъ. —

Томасъ Морусъ родился отъ честныхъ, но бѣдныхъ родителей. Еще въ дѣтскихъ лѣтахъ заслуживалъ онъ отъ всѣхъ любовь своимъ послушаніемъ и ласковостію. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ прилѣжаніемъ, хорошимъ поведеніемъ, любовію къ порядку, услужливостію и скромностію, особливо же чистымъ и непришворнымъ почитаніемъ Всевышняго Существа. Всѣ добрые люди любили его за то и всякой старался ему помогать.

Приобрѣвши чрезвычайные способности, вступилъ онъ ранѣ другихъ молодыхъ людей въ публичную должность и отправлялъ поручаемыя ему дѣла съ вѣрностію и честностію. Онъ не искалъ почестей, однакожь получалъ знатныя чины, одинъ за другимъ, и наконецъ достигъ достоинства Англійскаго Канцлера, которое есть одно изъ первыхъ достоинствъ въ семъ государствѣ.

Другой будучи на его мѣстѣ возтордился бы симъ щастіемъ; но Морусъ остался такъ же скромнѣе, какъ и прежде, и отправлялъ важную свою должность съ безпорочною честностію, каковую онъ всегда

оказывалъ. Могъ бы онъ обогатиться; но онъ былъ столько чуждъ корыстолюбія, что будучи уже Канцлеромъ, имѣлъ только небольшую деревню, съ которой получалъ весьма мало дохода. Дѣти его нѣкогда жаловались на то, что онъ не старается собрать богатства ни для себя, ни для нихъ. — „Я для васъ же это дѣлаю, опвѣчалъ онъ, дабы вы наследовали послѣ меня благословеніе Божіе.

Думающъ, что люди имѣющіе великую власть, способны поступать несправедливо, и старающіеся иногда склонять ихъ къ тому подарками. Морусъ часто былъ подверженъ сему искушенію; но всегда прошивился ему съ непоколебимою честностію. Самъ Государь его не могъ заставить его сказать либо сдѣлать чтонибудь прошивное должности.

Одинъ знашой и богатой человекъ, копорой имѣлъ пѣжбу съ бѣднымъ человекомъ, хотѣлъ подкупить Моруса богатнымъ подаркомъ, чтобъ онъ сдѣлалъ приговоръ въ его пользу; но Морусъ опвѣчалъ ему съ благороднымъ негодованіемъ „На что дарить меня? Если вы правы, то нѣтъ вамъ нужды покупать выгодной для себя приговоръ; а если вы непра-

вы, по все ваше богатство и все сокровища въ сѣбѣ не заставляяшъ меня рѣшить это дѣло въ вашу пользу. „

Наблюдая столь строгую справедливость, нажилъ онъ себѣ враговъ. Нѣкоторые люди ненавидѣли его за то, что онъ не хотѣлъ для нихъ сдѣлать никакой несправедливости. Въ числѣ враговъ его находилось нѣсколько знашныхъ и сильныхъ людей, которые составили пропивъ него заговоръ и вознамѣрились погубить его. Они подавали на него разныя ложныя обвиненія и производили свое предпріятіе столь хитро, что невинной, честной, благородной Морусъ осужденъ былъ на смерть.

Онъ выслушалъ приговоръ свой съ великимъ постоянствомъ, простился съ несправедливыми своими судьями, и просилъ Бога, чтобъ онъ впредь сохранилъ Короля отъ такова неправосудія. По томъ возвратился онъ въ темницу, въ которой его содержали. Тамъ ожидало его жалкое зрѣлище, удобное поколебать постоянство человека не столь твердаго. Онъ нашелъ тамъ любимую дочь свою, Госпожу Роперъ, которая пришла сюда увидѣться въ послѣдній разъ съ несчастнымъ своимъ оцемъ. Она не могла ни

чего

чего выговорить и почти безчувственна бросилась въ его объятія. Морусъ обнималъ ее со всею родительскою нѣжно-стію и старался ее утѣшить.

„Мое несчастіе, говорилъ онъ, посылается мнѣ отъ Бога. Я не заслужилъ его никакимъ преступленіемъ. Но Богъ всегда премудръ и благъ въ судьбахъ своихъ, хотя мы и не всегда то понимаемъ можемъ. И такъ покоримся святой Его волѣ, и будемъ сносить терпѣливо опредѣленія непостижимой Его премудрости.“

Такимъ образомъ разговаривалъ онъ цѣлой часъ со своею дочерью и утѣшалъ ее съ такимъ неприпворнымъ постоянствомъ и равнодушіемъ, какъ бы дѣло не до него самого касалось. — Вечеръ проводилъ онъ въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ; а по томъ спалъ нѣсколько часовъ весьма спокойно.

На другой день присланъ былъ къ нему въ темницу Іаковъ Попе, одинъ изъ лучшихъ его друзей, объявивъ ему, что смертной приговоръ чрезъ нѣсколько часовъ долженъ быть исполненъ. Но онъ заливался слезами и не въ состояніи былъ ничего выговорить. Напротивъ того Морусъ пребылъ непоколебимъ,

ушѣшалъ своего друга упованіемъ на лучшую вѣчную жизнь, въ которой они опять должны увидѣться, и поручилъ ему поздравить своихъ враговъ и сказать имъ, что юнъ оставляетъ свѣшъ безъ всякой къ нимъ ненависти.

Въ назначенной часъ пошелъ онъ съ твердостію на мѣсто казни и до самой послѣдней минушы своей жизни не оказалъ никакова знака страха или малодушія.

По памощному обычаю говорилъ онъ съ мѣста казни рѣчь къ собравшемуся народу и всѣхъ увѣщевалъ хранишь благочестіе и никогда не ропшашъ на пущи Провидѣнія. Рѣчь его споль была прогашельна, что всѣ ее слышавшіе проливали слезы.

Палачъ, копорой долженъ былъ опрубить ему голову, дрожалъ приступая къ своему дѣлу. Морусъ хопѣлъ даже и его ободришь шушкою, копорую послѣ жулили, не зная, съ какимъ намѣреніемъ она была сказана. „Другъ мой, сказалъ онъ, берегись, чшобѣ не повредишь мою бороду; по крайней мѣрѣ она никакова прешупленія не сдѣлала. „

Потомъ

По томѣ спалъ онѣ на колѣни и подставилъ шею свою удару, которой сдѣлалъ конецъ невинной его жизни.

XIX.

Сновидѣнiе.

Вѣ первой день новаго году проснулся я весьма рано. Первые мысли мои были благодаренiе Богу за всѣ благодѣянiя, полученныя мною и моимъ опечесствомъ въ прошедшемъ году, и прошенiе да продолжись милость Его ко мнѣ и ко всѣмъ челоуѣкамъ. По томѣ размышлялъ я, каковъ для меня будетъ наступившiй годъ. Чувствованiя мои перемѣнялись соопвѣшпвенно различнымъ представлениамъ, какiя мое воображенiе имѣло. Вѣ сихъ мысляхъ я опять заснулъ. Во снѣ преспавилось мнѣ проспранное поле, кошорое лежало предо мною; но я не могъ далеко впередъ видѣшь: густой туманъ закрывалъ отъ зрѣнiя моего всѣ предмешы. Я не хотѣлъ ишши далѣе по сему полю и часто оглядывался назадъ. Вдругъ увидѣлъ я спарую и горбатую женщину. Спаросшь обезобразила лице ея множесшвомъ морщинъ и нѣкоторой скрышной сшрахъ былъ на немъ изображенъ. Она безпресшанно

дрестанно шашала головою, и руки ея дрожали на посохѣ, копорымъ она подпиралась. „Куда ты идешь? спросила она у меня. „Я хочу итти въ землю спокойствія, опвѣчалъ я: „но не знаю, гдѣ найши ее. Не возможно сѣ бытъ позади меня. Уже половину жизни моей провелъ я яскавши эту землю, но еще не нашелъ. Не могу сказать, что между тѣмъ былъ я несчастливъ. Нвѣш; въ жизни моей бывали ясные и мрачные дни попеременно, и должно признаться, что первыхъ было болѣе, нежели послѣднихъ. Иногда солнечной жаръ опагощаль меня; однако жь скоро находилъ я испочники утѣшенія, которые подкрѣплял и утомленные мои силы. Но теперь вижу предъ собою густой туманъ, не могу различать предметовъ и не знаю, какъ мнѣ пройти безъ проводника.„ — „Бѣдной человекъ! сказала спаруха: „я сожалью о тебѣ. Но сожалѣніе мое тебѣ не поможетъ. Ежели есть земля спокойствія и благополучія, то дорога шуда лежитъ чрезъ это поле. Но какія шрудности, какія почти непреодолимыя шрудности долженъ ты перенести на этомъ пути! Ты шастливъ еще тѣмъ, что густой туманъ закрываетъ отъ глазъ твоихъ опасности тебя

себя окружающія. Ты долженъ будешь ползти по крупнымъ спремминамъ, проходить чрезъ дремучіе лѣса и густыя шерновые кустарники, переплывать чрезъ разлившіеся рѣки; громъ и молнія часто будутъ приводить тебя въ ужасъ. Никакая осторожность не предохранитъ тебя отъ разбойниковъ, которые все у тебя отнимутъ и только изъ сожалѣнія жизнь тебѣ оставятъ. Если ты поставишь себѣ шалашъ, то безпрестанно долженъ будешь опасаться, чтобъ онъ не сгорѣлъ, или землетрясеніе его не разорило. Но все это ничего еще не значитъ въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ болѣзней, которыми ты окруженъ будешь: отъ всего прочаго можешь ты какимъ нибудь образомъ избавишься; а сіи болѣзни живутъ во внутренности швоей, въ жилахъ и костяхъ швоихъ „ — — „ Перестань! перестань! „ вскричалъ я: „никогда не пойду я по этой дорогѣ; я умру прежде, нежели спуплю хоща одинъ шагъ далѣе.“ Въ самомъ дѣлѣ я дрожалъ отъ ужаса, и какой помощи могъ я надѣяться отъ такой печальной и дряхлой душеводительницы? Между шѣмъ провела она меня на нѣсколько шаговъ впередъ, не смотря на мое сопротивленіе.

По шомъ вдругъ увидѣлъ я прекрасную молодую Нимфу, идущую ко мнѣ навстрѣчу. Одежда на ней была свѣтло-зеленаго цвѣта. Приятная улыбка разпространялась по лицу ея. Казалось, что шамъ произрастали цвѣты, гдѣ она сшупала. Я вырвался изъ рукъ старухи и спѣшилъ къ ней. Она приняла меня въ свои объятія. „Избавь меня, прекрасная Нимфа!“, вскричалъ я: „избавь меня, и проводи сквозь эшотъ шуманъ, ешьли ты знаешь дорогу въ землю благополучія.“ — „Знаю, отвѣчала она: „и поведу тебя по приятной дорогѣ. Мы пойдемъ по прелестнымъ лугамъ, украшеннымъ цвѣтами, и по цвѣшущимъ померанцовымъ лѣсамъ, распротраняющимъ вокругъ себя самой приятнѣйшій запахъ. Слухъ твой будетъ наслаждаться согласнымъ пѣніемъ птицъ, а вкусъ самыми лучшими плодами. Однимъ словомъ всѣ твои чувства безпрестанно будутъ услаждаемы. Небо всегда будетъ ясно, и пихой вѣтерокъ будетъ прохлаждать тебя. Не найдешь ты на пуши своемъ ни шерновъ, ни спремнинъ, и совершишь его столь щасливо, что никогда щасливѣе бышь не пожелаешь.“ — Какъ приятно было мнѣ сіе обѣщаніе! — „Прекрасная

красная Нимфа! я пойду съ побѣю и никогда отъ тебя не отстану. Можно ли мнѣ найти пушепроводительницу лучше тебя! Но скажи мнѣ, какъ ты называешься? — *Надеждою*, отвѣчала она. — А какъ называется та спаруха, копорая хотѣла вести меня по такой ужасной дорогѣ? „ — Она называется *Страхомъ*. — „ Не уже ли находишь она людей, копорые ввѣряются ея руководству? „ — Весьма немногихъ, отвѣчала Нимфа: „ да и тѣ по большей части бывають преспарѣлые, больные, задумчивые и угрюмые люди, копорыхъ кровь печетъ медлительно, непріятели всякаго веселія, заключающіе по нѣкопорымъ небольшимъ неудобствамъ, какіе вспрѣчаются имъ на дорогѣ, что и весь пушь ихъ будеть пруденъ и шягоспенъ. — „ Пусть же *страхъ* водишь ихъ, а я пойду за побою! „ вскричалъ я и хотѣлъ ийти за нею. Но тогда почувствовалъ я, что нѣкто взялъ меня за руку, дабы удержать, Оглянувшись назадъ, увидѣлъ я Генія, моего хранишеля. — „ Остановись, другъ мой! „ говорилъ онъ: „ не спѣши; ты знаешь, что поропливость не бываетъ полезна. „ — „ Какъ! сказалъ я: „ ты запрещаешь мнѣ слѣдовать руководству такой

такой пупеводительницы? „ — „ Нѣшѣ, опшвѣчалѣ онѣ, не оставляй эпой прекрасной Нимфы; пусть она ведетѣ шебя. Но только возми сѣ собою и шу спаруху, копорую шы прежде видѣлѣ. „

„ Какѣ! шу печальную и угрюмую спаруху, копорая — „

„ Выслушай меня! — Ештли шы пойдешѣ сѣ одною эпою Нимфою, шо она часшо будешѣ сводишѣ шебя на распущія. Она не рѣдко даешѣ волю пылкому свосму воображенію; общаешѣ шебѣ золошыя горы шамѣ, гдѣ шы ничего не найдешѣ; она поведешѣ шебя по пріяшнымѣ мѣшамѣ, окруженнымѣ шерновникомѣ и глубокими болошами; она будешѣ льспишѣ всѣмѣ швоимѣ склонношямѣ и любимымѣ желаніямѣ, будешѣ общашѣ шебѣ знашныя почешши, великое богатшство и самыя пріяшнѣйшія удовольствія; а послѣ; когда шы увидишѣ себя обманушымѣ, насмѣшся надѣ шобою, либо и совсѣмѣ оставишѣ шебя мучишельному раскаянію. „ —

(Окончаніе сообщено будетѣ въ слѣдуюшчемѣ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Окончаніе сновидѣнія.

„И такъ я не найду другихъ пупеводителей въ моемъ странствованіи, кромѣ мучительнаго *Страха* и обманчивой *Надежды*! „вскричалъ я: какъ же я несчастливъ! „

Нѣтъ, сынъ мой! продолжалъ Геній: ты ошибаешься. Провидѣніе весьма премудро даровало тебѣ обѣихъ сихъ пупеводительницъ вмѣстѣ. *Надежда* не всегда обманлива. Она обманывала бы тебя тогда только, когда бы ты слѣпо предался ея руководству; и для того дана тебѣ другая пупеводительница, *Страхъ*, которой заботливое попеченіе научитъ тебя благоразумной предосмотрительности и оспорожності. Я скажу тебѣ примѣръ, какъ онъ обѣ поступаютъ. *Надежда* скажетъ какому нибудь юношѣ, что онъ будетъ великимъ и славнымъ человекомъ, или молодой дѣвушкѣ, что она хороша и всѣми будетъ любима.

Естьли юноша или молодая дѣвушка одной ея послушающся, по первой будетъ щеславнымъ и гордымъ пунейдцомъ и не захочетъ стараться о способахъ сдѣлаться великимъ и славнымъ человекомъ; а другая будетъ стараться только объ украшеніи своего тѣла, не думая о душѣ. Но страхъ скажетъ имъ на ухо, что люди хощащіе сдѣлаться великими и славными находятъ тысячи препятствій, и что самое прекрасное лицо можешъ быть обезображено какою нибудь ядовитою болѣзною, или безчисленными другими приключеніями. Это научитъ ихъ благо-разумной осторожности: ои будутъ стараться приобрѣсти благородныя и любви достойныя свойства, которыя и славу и красоту превосходятъ, и такимъ образомъ приведутъ себя въ безопаснсть, хотя бы *Надежда* ихъ и обманула. — Купецъ нагружаетъ корабль. *Надежда* обѣщаетъ ему великую прибыль. Но *Страхъ* говоритъ ему, что корабль его можетъ разбиться о камень, либо попастся морскихъ разбойникамъ, и совѣтуетъ не вѣрять ему всего своего имѣнія. Хотя прибыль его будетъ меньше, нежели какой могъ бы онъ ожидать въ случаѣ благополучнаго возвращенія корабля; но въ про-

пропивномъ случаѣ будетъ онѣ одолженъ благоразумной оспорожності пѣмъ, что не всего имѣнія лишится.

„Все это очень хорошо, сказалъ я : „но кто покажетъ мнѣ предѣлы, далеко ли долженъ я послѣдовать руководству *Страха* или *Надежды*, чтобы не предаться ни мучительнымъ заботамъ перваго, копоры сдѣлали бы жизнь мою горестною, ни обманамъ послѣдней ?

Я дамъ тебѣ еще пугеководительницу отвѣчалъ Геній, подѣ надзираніемъ копорой можешь ты безопасно совершить свой путь. Она называется *Упованіемъ на Провидѣніе*, пекущееся безпрестанно о жизни нашей и безъ воли котораго ничего на землѣ не бываетъ. Слѣдуй всегда руководству пріятной Надежды и ожидай благополучныхъ дней : она будетъ подкрѣплять тебя когда ты начнешь колебаться, и ободрять, когда *Страхъ* захочетъ привести тебя въ уныніе. Но если ты примѣтишь, что она обѣщаетъ слишкомъ много, то не пренебрегай совѣсовъ недовѣрчиваго *Страха*, заставляющаго тебя осперегаться. Тогда жь продолжай смѣло путь свой ; подкрѣпляемъ будучи дѣтскимъ *Упованіемъ на Провидѣніе*. Оно будетъ исполнять тебя

спокойствіемъ и радостію на пуши пріятномъ , поддержишь и ушвердишь на пуши шрудномъ , поможешь тебѣ переходить чрезъ самыя высочайшія горы и уклоняешь отъ себя колючіе терны , и наконецъ приведетъ тебя въ пристанище , въ жилище вѣчнаго мира , гдѣ нѣтъ уже превожащаго *Страха* и обманчивой *Надежды*. Однако еще долженъ я тебѣ сказать , что сіе *Упованіе* не удостоиваетъ никого своимъ руководствомъ , кромѣ тѣхъ , чье сердце правдиво , добродѣтельно , благочестиво и постоянно ; чье жъ сердце заграждено недовѣрчивостію , враждою противъ Бога и ненавистію къ людямъ , отъ тѣхъ оно удаляется.

„ Гдѣ она ? вскричалъ я : „ гдѣ сія святая пушепроводительница ? покажи мнѣ ее ; я обниму ее , никогда отъ нее не отстану и пойду съ нею по пуши моему смѣло и мужественно между *Страхомъ* и *Надеждою* , „ — Явилась мнѣ женщина въ одеждѣ небснаго цвѣта . Сіяніе , которымъ она была окружена , вдругъ разсѣяло густой туманъ . Она подошла ко мнѣ и поддала мнѣ руку . Сердце мое исполнилось невиданною радостію . Въ семъ чувствованіи я проснулся и сновидѣніе мое прекратилось . Но радостное чувствованіе

спованіе осталось во мнѣ, купно съ швердымъ намѣреніемъ проводить жизнь мою съ упованіемъ на премудрое Провидѣніе и слѣдователь болѣе руководству Надежды, нежели Страху.

XX.

Достопамятное происшествіе случившееся въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона.

Многіе находятся въ пріятномъ для нихъ, но вредномъ заблужденіи, думая, что и всѣ дни своей жизни проведутъ они столь же безпечально и спокойно, какъ живутъ въ молодости, и не знаютъ, сколь нужно еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ добровольно отказываться отъ нѣжнаго образа жизни, дабы приготовить шло и духъ свой къ будущимъ тяжкимъ неудобствамъ и противностямъ, какія всякому случиться могутъ. Для шаковыхъ разкажемъ здѣсь происшествіе, случившееся съ молодымъ человѣкомъ, котораго ни знашное происхождение, ни богатство его родителей не могли защитить отъ противныхъ приключеній.

Джонъ Биронъ былъ сынъ весьма знашнаго Лорда и получилъ приспойное

состоянію своему воспитаніе. Онѣ хотѣлъ сколько возможно ранѣе начать служить своему опечествю и для того въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ посвятилъ себя морской службѣ. Первой его выходѣ въ море сопровождаемъ былъ такими несчастливыми и прошивными произшествіями, о которыхъ прежде, нежели онѣ случились, не возможно бы и подумать, чтобъ человекъ въ состояніи былъ ихъ снести. Терпѣніемъ, преданностію въ волю Божию и швердосію, человекѣлюбіемъ и рѣшимостію, оказанными въ сихъ обстоятельстввахъ, заслуживаетъ онѣ поставленъ бытъ въ примѣръ для молодыхъ людей.

На 17 году отъ роду отправился онѣ въ море на корабль, принадлежавшемъ къ той эскадрѣ, съ которою Лордѣ Ансонѣ въ 1740 году предпринималъ путешествіе вокругъ земнаго шара. Сей корабль столько оягощенъ былъ разными запасами, нужными для эскадры, что въ пути необходимо долженъ былъ опспавать отъ другихъ кораблей. Въ проливѣ ла-Мерѣ опсталъ онѣ отъ прочихъ кораблей, и вскорѣ попомѣ сильнымъ порывомъ вѣтра лишился задней мачты. Не смотря на то Капитанѣ хотѣлъ доплыть до острова Сокуро, надѣясь найти тамъ всю

всю эскадру. Всѣ прочіе офицеры опсовѣтовали ему сіе предпріятіе, опасаясь чшобѣ не пригнало ихъ вѣтромѣ къ Западному берегу Америки. Но онѣ пренебрегѣ ихъ совѣтѣ, почитая за должность исполнить свое намѣреніе и по шому, что опасность казалась ему не столь великою и очевидною, какѣ другимѣ.

Скоро, но уже поздно, увѣрился онѣ вѣ своей ошибкѣ, и приказалѣ, чшобѣ спарались удалиться отѣ берега. Но всѣ шруды были тщетны. Кораблѣ попалѣ на дно, и путешественники были нѣсколько времени вѣ ужаснѣйшемѣ положеніи, не зная что предпріятѣ. Случилось сіе ночью и руль при первомѣ ударѣ былѣ поперянѣ.

Г. Биронѣ имѣлѣ при шомѣ случай наблюдать различныя дѣйствія производимыя спрахомѣ. Нѣкоторые изѣ путешественниковѣ совсѣмѣ лишились ума. Одинѣ изѣ нихъ ходилѣ по палубѣ, махалѣ своимѣ палашемѣ и называлѣ себя царемѣ шамошной земли. Другіе сидѣли или стояли какѣ бы окаменелые, лишившись употребленія языка. Немного оспавалось такихѣ, которые сохранили употребленіе разсудка и чувствѣ, и между сими молодой Биронѣ особенно опличался.

По томѣ старались подвести корабль по крайней мѣрѣ столь близко къ берегу, чтобѣ люди могли спасти жизнь свою. Сіе удалось имѣ; они ввели корабль въ отверзшіе между двухъ камней и ушвердивши остальныя мачты, остановились въ семѣ положеніи.

При наступленіи дня спущены были боши, и путешественники всѣ переѣхали на берегѣ. Но состояніе ихъ шѣмѣ не поправилась; ибо тамошняя земля была почти страшнѣе самаго моря. Все, что они обозрѣшь могли, было дико и пусто; нигдѣ не видно было ничего годнаго человѣку въ пищу. Они переправились на берегѣ не ѣвши уже двои супки; а весь сѣѣспной запасѣ, копорой могли они собрать, состоялѣ изѣ 2 или 3 фунповѣ сухарныхъ крошекѣ, одного гуся и небольшого количества дикой селлереи; скудной завтракѣ для 140 человѣкѣ, копорые уже 48 часовѣ постились!

Издалека могли они видѣшь Кордиллерскія горы, но не знали еще о себѣ, на островѣ ли они находяшся, или на матерой землѣ въ Америкѣ. Не только земля, но и море, доставляющее въ иныхъ мѣстахѣ пищу небережнымѣ жищелямѣ, было тамѣ бесплодно. Нужда ихѣ въ

въ корошкое время шакъ увеличилась, что они почипали за лакомство и самыхъ хищныхъ пшицъ, которыя прилъшали шуда пожирать шъла ушопшпхъ.

Нъкоторыя Индйцы приплывали къ нимъ въ лодкахъ и привозили имъ нъ-сколько сѣшсныхъ припасовъ; шакже удалось имъ и сѣ корабля взять небольшое количество оныхъ. Но невѣрность большей части корабельныхъ служишелей вскорѣ лишила ихъ и сея малой помощи и ввергла въ крайнее бѣдствіе. Сіи безчеловѣчные взбуншовались противъ своего капишана, перешали ему повиноваться, завладѣли большимъ бопомъ и уѣхали на немъ, взявши сѣ собою весь сѣшсной запасъ, кошошой свезенъ былъ сѣ корабля. — Биронъ будучи весьма любимъ всѣми корабельными служишелями, старался уговорить ихъ, чшобъ они возврапились къ своей должности, или по крайней мѣрѣ не увезли сѣ собою всѣхъ сѣшсныхъ припасовъ. Но какъ стараніе его было бесполезно, шо онъ хотѣлъ лучше прешерпѣвать бѣдствіе сѣ оставленными, нежели уѣхашъ вмѣстѣ сѣ сими жестокосердыми буншовщиками. И шакъ они отправились безъ него, и послѣ не было уже о нихъ никакова извѣстія.

Оставленныхъ было числомъ около 20 человекъ. Они узнали, что находясь на островѣ лежащемъ при Западномъ берегѣ Магелланской земли. Нужда ихъ была несказанно велика и день отъ дня еще увеличивалась, Слѣдующее приключеніе можетъ дать нѣкоторое о томъ понятіе. Биронъ нашелъ маленькую Индійскую собачку, которая въ короткое время такъ привыкла къ нему, что никогда отъ него не отспавала. Въ одинъ день пришли къ нему въ палатку нѣсколько корабельныхъ служителей и говорили ему, что имъ должно либо съѣсть его собачку, либо умереть съ голоду. Биронъ употреблялъ все возможное стараніе упросить ихъ, чтобы они оставили его собачку; но тщетно: они взяли ее силою и убили. Онъ принужденъ былъ съѣсть вмѣстѣ съ ними и ѣсть мясо любимого своего звѣрка. Чрезъ три недѣли по томъ, радовался онъ, нашедши на томъ мѣстѣ, гдѣ собачка была убита, полустгнившія лапы ея и кожу, и употребилъ ихъ въ пищу.

Слѣдующее обстоятельство также можетъ дать понятіе о чрезвычайной нуждѣ, какую они претерпѣвали: нѣкто изъ нихъ, по имени Фипсъ, поймалъ бочку

ку

ку и придѣлавши къ обоимъ бокамъ ея по куску дерева, употреблялъ ее вмѣсто судна и выѣзжалъ въ ней на море, дабы ловить дикихъ морскихъ пещицъ. Можно представить, сколь шрудна и опасна была такая ловля.

Капитанъ вознамѣрился, еслили возможно будетъ, доѣхать до острова Хилое. Но сіе путешествіе было продолжительно и опасно; а они не имѣли никакихъ судовъ, кромѣ одной барки и небольшой лодки. Однако жъ на что не отважился шопъ, кому должно выбирать одно изъ двухъ — либо подвергнуться опасности, либо необходимо умереть съ голоду? — И такъ они отправились въ путь. Но чрезъ два мѣсяца, борясь щещно съ безчисленными и ужасными шрудностями, увидѣли себя принужденными возвратиться къ тому же острову, ибо имъ не возможно было обѣхать около мыса. На семъ шрудномъ и опасномъ путешествіи лишились они лодки и четырехъ своихъ товарищей.

Вскорѣ по возвращеніи ихъ приплыли къ нимъ въ двухъ ботахъ нѣсколько Индійцовъ, жившихъ недалеко отъ острова Хилое. Между ими находился Кацикъ ихъ, или предводитель, съ которымъ
Англи-

Англичане договорились отдать ему барку свою и все желѣзо, какое удалось имѣ, свезши съ корабля, ещѣли онѣ проведетѣ ихѣ по шѣмѣ заливамѣ, по которымѣ самѣ онѣ къ нимѣ приплылѣ. И такѣ въпорично отправились они въ пушѣ; но тогда было ихѣ уже только принащашъ человекѣ.

Можетѣ бытѣ никогда не бывало другога пушешествія подобнаго сему въ шрудности и опасности. Пушешественники наши спараясь плытѣ вверхѣ противѣ теченія быспрой рѣки, такѣ обезсилѣли отѣ усталости и голода, что одинѣ изѣ самыхѣ сильныхѣ между ими упалѣ съ кормы, совсѣмѣ изнемогши. Капишанѣ имѣлѣ у себя большую часть мяса, оставшуюся отѣ морскаго пеленка; однакѣ привычка къ нуждѣ сдѣлала его столько жестокосердымѣ, что онѣ не хотѣлѣ датѣ ни одного куска сему несчастному для подкрѣвленія. Напрошивѣ того Биронѣ, у котораго было въ карманѣ нѣсколько мелкихѣ сушеныхѣ рыбокѣ, клалѣ по одной изѣ нихѣ ему въ ротѣ; но онѣ не сохранилѣ шѣмѣ его жизни, а только продолжилѣ страданіе.

Сшараніе ихѣ плытѣ вверхѣ противѣ теченія рѣки было бесполезно. Капишанѣ,

Биронъ и еще шрое изъ пупешественниковъ вышли нѣкогда на берегъ, чтобъ искасть себѣ чего нибудь въ пищу и опважились ходишь по шопкимъ болошамъ, гдѣ они при каждомъ шагѣ по колѣно въ грязь онускались. Между шѣмъ шесшперо изъ ихъ спупниковъ оспававшихся на баркѣ съ однимъ Индѣйцомъ, завладѣли баркою и опваливши опъ берега, оспавили капипана съ его шоварищами въ самомъ безпомощномъ состояніи.

Всѣ прешерпѣнныя ими прешде прошивности казалась имъ ничего незначашими въ сравненіи съ шогдашнимъ ихъ состояніемъ. Но самое сіе опчаянное состоиніе было началомъ ихъ избавленія и долженствовало служишь имъ доказашельствомъ неизслѣдимыхъ пупей Провидѣнія.

Сидя безъ всякаго упѣшенія и надежды и не воображая себѣ никакова инаго способа къ избавленію, кромѣ смерти, увидѣли они Индѣйцовъ пывущихъ въ лодкѣ, и дали имъ знакъ, чтобъ они пристали къ берегу. Имъ удалось склонишь сихъ дикихъ къ шому, чтобъ они взяли ихъ съ собою и провезли вверхъ по рѣкѣ. На легкой лодкѣ можно было пывшь прошивъ шеченія рѣки, а шяжелая барка была совсѣмъ къ шому неудобна.

удобна. И такъ невѣрность ихъ спутниковъ и потеряніе барки послужили первымъ способомъ къ ихъ избавленію.

Однако опасность ихъ еще не миновалась. Мѣста, къ копорымъ они приспавали, были болошисы и совсѣмъ пусты. — Къ трудностямъ пупи и къ голоду, которой они всегда должны были перпѣть, присоединились еще другія безпокойства, копорыхъ одно только описаніе мерзитъ нѣжному человѣку; а имянно, Биронъ и прочіе его товарищи, носивши уже нѣсколько мѣсяцовъ одно плашье и одну рубашку, принуждены были много прешерпѣвать отъ гадинъ, обыкновенно отъ того заводящихся.

По перенесеніи безчисленныхъ трудностей и безпокойствъ, наконецъ нашли они дорогу, по которой должны были итти пѣшкомъ. Всякому изъ нихъ надлежало что нибудь нести. Бирону досталось нести мокрую и тяжелую парусину и сверхъ того часть вонючаго мяса, принадлежавшую Капшану. Дорога сія лежала чрезъ густой лѣсъ, по топкому болоту, гдѣ они почти при каждомъ шагѣ по колѣно въ грязь опускались.

Въ семъ ужасномъ мѣстѣ Биронъ опсталъ отъ своихъ товарищей упавши съ

пня въ глубокую тину, въ которой онъ едва не попонулъ. Онъ бросилъ свою ношу, дабы догнать своихъ поварищей, Но какъ онъ догналъ ихъ, то Капитанъ бранилъ его за то, что онъ потерялъ его мясо и Биронъ долженъ былъ воропиться назадъ за своею ношею. Вскорѣ по томъ, какъ онъ возвратился къ нимъ и отдалъ имъ вонючее мясо, отспалъ отъ нихъ въ другой разъ и совсѣмъ потерялъ ихъ изъ виду. — Изнемогши отъ голода и шрудной ходьбы, заснулъ онъ при наступленіи ночи весьма крѣпко. На другой же день проснувшись, услышалъ въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи человѣческія голоса и увидѣлъ шалашъ. Онъ хотѣлъ войти туда, но получилъ нѣсколько ударовъ въ лицо и не былъ впущенъ.

Черезъ нѣсколько времени впустили его въ шалашъ, и какъ дикіе, которыхъ онъ тамъ нашелъ, не имѣли постоянного жилища, то онъ долженъ былъ състѣ съ ними въ лодку и ѣхать. При наступленіи ночи пристали они къ берегу, втащили свою лодку на землю и въ ту же минушу ушли. Бѣдной Биронъ остался одинъ въ темношѣ и въ пустомъ мѣстѣ подъ сильнымъ дождемъ.

Въ слѣдующее утро дикіе опять взяли его съ собою въ лодку и приспали въ другомъ мѣстѣ, гдѣ можно было надѣяться удачной рыбной ловли, особливо жъ на берегу лежало много усприцѣ. Биронъ хотя былъ весьма голоденъ, однако шоропился только собирать ихъ, дабы не потерять времени, и набралъ полную шляпу, пока дикіе опять съѣли въ лодку. По томъ уже началъ онъ утолять свой голодъ. Но какъ онъ съѣвши усприцу, бросилъ раковину въ воду, то дикіе вдругъ на него разсердились, били его весьма больно и хотѣли выбросить изъ лодки. Вѣроятно, что они по суетвѣрію почитали за грѣхъ бросать раковины въ море.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Достопамятное происшествіе , случившееся
въ жизни Анелійскаго Адмирала Бирона.*

(Окончаніе .)

Спустя нѣсколько дней послѣ шого Биронъ несчастливѣмъ случаемъ нашелъ своихъ поварищей. Они были въ такомъ бѣдственномъ состояніи , что едва уже на людей походили. Одинъ изъ нихъ умеръ; а другой приспалъ къ царши Индійцовъ и ушелъ съ ними.

Чрезъ три дни по томъ наконецъ доѣхали они до острова Хилое и приспали къ нему съ великою опасностію. Сіе случилось въ Іюнь мѣсяцъ , когда въ тамошнихъ странахъ бываетъ зима. Казалось , что тогда бѣдствіе ихъ уже кончилось. — Индійцы , жившіе на семъ островѣ , приняли ихъ съ ласковостію и сожалѣніемъ ; всякой спѣшилъ чѣмъ ни-

буди помочи нещаснымъ странникамъ. Они жь были столь голодны, что цѣлой день ничего не дѣлали, какъ только ѣли. Г. Биронъ рассказывалъ о себѣ, что прешерпѣнной голодъ сдѣлалъ въ немъ такое впечатлѣнiе, что онъ нѣсколько мѣсяцовъ имѣлъ привычку хватать и прятать въ карманъ всякое сѣбѣстное, какое только ему попадалось.

Не нужно рассказывать здѣсь, что въ послѣдствii съ ними случилось. Довольно упомянуть только о томъ, что они переходивши изъ одного Испанскаго селенiя въ Америкѣ въ другое, наконецъ нашли случай возвратиться въ Европу, и въ началѣ 1746 года благополучно прибыли въ Лондонъ.

Сей же Г. Биронъ предпринималъ послѣ путешествiе около свѣта, на которомъ Провидѣнiе сохранило его отъ нещасiй, дабы въ послѣднюю войну употребить храбрость его и опытность къ защищенiю его отечества.

XX.

Щастіе отъ нещастія. Англійская повѣсть.

Щастіе и нещастіе весьма близки одно къ другому. Люди часто почишаютъ себя самыми нещастнѣйшими, когда нещастіе ихъ уже кончится. Твердость облегчаетъ прошивную участь; напрошивъ того опчаяніе дѣлаетъ ее тягоснѣе и производитъ шакое зло, котораго никогда уже поправитъ не можно.

Милордъ Дамби имѣлъ доброе, нѣжное и великодушное сердце. Онъ преудреждалъ нужды ближняго, и какъ скоро узнавалъ о комъ нибудь, что онъ въ бѣдность приходитъ, то спѣшилъ уже помогать ему. Упохребляя такимъ образомъ свои богатства, находилъ онъ въ нихъ пріятность. Но дѣлая другихъ щастливыми, самъ онъ не былъ щастливъ. При всей своей знатности и при всемъ богатствѣ, чувствовалъ онъ въ сердцѣ своемъ печальную пустошу; оно желало наполниться дружбою. Милордъ Дамби думалъ нѣкогда, что нашелъ друга, но обманулся. Онъ спасъ одного нещастнаго отъ поношенія и нищеты, почиая его достойнымъ лучшей участи. Но сіе

неблагодарное чудовище, вошедши посредством его въ милосѣрдіе у одного министра, оклеветало своего благодѣшеля въ весьма важномъ дѣлѣ, и чрезъ то лишило его значнаго достоинства, которое было ему назначено.

Сіе приключеніе довело Милорда Дамби до крайности. Тайная задумчивость, къ которой онъ отъ природы былъ склоненъ, снѣдала его. Вѣроломство измѣнника умножило сію несчастную склонность. — Нѣкогда поздно въ вечеру вышелъ онъ изъ своего дому, не давши никому о томъ знать, и ходилъ по Лондонскимъ улицамъ. Уединеніе и тусклой свѣтъ отъ фонарей умножали мрачность мыслей его. Ему казалось невозможнымъ сносить долге бремя жизни. Печаль терзала его сердце. Не могъ онъ терпѣть сообщества людей, почиая всѣхъ ихъ подлецами и измѣнниками. Въ такомъ разположеніи смерть казалась ему единственною надеждою и прибѣжищемъ. Сія ужасная мысль вдругъ его успокоила. Обманувшись мнимымъ симъ спокойствіемъ, сравнивалъ онъ свое состояніе съ состояніемъ невольника, которой спрдавши подъ бременемъ оковъ, наконецъ засыпаетъ въ шестъ вечеръ, въ которой онъ освобожденъ

денѣ бытъ долженѣ. Твердо рѣшившись въ своемѣ предпріятіи, шелъ онѣ по улицѣ, ведущей къ рѣкѣ Темзѣ; шоропился ишпи и радовался приближаясь къ рѣкѣ.

Одинѣ купецѣ, по имени Книгсшонѣ, шелъ въ опчаяніи по той же улицѣ и съ шѣмѣ же намѣреніемѣ. Занявшись спрашными своими мыслями и при слабомѣ свѣшѣ въ темную ночь не могли они прежде увидѣшь другѣ друга, пока не сполкнулись. Съ неперпѣливостію и яростію опшолкнули они другѣ друга. Но чрезѣ минушу по шомѣ опяшь сошлись вмѣспѣ. Досадуя на препяшствіе въ своемѣ намѣреніи, упрекали одинѣ другога. Оба они скоро догадались, что идущѣ по одной дорогѣ, и какѣ присушствіе свидѣшеля обѣимѣ было несносно, шо оба спарались удвоить свою поспѣшность, чтобѣ уйти другѣ опѣ друга. Они хотѣли обойши однимѣ перулкомѣ, и къ великой досадѣ еще встрѣпились. Милордѣ Дамби не могѣ понять, для чего сей незнакомой споль упрямо его преслѣдуешѣ. Книгсшонѣ съ своей спороны, примѣтивши при свѣшѣ опѣ фонарей богатое Лордово плашье, не могѣ вообразить себѣ, чтобѣ человекѣ шакова соспоянія шелъ шуда же, куда его оп-

чаяніе вело. И такъ оба они подозрѣвали, что одинъ другога преслѣдуешъ изъ любопытства. Они спрашивали съ гнѣвомъ другъ друга, и такъ же ошвѣщствовали.

Наконецъ взошли они на мостъ чрезъ рѣку Темзу. Милордъ потчасъ подошелъ къ периламъ; осматривалъ по мѣсто, куда хотѣлъ броситься; но рѣка въ томъ мѣстѣ казалась ему не глубока, и онъ пошелъ далѣе. Книгстонъ по же примѣтивши, слѣдовалъ за нимъ. Оба они пришли на средину мосту, и оба остановились, чтобъ дать другъ другу время пройти. Вышедши изъ перпѣнія, обвиняютъ другъ друга въ мысляхъ своихъ наглостію и принимающъ намѣреніе наказать одинъ другога. Милордъ Дамби первой началъ говорить. „Для чего ты нейдешь своею дорогою?“ спросилъ онъ. „Я тебѣ не препятствую, отвѣчалъ купецъ: „я пришелъ уже, куда мнѣ надобно.“ — „И я также, сказалъ Милордъ: „но за чѣмъ ты сюда пришелъ?“ — „Какая тебѣ въ томъ нужда?“ отвѣчалъ Книгстонъ голосомъ опчаяннымъ: „или хочешь ты исполнить мѣру злосчастія моего, и не допустишь меня сдѣлать ему

ему конецъ? Каждой вопросъ швой похитаетъ только у меня время. Ты продолжаешь жязнь мою и бѣдствіе. Не жаловаться пришелъ я сюда, но умереть! „

Выговоривъ сіи слова хотѣлъ онъ броситься въ рѣку. Милордъ Дамби хотя самъ по же намѣренъ былъ сдѣлать, но удержалъ его. Книгшпонъ старался вырваться изъ рукъ его; грозилъ ему, упрашивалъ, чтобъ онъ не препятствовалъ ему исполнить свое предпріятіе. Однако Милордъ держалъ его крѣпко, и спрашивалъ о причинѣ его опчаянія. Тайное сожалѣніе заставляло его стараться узнать о томъ. Онъ увѣрялъ Книгшпона съ клятвою, что дастъ ему свободу умереть, естли узнаешь, что онъ справедливую имѣетъ причину желать смерти, и открылся ему, что самъ онъ пришелъ туда съ тѣмъ же намѣреніемъ. Книгшпонъ уставши отъ многихъ тщесныхъ покушеній освободиться, и находя нѣкошорое утѣшеніе въ сожалѣніи, какое незнакомой ему оказывалъ, пересталъ жаловаться на сіе принужденіе и старался оправдать свое предпріятіе слѣдующими словами:

„Изъ благополучнаго сосшоянія низверженъ я въ бездну опчаянія, въ кошорой вы шеперь меня находите. Напоми-

наніе прежняго моего благополучія дѣла-
ешъ нынѣшнія мои обстоятельства еще
несноснѣе. Совсѣмъ неожиданныя банкрот-
ства разорили меня, и даже лишенъ я
надежды поправитъ когда нибудь мое со-
стояніе. Я принужденъ нарушитъ мое
слово и не могу заплашитъ моимъ займо-
давцамъ. Я извѣстенъ былъ многимъ съ
добрый стороны; вѣрность моя, честность
и точность въ опправленіи дѣлъ приобрѣ-
ли мнѣ отъ всѣхъ почтеніе: меня пред-
ставляли въ примѣръ молодымъ купцамъ.
Завтра доброе имя мое погибнетъ. — Я
вовлеку въ гибель мою многихъ не-
щасливыхъ людей. Они по справедливости
будущъ винитъ меня въ своемъ бѣдствіи.
Никто не повѣритъ моей невинности, бу-
дущъ почтять меня порочнымъ, и весь
свѣтъ будетъ меня презирать. Могу ли
я снести то? — Я свергаю съ собою
въ гибель добродѣтельную супругу, ко-
торою былъ я щасливъ, и любви до-
стойную дочь. — Мнѣ не позволено бу-
детъ утѣшать ихъ. Въ мрачной темни-
цѣ оплакивалъ бы я ихъ злощастіе, и
невозможность избавитъ ихъ отъ онаго
увеличивала бы собственное мое спрданіе.
Нещасная супруга! нещасная дочь! Я
оставилъ ихъ въ горести — въ ихъ
объяс.

объявляхъ принялъ я ужасное намѣреніе умереть. Я принужденъ былъ обмануть ихъ и сказать имъ, что иду искапать еще какихъ нѣбудь способовъ къ нашему избавленію. — О небо! онѣ не знаютъ, что видѣли меня уже въ послѣдній разъ. Онѣ льстятся еще тщетною надеждою. Но скоро уже надежда ихъ исчезнетъ. Какъ будешь онѣ шептать, когда пройдетъ послѣдній часъ, въ которой общалъ я возвращаться! — Чтожь будетъ съ ними, когда они услышатъ — Ахъ Милордъ! дай же мнѣ свободу сдѣлашь конецъ опочающему моему соспоянію! „

Милордъ Дамби весьма прокушъ былъ сею рѣчью; сожалѣніе и ужасъ попеременно вселялись въ его сердце. Онъ держалъ еще Книгспона. „Нѣтъ! вскричалъ онъ: „не умирай! останься живъ для своей супруги и для дочери, которой нужна твоя защита! Благодарю небо за то, что я себя здѣсь нашлъ. Оставъ ужасное свое предпріятіе. Ты имѣешь права произвести его въ дѣйство. Уронъ, претерпѣнной тобою, можно наградить. Твое несчастіе удобно можно отирашить. Противъ моего только несчастія нѣтъ способовъ. Я искалъ здѣсь смерти; но хочу оплощить мое намѣреніе на нѣсколь-

ко минушѣ. Сіи минушы употреблю на то, чшобѣ воспановишь швое спокойствіе. Я хочу умереть съ шѣмѣ ушѣщеніемѣ, что и при самой смерти сдѣлалѣ я чедовѣка щасшливымѣ. Тебѣ послѣднему сдѣлаю добро. Люби меня и вспоминай иногда обо мнѣ. — Пойди за мною! Супруга швоя и дочь плачущѣ: пора уже пресѣчь источникѣ слезѣ ихѣ. Пойди за мною и возьми у меня сколько надобно, чшобѣ заплашишь всѣмѣ швоимѣ займодавцамѣ. Минушы для меня дороги. Ночь къ концу уже приближается, а мнѣ должно еще до восхожденія солнца скончашь жизнь мою и нещасшіе. „

Книгсшонѣ блѣлъ внѣ себя отѣ удивленія и радости; не зналъ онѣ, вѣ самомѣ ли дѣлѣ все это съ нимѣ происходишь, или только во снѣ ему видишь; смотрѣлъ на Лорда съ безпокойствомѣ; страхѣ и надежда владѣли имѣ попеременно. Между шѣмѣ Мѣлордѣ Дамби принудилѣ его итти за собою. Онѣ вводяшѣ его вѣ свою комнату, открываешѣ записную книжку и даешѣ ему весьма значную сумму. Книгсшонѣ не можешѣ уже болѣ сомнѣваться вѣ своемѣ щасшіи. Множество чувствованій дѣлаешѣ его безмолвнымѣ; но самое сіе молчаніе выражаешѣ

все то, что могъ бы онъ сказать. Сердце его освобождается отъ несноснаго бременя. Наконецъ приходитъ онъ въ себя и какъ бы новую жизнь получаетъ; начинаетъ говорить, и говоритъ о своей благодарности, о своей радости, о восхищеніи своего семейства; онъ смотритъ на благодѣяніе Лордова; удивленіе его умножается; онъ хочетъ отдать половину денегъ, по тому, что и половины для него было уже довольно. Но великодушной Лордъ принуждаетъ его взять все, для предосторожности отъ другаго несчастія, могущаго впредь случиться. „Вы можете въ другой разъ прийти въ такія жь обстоятельства, говоритъ онъ: „и я не буду уже въ состояніи помочь вамъ. Я не могу лучше употребить моего богатства; оно еще не истощено, и скоро будешь мнѣ совсѣмъ бесполезно. „

Сіи слова весьма опечалили благодарнаго Книгсфона. Онъ проситъ небо, чтобъ оно возвратило спокойствіе столь великодушному человѣку, отвело бы его отъ сего страшнаго намѣренія и дало бы ему самому вкусить то удовольствіе, какое онъ другимъ доставляетъ. Книгсфонъ пренецетъ, помышляя о предпріятіи Лордовомъ и закликаетъ его оное осн-
вить.

вишь. Не ужели такая добродѣтель, такое великодушіе и челоувѣколюбіе должны полько на короткое время между людьми являться? Онѣ упрасиваетѣ Лорда, чтобѣ онѣ оспался на свѣшѣ, либо взялъ бы обратно свой подарокѣ; грозитѣ самѣ лишитѣ себя жизни вмѣстѣ съ нимѣ Милордѣ Дамби напоминаетѣ ему о его обязанностяхѣ и о помѣ, чѣмѣ онѣ семейству своему долженѣ. Книгспонѣ плачетѣ и упадаетѣ къ ногамѣ его.

Между тѣмѣ какѣ спорѣ сей продолжался, ночь прошла. Взошло солнце, и сіяніе его прошивно было глазамѣ Лорда. Онѣ желалѣ, чтобѣ возвратилась пма ночная и упрекалѣ Книгспона тѣмѣ, что для него потерялѣ онѣ споль драгоцѣнное время. „И пакѣ вы неупросимы! вскричалѣ Книгспонѣ со слезами: „что мнѣ дѣлать? я вамѣ уступаю. Не хочу болѣе оспоривать ужаснаго вашего предпріятія. Но окажите мнѣ еще благодѣяніе, которое будетѣ для меня дороже всего того богатства, которымѣ вы меня одарили. Милордѣ! ошложите на день ваше предпріятіе, на одинѣ день — вы должны на это согласиться. Сей день будетѣ самой щасливѣйшей вѣ моей жизни. Моя фамилія должна увидѣть великодушнаго своего благодѣтеля, и вы должны принять

благо-

благодарность отъ тѣхъ, которые всѣмъ вамъ обязаны. Проведите вмѣстѣ съ нами нѣсколько минутъ той щасливой жизни, которую вы намъ возвратили. Будьте свидѣтелемъ всего благополучія; оно будетъ увеличено вашимъ присутствіемъ. Позвольте мнѣ показашь женѣ моей и дочери шого, кто возвращаетъ имъ супруга и отца. Милордъ! пойдемте со мною: вы увидите прехъ человекъ ошаспливленнхъ вашими благодѣніями; такое зрѣлище достойно васъ. „

Милордъ Дамби не можетъ прошившись сей прозѣбѣ. Убѣжденія Книгспоновы его пронули. Онъ началъ примиряться съ человѣчествомъ; радовался, что нашелъ наконецъ чувствительное сердце, и воздыхалъ о томъ что нашелъ его столь поздно. Хотя и спѣшилъ онъ лишиться жизни, однако желалъ прежде увидѣть добродѣтельное семейство. И такъ пошелъ онъ съ Книгспомомъ, заклиная его, чтобъ онъ не давалъ никому знать о непрѣнномъ его намѣреніи.

Книгспонова супруга, Гжа. Бешпи, и дочь его, дѣвица Нанси, проводили ночь въ слезахъ и молишвѣ. Онъ не переспавали умоляшъ небо о спасеніи супруга и отца ихъ; онъ просили шолько, чтобъ

оно даровало ему потребную твердость для перенесения несчастия, переменны же печальных своих обстоятельств и надеяться уже не смѣли. — День наступилъ, а Книгсмонъ еще не возвратился. Новое безпокойство присоединилось къ страшнымъ и хъ обстоятельствомъ. — Спустия нѣсколько времени слышали онѣ небольшой шумъ; отворилась дверь, и Книгсмонъ вошелъ, съ Милордомъ Дамби. Но Бешпи и Нанси, углубившись въ печали, не примѣтили Лорда; онѣ никого не видѣли кромѣ Книгсмона, и старались узнать по лицу его, чего спрашиваться или надеяться имъ надлежало.

Книгсмонъ бросился въ ихъ объятія. „Радуйтесь! вскричалъ онѣ: „мы избавлены. Благодарите за то небесамъ и упадите къ ногамъ нашего избавителя, копорой всемъ намъ благополучіе возвращаетъ. „ Все они упали къ ногамъ своего благодѣтеля. Тщетно старается Милордъ удержать ихъ отъ того; онѣ цѣлуютъ его руки и омочаютъ ихъ слезами. Самъ онѣ принужденъ былъ заплакать. Ничего не слышно было кромѣ вздоховъ и перерываемыхъ словъ, копорыя однако болѣе выражали, нежели самыя связныя

связныя рѣчи. „Вы мнѣ супруга возвращаете! — Вы отца мнѣ возвращаете! — Милордъ! великодушной Милордъ! — „

Лордъ почувствовалъ тогда въ первый разъ всю цѣну жизни, Столь нѣжныя и восхищительныя чувствованія прежде не были еще ему извѣстны. Онъ радовался, что прожилъ до сего времени, дабы наслаждаться такою пріятностію; ощущалъ удовольствіе во внутренности своего сердца, и узналъ живо, что доброй человекъ можетъ во благополучіи другихъ находить и свое щастіе.

Книгспойъ спѣшилъ по томъ привести въ порядокъ свои дѣла, которыя не терпѣли отсрочки. Всѣмъ своимъ знакомымъ, которые съ нимъ встрѣчались, рассказывалъ онъ о своемъ щастіи; желалъ бы онъ, чтобъ весь свѣтъ узналъ о щедрости его благодѣтеля и его благодарности. Всѣ желали ему добра, всѣ прежде о немъ сожалѣли, и всѣ принимали тогда участіе въ его благополучіи. Онъ окончалъ дѣла свои со всевозможною поспѣшностію и скоро возвратился домой. Жена и дочь его были съ Милордомъ, которой думалъ, что онъ преселенъ совсѣмъ въ новый міръ и не переставалъ удивляться

Книгстону и его супругѣ. Особливожь Нанси привлекла на себя его вниманіе. Слезы, копорья она проливала, возвышали ея красоту и непришворные выраженія ея благодарности производили въ сердцѣ его смущеніе и удовольствіе. Все ему ласкало и все погда было для него важно.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

XXI.

Дикая яблонь. Басня.

Въ пустомѣ пнѣ дикой яблони поселились пчелы. Онѣ наполнили его своимѣ медомѣ. Яблонь возгордившись шѣмѣ, начала презирать всѣ другія дерева.

„Какая глупость, сказалѣ ей розовой кустѣ, гордишься чужою сладостью! Плоды швои такѣ же кислы и прошивны, какѣ и прежде. Сдѣлай, ешьяли можешь, чшобѣ они были сладки, и погда-шо человекѣ будешѣ шебя благословляшѣ!“

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣд-
немъ листѣ.*

Для благодѣтельной души нѣшѣ
большаго удовольствія, какъ вспомошество-
вать спраждущей добродѣтели и честности.
День прошелъ весьма скоро для Лорда,
шакъ, что онъ удивился, примѣшивши
вдругъ, что вечеръ уже наступилъ. При-
ближался шопѣ часъ, въ кошоромъ онъ
уйши былъ намѣренъ. Книгшонъ ожидалъ
сего часа съ горестію; онъ опдалъ бы
жизнь свою за то, чтобъ время шекло
медлишельнѣе. Милордъ шакже приходилъ
въ смущеніе, кошорое и на лицѣ его
оказываться начинало. Книгшонъ, не
спуская съ него глазъ, примѣшилъ сію
перемѣну въ его лицѣ, и почишалъ ее
слѣдствіемъ мрачныхъ мыслей, какими
благодѣшель его занимался. Онъ помнилъ,
что Лордъ опложилъ свое предпріятіе
на одинъ шолько день; ночь наступала —
приближилось шо время, въ кошорое над-
лежало ему навѣки съ нимъ разшашься.

„Я никогда уже его не увижу!“, подумалъ онъ, и слезы полились изъ глазъ его. Нанси скоро по примѣшила и пошчасъ обратила на Лорда безпокойные свои взоры; она не совсѣмъ еще ободрилась послѣ жестокой своей судьбы; все еще въ страхъ ее приводило, и боязливость ея искала защиты. Въ ту самую минушу Милордъ Дамби рѣшился итти. Она видѣла, какова это принужденія ему сповало. „О небо! вскричала она: „башюшка плачетъ, Милордъ въ смущеніи — что это значить?“, — „Не могу удержаться! вскричалъ Книгспонъ: „не могу долѣе умалчивать спрашной пайны, которая сердце мое опягощаетъ — Нѣтъ, Милордъ! не могу скрывать ее долѣе въ себѣ! Бешши! Нанси! естлибъ вы знали — Въ прешедшую ночь видѣли вы, въ какое состояніе приведенъ я былъ моимъ несчастіемъ; вы знали какой ужасной участи ожидать мнѣ надлежало; но вы еще не знаете, что я предпринялъ. Слѣпое опчаяніе вело меня къ Темзѣ — я готовъ уже былъ — о Бешши! о Нанси! я не могу ничего болѣе выговорить. —

Бешши и Нанси шрепешали минувшей уже опасности; онъ бросились въ его объятія, какъ бы спараясь удержать его отъ того предпріятія, которое онъ оставилъ

вилъ. „Плачьте, продолжалъ Книгстонъ, но не обо мнѣ; плачьте о семъ благородномъ Лордѣ, которой опвлекъ меня отъ краю гибели, а теперь самъ шуда повергнувшись хочеть. Онъ оспавляетъ насъ съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобъ умереть. — Милордъ, дражайшій мой благодѣтель! Провидѣніе послало васъ на помощь ко мнѣ — я надѣюсь, что Оно и меня шаковажь щаспія удостоитъ. Бешпи! Нанси! соедините ваши прозьбы съ моими! — Милордъ! послушайте голоса благодарности и нѣжности; мы закликаемъ васъ оспаться на свѣпѣ. Не разрушайте нашего благополучія; мы хопимъ лучше отказать отъ него, нежели васъ лишиться. Разсудите, сколько еще добра можете вы сдѣлать на свѣпѣ! Есть еще много несчастныхъ, кромѣ насъ; не уже ли хопите вы ихъ оспавить? „

Сія слова препровождаемы были слезами. Бешпи взорами своими подшверждала все то, что говорилъ ея мужъ; а Нанси еще убѣдительнѣе упрашивала Милорда. — „Милордъ! вскричала она: „Вы умереть хопите? Ахъ! для чего жь пришли вы сюда! для чего узнали мы великодушнаго нашего благодѣтеля, когда намъ лишиться его должно?

Милордъ Дамби молчалъ. Неудовольствие его на людей уменьшилось; видя предъ собою сполько добродѣтелей, не думалъ уже онъ о неблагодарности человѣческой. Наконецъ сказалъ онъ: „Успокойтесь; я хочу оспаться на свѣшѣ. Вы дѣлаете жизнь опять для меня пріятною. Книгспонъ! я опвелъ васъ отъ опчаяннаго вашего намѣренія; а вы увѣрили меня что дружба заславляетъ позабывать неблагодарность злыхъ людей. Мы избавили другъ друга. Теперь открывається мнѣ новое щасіе; я отъ васъ его ожидаю. Книгспонъ! Бепши! любви достойная дочь ваша можетъ сдѣлать меня щаспливымъ — „

Книгспонъ приведенъ былъ въ изумленіе сими словами. „Какъ, Милордъ! вскричалъ онъ съ восхищеніемъ: „Нанси можетъ сдѣлать васъ щаспливымъ? Благодарнелъ мой хочетъ быть моимъ сыномъ? О ешли красота не имѣетъ нужды въ знашности и добродѣтель въ богатствѣ, то благодарной опецъ опдаетъ вамъ ея руку. „ — „Дражайшая Нанси! вскричалъ Милордъ: „совершите мое щасіе вашимъ согласіемъ. „ Нанси опвѣчала ему шолько нѣжнымъ взоромъ и скрыла свое смущеніе и радость въ обѣщаніяхъ своей машери.

Бракосочетаніе вскорѣ совершилось, и сія щасливая фамилія жила по шомѣ наслаждаясь всемѣ шѣмѣ удовольствіемѣ, какое добродѣшель доставишь можешѣ.

XXIII.

Жаннотъ и Колинъ.

Жаннотъ и Колинъ учились вмѣстѣ читать у одного учителя. Жаннотъ былъ сынъ мѣщанина, которой торговалъ лошаками; а Колинъ бышею своимъ одолженъ былъ доброму земледѣльцу. Они весьма любили другъ друга, и шогда шолько видали ихъ веселыми, когда бывали они вмѣстѣ; когда жъ надлежало имъ разсшаваться, шо часто разсшавались со слезами.

Они вышли уже изъ дѣтскаго возраста, какъ въ одинъ день порпной принесѣ молодому Жанноту богатое шелковое плаше сѣ письмомъ опѣ его опца, на которомъ надписано было: *Господину Жаннотьеру.* — Колинъ удивлялся богатшому плашю, но не завидовалъ. Напросивъ шого Жаннотъ началъ сѣ шого времени слѣсивишься, что добросердечному Колину весьма было прискорбно.

Жаннотъ переспалъ думашь обѣ ученѣ, шроводилъ большую часѣ своего времени

передъ зеркаломъ и былъ столько глупъ , что началъ всѣхъ презирать — Чрезъ нѣсколько времени по томъ пріѣхалъ къ нему камердинеръ его опца съ другимъ письмомъ , на копоромъ надписано было : *Господину Маркизу Жанношьеру*. Въ семъ письмѣ отецъ приказывалъ молодому господину Маркизу пріѣхать къ нему въ Парижъ.

Жанношъ сѣлъ въ коляску , пѣжавши Колину руку съ величавымъ видомъ , какъ бы общая ему свое покровительство. — Колинъ почувствовалъ низость своего состоянія и заплакалъ ; а Жанношъ поѣхалъ , будучи внѣ себя отъ радости.

Но отъ чего вдругъ такая перемена въ Жанношовомъ состояніи ? — Отецъ его разными несправедливыми способами собралъ въ короткое время великое богатство , перемѣнилъ свое прозваніе , и вскорѣ по томъ купивши Маркизство , началъ называться Маркизомъ Жанношьеромъ. — Въ такомъ состояніи были его дѣла , какъ онъ позвалъ къ себѣ сына своего , молодого Маркиза.

Колинъ любилъ разбогатѣвшаго своего друга столько же , какъ и прежде. Онъ написалъ къ нему письмо , въ которомъ поздравлялъ его и желалъ ему добра ; но молодой Маркизъ и не подумалъ отвѣчать

часть на это письмо. Колинъ занемогъ отъ того съ печали.

Маркизь Жанношьеръ хотѣлъ дать своему сыну знатное воспитаніе; но супруга его не соглашалась, чтобъ сынъ ея учился по Лашинъ, для того, что оперы и комедіи всѣ писаны на Французскомъ языкѣ.

Хотѣли учить его Географіи; но Гжа. Маркиза говорила: „На что это? Извошки и безъ него найдуть дорогу изъ Парижа въ его помѣстья.“

Говорили, что ему должно учиться Исторіи. „Вздоръ! отвѣчала Гжа. Маркиза: „моему сыну довольно и того знать, что всякой день въ Парижѣ дѣлается. На что ему заботиться о томъ, что въ давныя времена и въ чужихъ земляхъ дѣлалось?“

„Надобно ему повчиться не много
„Ариеметикъ, говорилъ Г. Маркизь: это
„хорошо.“

„И это вздоръ, отвѣчала супруга его: „что жъ управитель его дѣлать будетъ, когда онъ самъ спанетъ щипать свои доходы и расходы?“

Такимъ образомъ перечислены были всѣ науки, и всѣ негодились для молодого Маркиза. Однако жъ наконецъ по-

чшено было за нужное, чтобы онъ учился танцовать.

Молодой Господчикъ, не имѣя никакова дѣла и въ праздности занимаясь только нарядами, скоро вдался во всякія распущства и пороки. Онъ распочалъ множество денегъ на порочныя увеселенія, которыя въ пустой душѣ его не оставляли ничего, кромѣ скуки, омерзения и раскаянія. Между тѣмъ глупые родители его распочали столько же, какъ и онъ, дабы ихъ почишали знатными людьми.

Одна молодая довольно знатная вдова, прішедши въ бѣдность, приняла великодушное намѣреніе присвоить себѣ богатство Г. Жанношера, и для того выйти за молодого Маркиза. Родители его узнавши о семъ намѣреніи, почли за щастіе быть въ сродствѣ со знатною фамилією, и съ великою радостію согласились на ея предложеніе.

День брака былъ уже назначенъ; молодой Маркизъ принималъ уже поздравленіе отъ своихъ пріятелей въ присутствіи своей невѣсты, какъ вдругъ вбѣжалъ камердинеръ Маркизы, его мапущки, въ эту комнату, гдѣ они сидѣли. „Что сдѣлалось?“, спросилъ у него молодой Маркизъ.

„Нѣч-

„Нѣчто такое, отвѣчалъ слуга, о чемъ вамъ и не снилось. Полицейскіе приспавы опустошаютъ домъ нашего бапюшки. Заимодавцы его забираютъ все его имѣніе. Говорятъ и о шюрмѣ. Я шоронлюсь бѣжать назадъ, чтобъ заслуженныя мои деньги не пропали. „

„Мнѣ надобно посмотришь, говорилъ молодой Маркизъ, что тамъ дѣлается и о чемъ бредишь эшотъ бездѣльникъ. „

„Да, пойдите, сказала его невѣста, и разгоните безсмыдныхъ приспавовъ. Поскорѣе, Маркизъ! „

Маркизъ прибѣжавши домой, узналъ, что опца его взяли уже подъ караулъ. Всѣ слуги разбѣжались, и всякой унесъ съ собою, что только успѣлъ захватить. Мать свою нашелъ онъ одну, безъ помощи, безъ утѣшенія, оплакивающую прежнія свои глупости и настоящее несчастіе.

„Не опчаявайтесь, вскричалъ онъ: „невѣста моя меня любитъ. Она великодушна и не откажется помочь вамъ своимъ имѣніемъ. Я спѣшу привести ее сюда. „

Онъ пошелъ къ своей невѣстѣ. Но въ какое пришелъ онъ изумленіе, встрѣченъ будучи опъ нее слѣдующими слова-

ми : „ какъ , господинъ Маркизъ ! это вы ?
 Что вамъ здѣсь надобно ? Пристойно ли
 вамъ оставяшь шеперь свою матушку ?
 Возвратитесь къ ней скорѣе ! Скажите
 ей , что я всегда была добрава о ней мнѣ-
 нія . Мнѣ шеперь надобна служанка , и я
 охотно приму ее къ себѣ . „

Маркизъ споялъ , какъ окаменѣлой ;
 по томъ посмотрѣвши на свою невѣспу
 съ презрѣніемъ и досадою , оставилъ ее
 и спѣшилъ къ своимъ знакомцамъ , ко-
 торые помогали ему распочашъ имѣніе сп-
 ца его , и которыхъ почипалъ онъ усерд-
 нѣйшими друзьями своей фамиліи .

Милые друзья принимали его съ
 принужденною учшивоспію ; общались
 служить ему , какъ скоро будущъ въ со-
 стояніи ; но на томъ разѣ ни одинъ не
 сдѣлалъ ему ни малой помощи ; а чрезъ
 нѣсколько дней припворялись они , будпо
 совсѣмъ его не знаютъ .

Бѣдной Маркизъ былъ тогда въ са-
 момъ жалосшномъ соспояніи . Безъ имѣ-
 нія и не зная никакихъ способовъ доста-
 вать себѣ пропитаніе , что надлежало
 ему начашъ ? —

Въ одинъ день ходя въ отчаяніи по
 улицамъ , увидѣлъ онъ старую дорожную
 коляску , за кошорою ѣхали еще нѣсколь-

ко повозокъ съ тяжелою клажею. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой человекъ въ полспомѣ суконномъ плащѣ. На полномъ и румяномъ лицѣ его изображалась ласковость и удовольствіе. Жена его, молодая смугловатая женщина, сидѣла подлѣ него.

Коляска ѣхала тихо, такъ, что сидѣвшій въ ней человекъ имѣлъ время разсмотрѣть печальнаго Маркиза. — Вдругъ вскричалъ онъ: „О небо! что я вижу? Не Жанношъ ли это? — Да, я не ошибаюсь; это онъ!“

Выговоривши сіи слова, молодой человекъ выскочилъ изъ коляски и бросился обнимать спсараго своего друга, не давши ему времени и посмотрѣть на себя приспально. — Маркизъ узналъ въ немъ Коляна. Слезы раскаянія и стыда полились изъ глазъ его; онъ не въ состояніи былъ ничего выговорить.

„Ты спалъ мнѣ невѣренъ, говорилъ Колинъ: „но какъ бы ты знашенъ ни былъ, я не переспану тебя любить.“

Тронущой и приспыженной Жанношъ рассказалъ ему нѣкопоруую часшь своихъ приключеній, проливая слезы. — „Пойдемъ съ нами, сказалъ Колинъ: „въ шрактирѣ расскажешь ты мнѣ, что еще съ тобою случилось. Обойми жену мою, и ошобѣдаемъ сегодня вмѣстѣ.“

Колинъ, жена его и Жанношъ пошли гѣшкомъ; повозки слѣдовали за ними. —
 „Чи это повозки? спросилъ Жанношъ :
 „ не твои ли ? „

„ Да , ошибчалъ Колинъ , все это мое и жены моей . Мы ѣдемъ изъ провинціи . Тамъ есть у меня большой плавильной заводъ . Я женился на дочери богатаго купца . Мы работаемъ много , и Богъ насъ благословляетъ . Мы живемъ по прежнему щасливо , и охотно поможемъ другу нашему Жанношу . Только впредь не будь уже Маркизомъ . Повѣрь мнѣ , что истинной другъ дороже всѣхъ пышныхъ пипуловъ . Поѣдемъ со мною въ нашу провинцію . Я научу тебя моему ремеслу ; оно не прудно . Ты будешь моимъ помощникомъ , и спанемъ жить вѣспѣ щасливо и весело . „

Жанношъ былъ внѣ себя ; онъ чувствовалъ попеременно печаль и радость , нѣжность и стыдъ , и говорилъ самъ себѣ :
 „ Всѣ знашныя мои пріятели оставили меня въ несчастіи ; а Колинъ , котораго я по глупости презиралъ , хочетъ мнѣ помочь . Какое полезное замѣчаніе должно мнѣ изъ этого вывести ! „

Колинъ примѣшилъ , что другъ его печалился о несчастномъ состояніи своего
 опца .

отца, и сказалъ ему: „Мы не допустимъ мамушку твою терпѣть нужду. Обѣ отцѣ своему также не заботься. Я нѣсколько свѣдушъ въ приказныхъ дѣлахъ, и общаю освободить его. — „Въ самомъ дѣлѣ онъ скоро удовольствовалъ займодавцовъ, и выкупилъ Жанношова отца изъ пюрмы.

Жанношъ, отецъ и мать его поѣхали вмѣстѣ съ Колиномъ въ общее ихъ опечество. Они не назывались уже болѣе Маркизами, и принѣлись за прежній свой промыслъ. Жанношъ женился на Колиновой сестрѣ. Она была сколько же простио-сердечна и добронравна, какъ братъ ея, и сдѣлала мужа своего щасливымъ. — Онъ и родители его увѣрились, что щасіе человѣческое состоишъ не въ суешной пышности, но въ умѣренности, шрудолюбіи и добродѣтели.

Щасливъ пошъ молодой человекъ, кошорой заблаговременно научишя сему изъ ихъ примѣра!

К О Н Е Ц Ъ

Осьмой часши.

Содержаніе VIII части.

№ 38. — I. Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Продолженіе.) —
3. Путешествіе изъ Мелінды въ Калекушъ. Первое свиданіе съ Калекушскимъ владѣльцомъ. Спр. 3.

№ 39. — Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Окончаніе.) —
4. Непрѣяшныя приключенія въ Калекушъ. Возвращеніе въ Португаллію. Спр. 17.
— II. Завѣщаніе. Спр. 31. —
III. Кукушка и скворецъ. Басня. Спр. 32.

№ 40. — IV. Невинная ворожба, комедія для дѣшей, въ одномъ дѣйствіи. Спр. 33. — V. Наказанное корыстолюбіе. Спр. 48.

№ 41. — Продолженіе комедіи, начашой въ послѣднемъ листѣ. Спр. 49.

№ 42. — Окончаніе комедіи, невинная ворожба. Спр. 65. — VI. Нравоучительныя мысли. Спр. 72. — VII. Дѣтская любовь и благодѣтельность. Спр. 74.

№ 43. — Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемъ листѣ. Стр. 81. — VIII. О скромности. Изъ письма къ молодому челоуѣку. Стр. 84. — IX. Ручаекъ. Стр. 93. — X. Жипрость одного Американца. Стр. 95.

№ 44. — XI. Діогенъ и Крипонъ. Стр. 97. — XII. Чшо всего пруднѣе и чшо всего легче? Стр. 112.

№ 45. — Діогенъ и Крипонъ. (Продолженіе.) Стр. 113. — XIII. Путешественникъ. Стр. 124. — XIV. Чижикъ. Басня. Стр. 127. — XV. Ошибка въ разщетѣ. Стр. 128.

№ 46. — XVI. О любви къ родителямъ. Стр. 129. — Великодушная дочь. Повѣсть. Стр. 134. — XVII. Анекдотъ. Стр. 144.

№ 47. — Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемъ листѣ. Стр. 145. — XVIII. Томасъ Морусъ. Стр. 149. — XIX. Сновидѣніе. Стр. 155.

№ 48. — Окончаніе сновидѣнія. Стр. 161. — XX. Доспоамяшное произ-

из-

изшествіе , случившееся въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона. Стр. 165.

№ 49. — Достопамятное произшествіе , случившееся въ жизни Англійскаго Адмирала Бирона. (Окончаніе.) Стр. 177. — XXI. Щасіе ошѣ нещасія. Англійская повѣсть. Стр. 179. — XXII. Дикая яблонь. Басня. Стр. 192

№ 50. — Окончаніе повѣсти , начашой въ послѣднемѣ листѣ. Стр. 193. XXIII. Жаношѣ и Колинѣ. Стр. 197.

